

3/91

И СТРЕМНО, И СЫРО...

НОВАЯ3:

ОТ МИТЬКОВ ДО ХАЙЛАФИСТОВ

МЫ

ISSN 0236-3283

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Тамара АЛЕКСАНДРОВА
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
фото Игоря МИХАЛЕВА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик № 1.

© "МЫ", 1991
Издательство "Дом"
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юхтиёт
Сониипринт Финляндия
при посредничестве
В/О "Внешторгиздат"

Сдано в набор 17.12.90 г.
Подписано в печать 17.01.91 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
Уч. - изд. л. 12,72. Тираж 1000000

3/91

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Эрих Фромм. Искусство любить. Перевод с английского	2
--	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Николай Спицын. Искры в камине. Повесть	24
Владимир Михановский. Великий Посев. Фантастическая повесть. Окончание	100

ПРОБА ПЕРА

Георгий Шалашов. Чернильная пушка. Рассказик	16
Стихотворение из конверта	97, 182

НАШЕ ВЕЧНОЕ

Учение Христа, изложенное для детей Львом Толстым. Окончание	157
---	-----

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Вадим Лурье, Александр Файн. И стремно, и сыро... ..	174
Елена Скворцова. На краю... ..	19
Письма в "Мы"	6
Ищу друга	171

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Петр Черняев. Самый-самый любимый	10
На малом экране	191

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Нина Тихонова. Рок не бывает развлекательным	183
Мозаика	188

Любви все возрасты покорны...
О любви сказаны миллионы слов
и написаны горы книг.
Есть формулы любви,
научные определения,
философские трактаты,
словом,
как поется в известной песне:
"О любви не говори,
о ней все сказано..."

И все же для каждого нового
поколения, вступающего
в жизнь, философия любви —
это тайна за семью замками,
крепость, которую надо
покорить самому,
пройдя нелегкий путь
обретения и потерь.

А прошлый опыт — тот самый
ориентир, который поможет
преодолевать сомнения
и познавать великое таинство
этого вечного как мир
и столь же загадочного
слова — любовь!

Книга известного философа
Эриха Фромма

"Искусство любить",
выпущенная в Нью-Йорке
много лет назад,
обошла весь мир.

Возможно, вскоре
она появится и у нас.

А пока мы предлагаем
нашим читателям небольшой
отрывок из этой книги.

Искусство любви...

Да, именно искусство,
ибо любовь —
не счастливая случайность
или мимолетный эпизод,
а именно искусство,
требующее от человека
самосовершенствования,
самоотверженности,
готовности к поступку
и самопожертвованию.

Эрих ФРОММ

ИСКУССТВО ЛЮБИТЬ

Является ли любовь искусством? Ответ на этот вопрос требует знаний и размышления. Является ли это искусство приятным переживанием, которое можно испытать в случае удачи, в которое можно "впасть", если повезет?

Большинство людей понимает значимость любви, им ее не хватает, они смотрят бесконечное число фильмов о счастливых или несчастных любовных историях, слушают сотни дрянных песен о любви, и мало кто думает о том, что любовь есть нечто, чему надо учиться...

Многие полагают, что проблема любви заключается в том, чтобы быть любимым, в том, как понравиться, а не в том, чтобы любить, быть способным к любви. И они следуют к этой цели несколькими путями. Один путь — преимущественно путь мужчин — быть удачливым, сильным, богатым, что позво-

ляет занять сильную позицию. Другой путь, как правило, выби­раемый женщинами, — стараться быть привлекательной, культивировать тело и т. д. Путь и мужчин, и женщин — овладевать хорошими манерами, умение вести интересный разговор, стремиться быть полезными, скромными и вежливыми. Делать себя привлекательным и в то же время полезным также важно для достижения успеха, "для завоевания друзей и влиятельных людей".

Действительно, многие люди нашей культуры считают, что быть привлекательным означает быть популярным и сексапильным.

Вторым основанием позиции тех, кто ничего не знает о любви, является убеждение, что проблема любви — это проблема объекта, а не проблема способности. Они думают, что любить — это просто, трудно только найти объект любви или быть любимым. У этой позиции имеется несколько предпосылок, укорененных в нашем обществе. Одна из них — сильное изменение, которое претерпела в XX в. проблема выбора "объекта любви". В викторианскую эпоху любовь не была, как правило, спонтанным личным экспериментом. Напротив, брак заключался по соглашению — семьями, брачным маклером или вообще без посредников; он заключался из социальных соображений, и предполагалось, что любовь будет развиваться после его заключения. Но в нескольких последних поколениях идея романтической любви стала

почти универсальной в западном мире. В США почти не встречается отношение к браку как к договору, многие ищут романтическую любовь, любовь-эксперимент, которая должна привести к браку.

...Этот же фактор тесно связан с другими характеристиками современной культуры, которая в основном базируется на страсти к приобретению, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в созерцании мелькающих магазинных витрин, в приобретении всего того, что он может получить за наличные или в кредит. Он (или она) оценивает людей одноз­начно. И для мужчин, и для женщин привлекательный субъект другого пола — приз. Привлекательность обыкновенно означает набор качеств, которые популярны и могут быть предложены на рынке личностей. То, что делает человека привлекательным — как его физические, так и духовные качества, — зависит от моды, от времени.

В 20-е годы привлекательной была пьющая и курящая женщина, грубая и сексуальная; сегодня мода требует более скромных и более домашних женщин. В конце XIX — начале XX в. привлекательный мужчина был агрессивным и амбициозным, сегодня он должен быть социальным и терпимым. В любом случае чувство любви обычно развивалось только в таких человеческих сообществах, где были богаты возможности обмена. Я заключаю сделку: объект должен

быть желанным с точки зрения его социальной ценности и в то же время должен хотеть меня, учитывать мои явные и скрытые качества и потенции. Двое "вступают в любовь", когда каждый из них находит свой объект на рынке, принимая во внимание недостатки своих собственных обменных ценностей. Как и при покупке имущества, скрытые потенции могут развернуться и сыграть значительную роль в этой сделке.

В культуре, где превалируют рыночные ориентации и где материальный успех является главной ценностью, нет смысла удивляться тому, что человеческие отношения следуют тем же самым образцам обмена, которые управляют рынком предметов потребления и рынком труда.

Третье ошибочное основание, ведущее к иллюзии, что любви не нужно учиться, лежит в смешении "вступления в любовь" с перманентным бытием, "нахождением в любви". Если двое посторонних, как и все мы, друг другу людей вдруг чувствуют, что рушится стена между ними, чувствуют одинаково этот момент единения, то это наиболее волнующий эксперимент жизни, наиболее прекрасный, чудесный момент для изолированной личности, не знающей любви. Но это чудо внезапной близости часто ослабляется, так как оно связано или инициируется сексуальной привлекательностью и стремлением к цели. Этот тип любви непродолжителен по самой своей природе. Когда два человека хорошо узнают друг друга,

их близость все больше и больше теряет характер чуда, в то время как их противоречия, их разочарования, их взаимная скука убивают все, что осталось от их первоначального волнения. Вначале они не осознают этого, углубляя страстную влюбленность, "сумасшествие" друг к другу, которое якобы доказывает интенсивность их любви. Но на самом деле оно доказывает лишь степень их предшествующего одиночества.

Позиция – нет ничего легче, чем любовь, – продолжает преобладать вопреки явной очевидности противного.

Люди должны были бы страстно стремиться узнать причину того, почему любая активность, любое предприятие, которое начинается с больших надежд и ожиданий, и регулярно терпит неудачу (как в случае любви, так и в случае любого другого действия), стремиться понять, как избежать этого, либо вообще отказаться от активности. Но поскольку отказаться от любви невозможно, то есть только один путь – проанализировать причины неудачи и попытаться постичь смысл любви.

Первый шаг – понять, что любовь есть искусство. Если мы хотим научиться любить, мы должны следовать по этому пути так же, как если бы мы хотели научиться любому другому искусству – столярному делу, искусству медика или инженера.

Перевод с английского
Александра ИВИНА

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

ПОНЯТЬ, ПОМОЧЬ, НАУЧИТЬ

Вот о чем я хочу сказать — или даже крикнуть — всем старшим, особенно учителям: будьте повнимательней к своим детям, ведь мы все люди и прекрасно чувствуем, как к нам относятся. Не ругайте нас, а попробуйте понять, ведь когда-то и вы были молоды и неопытны. И у вас были ошибки.

Посмотрите, как нас воспитывают. Мама говорит сыночку: "Брось камушек в кошечку, она грязная, выгони собачку со двора, а то она тебя укусит..." Учительница в раздевалке на моих глазах обозвала первоклассника-малыша как только могла: "Ты, урод, дебил, дурак ненормальный, куда ты повесил свое пальто?!" И такие ситуации не единичны. Так что же можно потом потребовать с этого мальчика? О каком уважении к старшим и просто человеческой жалости к братьям нашим меньшим может идти речь?

Так появляются в нашей среде садисты и люди со слабой волей, забитые и униженные. Отсюда дорога в наркоманы, в

"дети подвалов", в проститутки.

Надо глядеть не только в глаза детям, но и в их души. И понять их, и помочь, и научить.

Я.К., 16 лет
г. Мурманск

ХОЧУ СДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ

Наверное, проблемы, интересные меня, не подходят к моим тринадцати годам.

Меня всегда удивляла мелочность взглядов моих подруг: они думают только о мальчишках. Мне же они глубоко безразличны (хотя я и красива), мне на них наплевать.

Сейчас наша страна переходит на рыночную систему, и я хочу сделать карьеру. Я хочу работать и работать, хочу получать честную высокую зарплату. Я хочу, чтобы мои дети жили в достатке. Я хочу уехать за границу и работать там. Но вся моя трагедия в том, что я простая русская девчонка и

всю жизнь обречена жить на зарплату 120—150 рублей, как мои родители. Они ведь только инженерё. Но я этого не хочу!

С такими мыслями я возвращаюсь домой из школы, и моя подруга опять говорит мне про мальчишек. А мои мысли совсем другие. Я что, особенная?

Ира П.
г. Калининград

Я ПРОШЛА ЧЕРЕЗ ЭТО

С горечью и грустью я читала о девчонках, которые жалуются на судьбу: "Вот я несчастная, никто меня не любит". Как они все заблуждаются! Я ведь прошла через это.

После восьмого класса я пошла работать. И влюбилась в друга своей самой близкой подруги, казалось, что ради него я готова на все. Но он не заметил моей любви, а меня остановило чувство стыда перед подругой. Я очень переживала, из жизнерадостной девчонки я превращалась в пустоту.

Но я случайно увидела, как две мои сверстницы поют и играют на гитаре. И я до того загорелась желанием научиться петь и играть на гитаре, что, приложив немало усилий, добилась этого. И я постепенно забыла свою первую любовь...

А потом я увлеклась мотоциклом, сдала на права, и теперь у меня "железный друг" — "Ява" последнего выпуска. За рулем мотоцикла я испытываю то, что другим не понять. И теперь я всегда окружена вниманием парней. Раньше я только мечтала об этом, а теперь мне безразличны представители "сильного" пола. В моей компании хорошие ребята, но того, кому бы я сказала "люблю", — нет.

Я твердо осознала, что главное счастье человека — это когда ты живешь и радуешься жизни, берешь от нее все возможное, а совсем не жалкие слова о любви, вздохи и поцелуи, обычно заканчивающиеся постелью. Да, я испытала и это. Но потеря такого "любимого" — не крах. Главное — не поддаваться печали и злу. Ищите в себе то, что еще не открыли, и вы поймете, что жизнь — прекрасна.

Я очень счастлива!

А. Л., 18 лет
г. Саратов

БОЛЬШЕ ПУТЁВЫХ ПИСЕМ!

Журнал "Мы", конечно, клёвый, но мы против таких писем, как в рубрике "Говоря откровенно". Вам что, нормальные люди писем не присылают?

Какой журнал ни откроешь (тот же "Парус", "Сельскую молодежь" и т.д.) — везде одни

бедные влюбленные мальчики и беззащитные девочки плачутся в жилетку журналу. Девочки, если уж вам так плохо, плачьтесь, пожалуйста, в жилетку любимой подружке, но зачем же афишировать себя на весь Союз? Ну ладно, можно прочитать два-три таких письма, и то ради прикола, но десять зараз — это уже настоящий дурдом! Неужели нет подростков, которые здраво смотрят на мир? У нас большая просьба: печатайте большие путёвых писем! Ну написали вам такое письмо — чем вы им поможете? Поглядите по головке и скажете: "Все обрывается, все в жизни происходит..." Так, что ли?

Н. и И., 15 лет
г. Нерюнгри

девчонкой за долги. Многие мои знакомые прошли через это. И потом эти подонки как ни в чем не бывало что-то пытаются с веселой ухмылкой базарить. Некоторые извиняются. Но какое извинение здесь может быть?

Да, парням сейчас нужно только одно... У нас пацаны, которые "проходили" с девчонками более двух недель, считаются рекордсменами. А если он ее еще и девчонкой оставил — феномен! Сомневаюсь, чтобы парни имели к девчонкам хоть какое-нибудь уважение. Единично. Да и о тех понаслышке знаю. Все они одинаковы, по своему опыту сужу.

"Шоколадка"
Приморский край

СУЖУ ПО СВОЕМУ ОПЫТУ

Я обыкновенная шестнадцатилетняя девчонка. Учусь в школе. Говорят, что я симпатичная. Но дело не в этом.

Дело в том, что я стала бояться парней.

На дискотеках я то и дело получаю приглашения "весело" провести ночь, попросту говоря, трахнуть. Но это не страшно — если я откажусь, никто в этот момент со мной ничего не делает. А вот потом? Кто меня защитит?

Сейчас у наших прекрасных мальчиков идет повальная мода "расплачиваться" своей

ЧЕМ МЫ ХУЖЕ?

Мне 15 лет, я учусь в девятом классе школы № 342 Ленинграда.

В нашей школе просто ужасный директор. С нашим классом, да и не только с нашим, но и со всеми старшими, у нее нет общего языка. Стрижку сделать нельзя, распущенные волосы носить тоже нельзя. Наденешь серьги — кричит: "Снимай, пока я вместе с ушами не сорвала!"

Что же это за школа такая? Учителя нас постоянно обманывают. А потом говорят: "Ну и молодежь пошла!"

В соседних школах уже и без формы ходить можно. А чем мы хуже?

Нашего директора зовут Н.П. Соловьева.

Свою фамилию не пишу, так как боюсь, что выгонят из школы.

Без подписи
г. Ленинград

Я ЛЮБЛЮ ЕЕ

Мне тринадцать лет, со второго класса я дружу с Леной. В седьмом классе Лена заболела и ее положили на два месяца в больницу. Ей сделали сложную операцию — удалили один глаз. Но я до сих пор дружу с ней, а ребята в классе прохода не дают, смеются, обзываются. Мне надоело все это, и я решил бросить школу.

Родители хотят, чтобы я не дружил с ней, но я этого сделать не могу. Только недавно я понял, что люблю ее...

Валера М.
Московская область

НЕ НАДО ТРАВМИРОВАТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Я очень удивлена письмом Сергея из Приморского края, который в 16 лет не знает, что такое "интимная сторона жизни". (Это письмо опубликовано в № 2 за прошлый год. — Редакция.) И странные у него друзья ка-

кие-то. Ну а для чего было приносить домой фотографии обнаженных женщин? Если хочешь посмотреть на голую девушку, это можно сделать и в жизни.

А еще надо побольше читать и вообще интересоваться всем новым. Если уж так хочется быть компетентным в области сексуальных отношений, нужно поискать друзей поопытнее. И не надо травмировать наших нежных родителей.

Катя
г. Воронеж

МЫ — ЛЮДИ...

У меня есть собака, добрый, ласковый и верный друг. Я порой задумываюсь над тем, что нам, людям, не хватает этих качеств моего маленького друга. И даже очень не хватает. Не хватает человечности, доброты, тепла по отношению друг к другу. Многие люди невнимательны и грубы. Отсутствуют даже элементарные нормы поведения. А моего пса никто этому не учил, он сам бескорыстно дарит свое тепло людям.

Если мы будем внимательнее и добрее друг к другу, будем отвечать друг другу добротой и любовью, то жизнь, конечно, станет прекраснее. Не надо забывать, что мы — люди.

Оля, 14 лет
Москва

САМЫЙ-САМЫЙ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ ЛЮБИМЫЙ

Беру наугад несколько писем из большой пачки — редакционной почты.

Фото Сергея ИВАНОВА

"Пишу вам, потому что безумно влюблена в человека, который уже женат и у него есть дочь, ей 6 или 7 лет. Этот киноартист известен всем. Ему 30 лет, армянин, владеет английским, французским, мама у него инженер... Да, вы угадали, это Дмитрий Харатьян. Вот уже несколько раз смотрела свой любимый фильм "Гардемарины, вперед!" и не могу смотреть, когда он целуется в третьей серии с Софьей (О. Машная), плачу. Вырезала из "Смены" цветное фото Димы, сделала рамку. У меня уже шесть его портретов в разных позах. А вот седьмую карточку всегда ношу с собой, целую каждую минуту, пою его песни... Раньше я была влюблена в отважного мушкетера Д'Артаньяна (М. Боярский), но теперь и смотреть не хочу тот фильм".

Кристина Н., Ереван.

"Просто не могу видеть страданий дочери. Ей 14 лет, и она безумно любит Д. Харатьяна. Если его пять минут показывают по телевизору, то у нее по лицу течет тушь и совсем нет ногтей (она, когда видит его, грызет от волнения ногти). У нее бывают дни, когда ничего и никого не видит, как во сне, ходит, как умалишенный человек. Порой произносит имя Димы во сне. Целыми днями смотрит на его фотографию, чахнет с каждым днем, сильно похудела. Она знает

все его привычки, может копировать его движения... Это очень страшно, если такая любовь не взаимна!"

О. Дмитриева, г. Орджоникидзе

"... А Вы, господин Харатьян, недурно выглядите в "Мордашке", но Вам больше идет роль "частного детектива"!"

*Поверьте, нашего стыда,
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду мы имели
Хоть редко, только в месяц раз
Увидеть на экране Вас.
Предвидим все: Вас оскорбит
Печальной тайны объяснение.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!"*

Сестры Викторovsky, Томск

...У каждого времени свои кумиры. Когда-то так же влюблялись в Олега Стриженова, Вячеслава Тихонова, Никиту Михалкова, бредили Игорем Старыгиным, Вениамином Смеховым, Николаем Еременко-младшим и многими другими, которых потом забыли, разлюбили (хотя не исключено, что кое-кто и хранит верность своим бывлым кумирам). Нынче — "звездный час" Харатьяна, оказавшегося в рейтинге популярности, проводимом журналом "Советский экран", на первом месте и удерживающего это место третий год.

Уверен, что это их работа — девиц-харатьяноманок: завалили письмами и телевидение, и редакции журналов, газет, воспевая своего любимца и свои невероятные чувства к нему. Сам Дмитрий

убежден, что ничего еще, с точки зрения актерского мастерства, значительного в кино не сыграл, но...

Им бредят. По нему сохнут. Его боготворят. Телефон артиста его поклонницы перекупают друг у друга за червонец (не исключено, что на момент публикации статьи ставки уже поднялись). Ему килограммами присылают объяснения в любви, где почти каждая корреспондентка указывает, что нравится он ей не как артист, а прежде всего как человек, как простой парень. С ним хотят дружить, абсолютно веря в то, что Дмитрий — такой же честный, храбрый, искренний, как и его герои из "Розыгрыша", "Зеленого фургона", "Водителя автобуса", супербоевика "Гардемарины, вперед!"

"Почему интересен гений, артист, поэт?" — спрашивал себя выдающийся советский философ Я. Голосовкер в исследовании "Интересное". И пришел к выводу, что "гений, артист, поэт потому интересны, что они — фокус пересечений многих удивительных планов воображения и абсолютов мечтаний, а вовсе не потому только, что человек жаждет преклонения перед чем-то чрезвычайно высоким".

Да, выросшие в атмосфере лжи и несправедливости, нынешние молодые мечтают о герое, который прискачет на коне и, размахивая шпагой, восстановит справедливость, не даст спуску хаму и обманщику, которых так много вокруг. Да еще берущую за сердце песню поет. И умчит тебя в прекрасные дальние дали... Он из другой жизни. Его герои позволяют погрузиться в царство грез и отвлечься от серой, скучной, бесперспективной действительности. Он идеальный

герой — светловолосый, голу-боглазый, деликатный, остроум-ный и очень какой-то "свой". Это не недоступный Тимоти Далтон и не сказочный "ангел диско" Митхун Чакраборти (то ли изгой, то ли миллионер), а парень, похожий на многих. Выдумщик и гитарист, лирик и немного авантюрист. Тот, который не бросит в беде, не пре-даст. Надежный.

Правда, этим феномен успеха Дмитрия Харатьяна тоже не объяс-няют. Мало ли у нас на экране было надежных и сверхнадежных — сплошь положительные герои. А набили оскомину. Чем больше со-вершали, по воле сценариста, хоро-ших дел, тем больше себя дискре-дитировали. А тут — в "Гардема-ринах" — стопроцентное попа-дание. Мало того: рождение персо-нажей для практически бесконеч-ного сериала... Конечно, жанр "плаща и шпаги" в юношеском воз-расте (а молодежь, похоже, навечно завоевала звание "самой активной части кинозрителей") помогает внутренние пережить то, чего ты ли-шен в реальности, идентифициро-вать себя с симпатичным борцом за правду. Именно симпатичным. Здесь зритель "садится на крючок". Потом срабатывает эффект "снеж-ного кома" — все остальные работы полюбившегося актера рассматри-ваются под тем же углом; из них вычлениаются лишь героико-ро-мантические грани. Публика со-здала имидж актера и ревностно его охраняет.

Впрочем, такое в судьбе Харать-яна уже было. После его дебюта в "Розыгрыше", который был по су-ти морально-нравственной "жвач-кой" на школьную тему с юным прагматиком-приспособленцем и столь же юным бунтарем-нон-

конформистом... Полный внутрен-него достоинства, обвиненный в не совершенных им недостойных де-яниях, но оставшийся самим собой, Грушко по уровню жизненной до-стоверности здорово уступал и Кольке Снегиреву ("Друг мой, Колька!"), и ребятам из "Доживем до понедельника", и асановским пацанам из драмы "Не болит го-лова у дятла". Но фильм, без всяких изысков слепив возвышенный об-разец для подражания, вызвал шквал писем. Почтальоны из под-московного города Красногорска с трудом запикивали их в почтовый ящик Харатьяна, ставшего — не-ожиданно для него самого — "звездой" экрана.

...Уже много раз писалось про то, как Дима, узнав в пионерском ла-гере, что киностудии нужны ребята, умеющие петь и аккомпани-ровать на гитаре, приехал на "Мосфильм" — и получил главную роль. И еще до поступления в теат-ральный вуз успел сыграть героя в телефильме "Фотография на па-мять". Повторяться не буду. Можно было бы остановиться на его не-больших работах (на большие ему в период учебы в институте времени не хватало) в картинах "Плывут моржи", "Школа", "Дыхание гро-зы", короткометражные "Празд-ник фонарей", где сыграл артиста, совершающего подвиг в последние дни войны в Маньчжурии. Но уже видно, что те экранные появления останутся на периферии его твор-чества (кроме, пожалуй, роли юного циника и подонка Кости Стрижака из "Охоты на лис"). Как и проходные персонажи в фильмах "Подвиг Одессы" и "Таинственный узник" (Дмитрий тогда служил в армии).

Он обретал мастерство, позна-

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Дмитрий ХАРАТЬЯН

вал тайны профессии. А массовый успех актеру принес фильм, где в основном нужно было лишь позировать, "демонстрировать лицо". И теперь, похоже, на Харатьяне навечно штамп "гардемарина". Впрочем, если всмотреться повнимательнее в новые работы Дмитрия — "Частный детектив, или Операция "Кооперация" (образ пылкого наивного чудака), "Мордашка" (расчетливый донжуан, карьерист) и "Лицом к стене" (следователь), можно заметить, что артист отмежевывается от принесшего ему популярность имиджа. Проиграл он на этом или нет, стоит ли общему любимцу менять амплуа или продолжать работу в рамках успешно найденного образа — судить зрителям.

...Думаете, раз популярен, так ему и проходу не дают на улице? Ошибаетесь. Помню, шагает себе Дима в толпе, помахивая гитарой, никто и не оглянется, не скажет даже: "У-у, на Харатьяна похож..." Люди сейчас больше под ноги смотрят. А кинозвезд если и выглядывают, то лишь рядом с "Мосфильмом".

Но судьбы звезд их современникам небезразличны. Вон какая шумиха была, когда прошел слух, что квартиру Харатьяна обокрали. Кажется, тогда один лишь телевизор у него и вынесли. Поклонники актера готовы были чуть ли не фонд помощи своему кумиру организовать: на телевидение рубли и трешки присылали — "для Димочки, для любимого артиста". Не хотят люди, чтобы его смеющиеся глаза грустнели. Ведь он сам нас учил: "Не вешать нос, гардемарины!"

Петр ЧЕРНЯЕВ
Фото Николая ЕЖЕВСКОГО

ЧЕРНИЛЬНАЯ ПУШКА

РАССКАЗИК

Уликов спать любил, но каждое утро ровно в 7.00 будильник играл "Взвейтесь кострами". Уликов как сознательный пионер вставал, повязывал на голое тело галстук, отдавал салют и стоял так всю песню.

После утреннего отдания салюта спать уже не хотелось. Уликов одевался, съедал бутерброд с селедкой и шел в школу. Занятия начинались с линейки. Старшая пионерская вожатая выходила в центр выстроенного правильного квадрата и говорила: "Товарищи, стране нужны специалисты. Нам нужна достойная смена продолжателей нашего дела. Поэтому вы должны учиться, учиться и еще раз учиться!" Затем начинался барабанный бой, и пионеры расходились по классам.

Первым уроком была математика. Учительница никогда не опаздывала, но и раньше приходить не любила. Уликов с одноклассниками расселись по местам. И стали ждать. Староста открыл окно. Через минуту в него влетел мотоцикл и аккуратно затормозил у стены.

— Ну что, гаденыши, начнем? — спросила математичка и начала снимать шлем. Сегодня она была в хорошем настроении.

— Уликов, к доске!

У него закружилась голова, затряслись коленки, пошли желтые круги перед глазами.

— Я не готов!

— Значит, сегодня будем наказывать! — воскликнула она с удовольствием.

Одноклассники злорадно зашушукались. Уликов встал и пошел к учительнице. Подошел, встал на колени. Она завела двигатель мотоцикла, приподняла выхлопную трубу и направила ему в лицо. Струя едкого дыма ударила в нос. Уликов закашлялся, закрыл глаза. Математичка засекала время и поддала газу. Уликов крепче зажмурился и молчал. Через пять минут она сказала: "Иди на место! И подай мне дневник!"

Уликов сел и начал оттираться. После него учительница вызвала к доске отличницу и прозанималась с ней весь урок. Леночка была отличницей с большой буквы. Все учителя очень любили ее. С детства она запомнила главные учебные принципы:

"Учитель всегда прав",

"Ребенок пока не человек",

"Если учитель говорит, то и дважды – два = пять правильно".

Она даже завела книжечку, куда записала эти принципы, и всегда носила ее с собой. Сейчас Леночке было очень хорошо. Ведь только что наказали этого двоечника.

Прозвенел звонок, ученики высыпали в коридор. Перекрывая галдеж детей, в рекреации звучала "Взвейтесь кострами".

Все учебные кабинеты выходили в коридор, с обеих сторон простреливаемый чернильными пушками, на которых сидели тетя Маня и тетя Глаша. По совместительству они были уборщицами. Во время перемен они отходили от пушек и брали швабры. Мыли, терли пол под ногами ребят. Во время же урока, когда в коридоре никого не было, они сидели у пушек и ждали: "Может, кого-нибудь выгонят?"

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

Зазвенел звонок на урок. На ботанике Уликова вызвали собрать и разобрать макет цветка. Разобрал он хорошо, но вот собрать никак не мог. Наконец как-то все пристроил, опустил руки и показал учителю.

— Что это такое?! Ты перепутал местами тычинку и пестик!

В это время экспонат развалился. Тычинка разбилась вдребезги. Учительница вскочила со стула, побагровела от злости и выкрикнула:

— Вон!!!

Для Уликова это было самое страшное. Ему предстояло выйти в коридор, где стоят чернильные пушки. За ними изнывают от тоски тетя Маня и тетя Глаша.

Уликов открыл дверь и с кувырком прыгнул вперед, прижался к стене и побежал к выходу. Уборщицы не успели опомниться. Но вот тетя Маня поймала его в прицел и нажала гашетку. Чернильная струя пролетела мимо, чуть задев рукав. Уликов прыгнул к противоположной стене. В это время тетя Глаша пустила в него свою очередь. Уликов подпрыгнул. Струя попала в бедро. И опять струя тети Мани. Точная, в плечо. Сырая школьная форма сковывала движения. Еще минута, и уборщицы зальют его с ног до головы. Уликов собрал последние силы и прошмыгнул к выходу. Осталось пройти проходную с комендантом...

— Товарищ комендант, рядовой седьмого класса гвардии-пионер третьего ранга товарищ Уликов направлен учителем ботаники ВОИ. Разрешите проследовать к месту назначения.

Комендант посмотрел недоверчиво и сказал:

— Визу.

Уликов достал визу.

— Дневник.

Уликов подал дневник.

— Характеристику.

Уликов показал характеристику. Комендант хмурил брови, медлил.

"Только бы не послал обратно к учителю за письменным подтверждением", — испуганно подумал Уликов и застонал жалобным голосом:

— Я хороший. Пустите меня домой, а то чернила засохнут. Отмывать очень плохо будет.

— Пароль? — буркнул комендант.

— Нам свобода не нужна! — радостно закричал гвардии-пионер третьего ранга.

Бронированные двери открылись. Рядовой седьмого класса вышел на улицу и вдохнул чистого воздуха.

"А если бы дали мне эту самую свободу, то я бы не отказался", — подумал он и, со страхом закрыв рот, обернулся на свою школу. Над ее крыльцом висел большой плакат "ПИОНЕР, ПОСТУПАЙ УЧИТЬСЯ В НАШУ ШКОЛУ!!! ТОЛЬКО У НАС ЗАПРЕЩЕНО РУКОПРИКЛАДСТВО".

НА КРАЮ...

Когда в Элисте и Ростове-на-Дону, городах, печально известных в нашей стране, детей заразили СПИДом в больницах, впервые, пожалуй, стало по-настоящему страшно: медицинский способ заражения мог стать у нас основным.

Он им и стал. Теперь уже не секрет, что проститутки, гомосексуалисты и наркоманы (пресловутая "группа риска"), вместе взятые, внесли в распространение эпидемии меньший вклад — максимум 30%, по данным Минздрава СССР, — чем сами медики.

Конечно, детей лечат. Вопрос

только — как? Тот же Элистинский стационар напоминает скорее лепрозорий. Дети здесь словно в тюрьме — их не выпускают гулять, они полностью изолированы от мира. Не хватает врачей, а те, кто есть, стараются держаться от малышей на расстоянии. Дети медленно умирают. Умирают не только от болезни, но и от отсутствия элементарно доброго отношения к ним. В Ростове чуть лучше, но психологическая обстановка та же. Прибавьте к этому нехватку медикаментов, медицинского оборудования разового использования, специалистов. Многие

Фото
Александра
ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

*Здесь, в центре
профилактики
и борьбы со СПИДом
в Москве,
лечились и дети
из Калмыкии*

детишки брошены родителями на произвол судьбы — у них пергаментные лица, потухшие взгляды, про ласку и смех они, кажется, и вовсе забыли. В такой ситуации вряд ли помогут даже те немногие имеющиеся у нас лекарства, которые повышают иммунную сопротивляемость организма вирусу. А ведь у этих детей есть шанс дожить до открытия способа полного избавления от болезни. Вернее, был...

Всесоюзный центр профилактики и борьбы со СПИДом, который наиболее интенсивно занимается этой проблемой, возник в 1985 году и является сегодня единственным в стране местом, куда стекаются все данные о вирусоносителях, присылаются на проверку все подозрительные сыворотки и где принимают на обследование зараженных и больных.

— Можно ли было предотвратить эту страшную эпидемию? — обращаюсь я к заведующему центром В.В. Покровскому. — Ведь наша страна сравнительно недавно вошла в волну СПИДа, и, наверное, была возможность не только учесть, но и тщательно проработать горький чужой опыт?

— Мы всегда задним умом крепки. Если бы решение о создании лаборатории (именно так мы начинали) было принято на

три года раньше, то ситуация, конечно, не была бы такой критической.

Первого больного мы нашли, потому что активно его искали, выполняя поручение правительства. И — нашли, несмотря на то что большинство официальных лиц, в том числе и среди медицинского руководства, уверяли, к сожалению, что СПИД — это болезнь исключительно гомосексуалистов, причем только американских. А у нас, как известно, гомосексуализм "не существовал", проституция и наркомания тоже. Чтобы доказать нашему тогдашнему руководству, что все это не так, мы обследовали группу иностранных студентов. И вы-

яснили, что эту инфекцию к нам могут занести не только из США, но и из Западной Европы, и из Африки. И что заболеваемость СПИДом не зависит от политических убеждений.

За первые четыре года работы мы создали систему слежения за ВИЧ-инфекцией (вирус иммунодефицита человека) в нашей стране, которая позволяет выяснить, есть ли инфекция, в каких масштабах и чего нам ожидать в ближайшее время.

— Известно, что на Всемирном конгрессе по СПИДу в Стокгольме американские ученые подтвердили высокую эффективность такой системы. Не хочу вас обидеть, но ведь и она не смогла

Тем более что недавно появились вполне официальные данные о том, что вирус СПИДа может передаваться и бытовым путем. Это подтверждают теперь и те самые эксперты Всемирной Организации Здравоохранения, специалисты по СПИДу, которые раньше начисто отрицали такую возможность.

Неутешителен и прогноз

предотвратить элистинской трагедии. Какова дальнейшая судьба этих детей?

— Самое страшное не само наличие ВИЧ-инфекции, а то, что она может перейти в стадию СПИДа. Поэтому на протяжении всей своей жизни они будут раз в полгода приезжать к нам на обследование. Кстати говоря, Минздрав СССР выплачивает им деньги на дорогу.

— Если я правильно поняла, зараженный ВИЧ-инфекцией человек живет практически нормальной жизнью среди нас. Есть ли у него какие-либо ограничения?

— Запреты... В нашей стране он дает подписку, что не будет ставить людей в условия, опасные для заражения, не будет вступать в половые контакты, не предупреждая о возможных последствиях и не используя презервативов. Но и здоровые люди должны быть всегда настороже и не думать, что все инфицированные полностью изолированы от общества. Защитить себя от болезни мы можем только сами.

Что ж, утешительного мало.

В.В. Покровского о динамике развития эпидемии СПИДа в нашей стране. Если на период до 1989 года включительно носителями вируса являлись 446 советских граждан, то число инфицированных в 1991 году достигнет 6200 человек, в 1993 — 89200. Дальнейшее беспрепятственное развитие процесса может привести к тому, что уже к 1995 году вирус

поразит 1 440 000 человек, к 1998 — 92 169 000. К концу века, если на пути распространения СПИДа не будет поставлен надежный заслон, смертельной болезнью будет заражено все население СССР.

Мы уже стоим на краю. Еще шаг — и бездна.

Елена СКВОРЦОВА

Николай СПИЦЫН

ИСКРЫ В КАМИНЕ

ПОВЕСТЬ

Но я не вписался в эту любовь.

Так, бывает, мотоциклист не вписывается в крутой вираж. И вылетает на обочину.

На следующем по расписанию уроке наш 8 "А" должна была вгонять в сон Екатерина Платоновна, и шел я в химкабинет, когда Житько вдруг резко загородил мне дорогу.

— Купи новость, Шапкин!

Он, как всегда, работал челюстями. Они у этого жвачного неутомимые. И пахло от него на сей раз мятой.

Вот знаете, есть нормальные толстяки, — и большинство их, таких, которые стесняются того, что они толстые. А Вовик Житько — наоборот, как будто кичится своей распертостью. Он уже в первом классе, когда кто-нибудь начинал цепляться — эй ты, жирный! — посильнее выпячивал пузо и надувал щеки. И что интересно, даже у самых заядлых дразнил отчего-то пропадала охота его шпынять. И они сразу переключались на стеснительных и уж этих, ранимых, доводили до слез. А Житько — ему хоть бы хны...

— Ну, берешь?

Нагло уставился на меня своими блестящими пуговками, будто желая загибнотизировать и слопать. Такая вот манера вести разговор. Не очень-то приятно, по правде говоря, когда кто-нибудь впивается плотоядным взглядом тебе в глаза и при этом жует, жует... Не по себе как-то делается, хотя и знаешь, что жует-то он всего-навсего резинку.

— Нет, Жвачко. Денег жалко.

— Ладно, так и быть, уступлю бесплатно. Я тебе сейчас что скажу — ты ваще в отпаде будешь. Вчера в ДК — это ваще завал! Группа "Атлантик"! У меня билет на руках — и не могу с билетом ко входу протиснуться...

— С твоей массой нужно не протискиваться, на таран идти лучше, — сказал я, но что толку стрелять по носорогу из пробочного пистолета.

— Ну правда, чуваки — крутяк! Там ваще, они как вышли на сцену — это полный атас! Я на свое место хотел — бесполезняк, всю дорогу торчал в проходе, но оттуда все тоже нормально было видно...

— Поздравляю, Вовик! Ну, ладно, дай пройти.

— Не-е... Ты подожди... Угадай теперь, кто со мной рядом стоял.

Ну на это мне совершенно было начихать. По-хорошему, его бы надо отодвинуть в сторонку и топать дальше, но для этого требовался бульдозер, а его под рукой не оказалось, и потому я просто хотел Вовика скромненько обогнуть, но он не пустил, вцепился в рукав.

— Бабкина Валька там была, нонял? Там, вааще, толпа как даванула, и ее ко мне прижали...

— Надо же, как тебе повезло... — произнес я вполне хладнокровно. — Ну ты хоть сводил ее в буфет?

Житько приоткрыл рот, выпер языком левую щеку и помотал головой:

— Не-а! В буфет она меня пригласила. Я ей за это обещал кое-что на ушко сказать, интересненькое. Они же знаешь, какие все любопытные. Только дай как следует наживку заглотить...

— Ты-то откуда знаешь?

Я был спокоен, как слон, честное слово.

— Да уж знаю...

Вовик подмигнул одним глазом и выпустил изо рта мутный пузырек. Любит повыделываться. Достает же фирменный бабл-гам, но где — поди выпроси. И никого сроду не угостит. Вот продать, поменяться — это может. Если хорошенько перед ним поунижаться. И что интересно, такие любители всегда находятся...

— Короче, купила она мне эклер и банановый напиток...

— Я счастлив за тебя, Житько.

Он ждал, когда же я наконец спрошу, за что все-таки Валя угощала его пирожным. Но я не спрашивал. И лицо у меня было, я чувствовал, как у индейца, то есть непроницаемое. Недаром упражнялся перед зеркалом последние недели.

— Ну, — не выдержал Вовик, — я намекнул ей, вааще, что есть в нашем классе один мальчик... равнодушный к ее прелестям... Юра такой есть, Шапошников...

Чтоб ты подавился этой своей жвачкой!

— Тебя об этом кто-нибудь просил?

— А что такое? Ну подумаешь... Разве девчонка не имеет права знать о своем счастье? Что ей, хуже будет?

— К каким еще таким прелестям, ты, толстолобик! Чего ты суешь рыло не в свое дело!

Житько надул губы:

— Могу и не совать... Не хочешь — как хочешь. Я вааще думал, раз это тебя касается... Для тебя же старался, хотел как лучше. А раз ты так, могу и ничего не говорить, пожалуйста...

— Вот и заткнись!

Но он, конечно, уже меня подцепил на крючок. Я тоже заглотил наживку. И лучше бы мне было тихо-мирно дослушать его треп. Но выдержки не хватило. Снова дал волю характеру.

А он теперь, чего доброго, упрется, и слова из него не вытянешь, из болтуна этого, из этой балаболки... С ним такое бывает: прикинется

обиженным и корчит из себя глухонемого. И хватает его когда на час, когда на полтора...

Но, видно, жгло ему язык, и он не утерпел:

— Кстати, не так уж высоко ты у нее котируешься...

И ухмыльнулся мне в лицо, нагло дохнув мятой. Вокруг большая перемена орала, топала, визжала, но весь этот шум и гам, сутолоку эту вдруг как-то отсекло от меня, и слышал я только один голос, ясно, будто в полной тишине:

— Не ты, вернее, а твой прикид...

Вовик сделал паузу и опять выпустил большой пузырь из жирных дурацких губ.

— Так и сказала, если хочешь знать. Говорит, вааще, мальчик сам по себе — ничего... Только жаль, прикид у него отечественный. Вааще, я так понял, если достанешь где японский куртец и джины импортные, твои шансы возрастут.

Наверное, он думал, что убил меня этими словами.

— Ну а добудешь варенки штатские, шузы саламандровые — считай, она твоя навеки... И я тебе хотел с этим делом помочь, но теперь еще посмотрю на твое поведение.

И он исчез. Деловой — до упора.

А я присел на подоконник, чувствуя себя черепахой, с которой содрали панцирь. Разглядывают ее, хватают руками, дергают за лапки, тормошат и при этом жуют, чавкают, пускают пузыри...

Тут Сережа Курилов подошел:

— Ты чего это, Юр? Заболел или что?

И вид у него был такой озабоченный, такой встревоженный... Все-таки есть у нас и душевные, равнодушные люди, подумал я и поспешил Сережу успокоить:

— Да чепуха... Все в порядке. Можешь вздохнуть с облегчением.

— Ну и зер гут! — обрадовался мой друг.

У него и по немецкому пятерка.

— А то ж я хотел у тебя клетку сегодня попросить... У тебя целая клетка-то? Ну та! Чижикова!

— Валяется где-то в подвале...

— Ну вот! Я так и ожидал, что в подвале. Думаю, заболел Юрка если, кто же клетку-то искать будет, а она мне — позарез!..

— А если Юрка умер? — спросил я своего друга.

Сережа осекся, и лицо его приняло какое-то туповатое выражение. Он силился понять, но не мог...

— Ладно, — сказал я, — идем скорее, неохота опаздывать.

Могли мы и опоздать, ничего страшного не случилось бы.

До зимних каникул считанные денечки оставались, и школа дотягивала их как могла. Отметки за вторую четверть уже всем были приблизительно известны, а быть может, и проставлены даже, где положено. Так что на этот счет никто особенно не волновался.

Елку еще позавчера спилили, привезли из лесу и до поры до времени уложили на бок в пустом помещении, где прежде находилась раздевалка.

А чтобы ее не растащили по веточкам, на дверь замок повесили размером с колесо от мотоцикла. Не пробраться к ней было. Но зато уж хвойный запах проникал на все этажи, во все уголки и закоулки.

Как всегда, самые шухарные пацанята, кому было совсем невтерпех, контрабандой протаскивали в школу мотки серпантина, хлопушки, бенгальские огни, самодельные дымовушки, пускали все это в ход при каждом удобном случае и потом играли в догонялки с техниками, которые бегали за ними со швабрами и вениками... Словом, новогоднее настроение.

И химичка наша, Екатерина Платоновна, выглядела рассеянной, часто уходила в лаборантскую и, можно сказать, пустила учебный процесс на самотек, праздник близко, чего уж там...

Желающие чуть ли не в открытую блуждали по кабинету с места на место. Девчонки сбивались в стайки и шушукались понятно о чем: кто в каком наряде собирается дебютировать на вечере. Событие, конечно, для некоторых... Раньше-то все утренники да утренники. Белый фартук, красный галстук. А ведь хочется быть неповторимыми...

Самая оживленная компания, как обычно, вокруг Риты Завьяловой. Эта звезда загорелась в нашем классе недавно и, должно быть, ненадолго. Ее папу перевели с повышением на один из наших больших заводов откуда-то из-за Урала, а может, и с самого Урала, не знаю, неинтересно это мне... Вот те, кто около нее постоянно вертится, они, наверное, знают, а мне это не нужно, мне что за дело...

Честно говоря, даже смешно смотреть. Все вокруг нее увиваются или мечтают увиваться, но тайно мечтают, по секрету от остальных. Спокойствие соблюдают лишь несколько девчонок да мы с Куриловым. Сережа — потому, что его жизнь отдана животным, он на них помешан, он их обожает; я всегда удивляюсь, как у него еще хватает духу носить кроличью шапку и не падать в обморок всякий раз, как он об этом несчастном кролике вспоминает.

Ну а что касается меня, то я влюблен в Бабкину, я влюблен в Бабкину, я влюблен в Бабкину Валю, Бабкину Валю, Валю... И все!

А с Завьяловой мы живем в одном доме. Помню, как они вселялись: заехали в наш двор две здоровенные фуры, помяли кусты, поыворотили бордюры, беседу одну повалили... Разгрузкой мамаша руководила.

— Осторожнее с мебелью! Осторожнее с мебелью!

А когда рабочие присели перекурить, она оглядела наш дом, деревья наши, двор, покачала головой и сказала:

— Боже мой, ну и дыра... Ну и трущоба...

Не то чтобы я уж таким патриотом был, но мне стало прямо обидно! Я всегда считал, что таких домов, как наш, раз-два и обчелся, шутка ли, двести с лишним квартир...

А она:

— Боже, боже, куда мы попали... Ни лифта, ни мусоропровода...

Можно подумать, они из Москвы приехали... И можно подумать, что им здесь всю жизнь жить, а не то время, пока им готовят квартиру настоящую, в настоящем доме с достойными таких людей соседями... Вот и Рита в нашем классе, конечно, временно учится. Для

таких, как она, есть специальные школы, не пролетарские, как наша, а привилегированные, их в нашем городе, кажется, три или даже две. Вот туда она и переберется начиная с девятого класса. Поэтому вдвойне смешно наблюдать ее всегдашнюю свиту, которую она и в грош не ставит — я же все вижу, поскольку не участвую в этой комедии. Честно говоря, мне и всегда-то нравится держаться в стороне, чуть поодаль.

Вот в детстве — да, в детстве я был общительным, иногда сверх всякой меры. Но потом получилось так, что мне пришлось очень много времени проводить в таких местах, где я ни на секунду не оставался один, буквально ни на секунду. А когда слишком уж много общения, тоже надоедает, поверьте. В конце концов просто этим объедаешься. И тогда человек начинает нервничать, заводится по пустякам и прочее. Если не научится приспосабливаться. Я это умею.

Например, есть хороший способ, который называется "кино". Нужно представить себе, что все вокруг происходит не на самом деле, а как бы на таком специальном экране, что ты всего-навсего смотришь кино, что ты — только зритель, кто-то сюда тебя провел, причем бесплатно, так что еще больше удовольствия получаешь.

Конечно, постоянно в эту игру нельзя играть, а то можно и чокнуться. Да и не получится — вот ведь сорвался я в разговоре с Житько. Но иногда фокус этот меня здорово выручает, особенно в школе.

Ведь я старше всех в классе. Вышло так, что когда мои одноклассники собрались в первый раз в первый класс, врачи у меня определили заболевание и уложили сперва в больницу, потом в санаторий...

А потом я оказался как бы сразу второгодником. И до сих пор у меня появляется время от времени такое чувство, словно я по ошибке здесь, среди вот этих ребят, случайно, что мои настоящие товарищи где-то впереди, они ушли вперед, а я вот замешкался, отстал... И мне их теперь уж никогда не догнать.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что считаю себя умнее и тому подобное или что имею какие-то особые права по сравнению с теми, кто родился позже. Но, если честно, хочется иногда, чтобы они об этом вспоминали. Чтобы тот же Вовик Житько — мальчиком назвал меня, вот ведь скотина! — замечал разницу между собой и мною.

Надо, конечно, признать, что многое тут зависит от меня самого. Если вдуматься, к каждому человеку окружающие относятся так, как он им позволяет, как он поставит себя. А у меня пока с этим делом неважно. Бывает, что все идет наперекосяк. И тогда я включаю проектор и смотрю "кино".

Наверное, это все-таки заметно и со стороны, потому что в один прекрасный день мама пришла с родительского собрания и заявила, что Варвара Васильевна, классная наша, сказала п р и в с е х: "Шапошников очень инертен!"

— Ну почему, почему ты не участвуешь в общественной жизни?

— Как это я не участвую, а кто им фотогазету делал? Или Варвара уже забыла?

— Она помнит! Она сказала, что ты занимался этим из-под палки, что ты вообще мало активности проявляешь...

— А почему я должен сам напрашиваться? Попросят — сделаю, а набиваться не буду.

— Ты должен иметь активную жизненную позицию, а ты сидишь на уроках с отсутствующим видом! Из тебя же ничего не выйдет!

— А я и не хочу, чтобы из меня что-то выходило!

— Вот-вот! Об этом и речь! Хотя бы ты в кружок записался какой-нибудь, в спортивную секцию... Почему ты перестал ходить во Дворец пионеров?

Мама после родительских собраний всегда приходит такая вот разгоряченная. Ей мало знать одной, что ее сын — самый лучший, надо, чтобы об этом все знали и все говорили, а вместо этого приходится выслушивать не то, что хочется, а то, что есть на самом деле.

"Почему ты бросил волейбол? Отказался заниматься в КИДе?"

Короче говоря, маме инертный сын не нужен. И я должен сорвать с себя этот позорный ярлык. Немедленно сорвать!

И я пообещал исполнить ее приказ. Но мне нужно было уточнить, от чего я должен избавиться, и я потому отправился к Сереже Курилову, и он достал из отцовского шкафа здоровенный словарь, и там было черным по белому напечатано, что инертные газы, они же — б л а г о р о д н ы е, — это такие газы, которые не вступают в химические реакции, как бы их ни заставляли. А раз так — это я уже сам додумал, — стало быть, и человек инертный — благороден, а благородный — инертен. Выходит, ничего в этом слове — инертный — обидного нет. Пожалуй, даже наоборот... Значит, нечего и беспокоиться. И я так и остался инертным.

Моя соседка по парте, Надька Петракова, пользуясь общей анархией, перебежала к Овчинниковой, и я сидел в гордом одиночестве, тупо уставившись на штатив с пробирками. Сидел я так благородно и думал о том, что с Житко держал себя, как последний дебил. Можно ведь было иначе. Нужно было...

Ну видел ты Бабкину. И что из этого?

С Вовиком — с ним же, как с цыганкой, главное не ввязываться в долгую беседу, отвечать кратко, а лучше и совсем не отвечать. Короче, не вступать в реакцию.

Ты ей сказал, что я?..

Ты что, вольтанулся? Температура у тебя нормальная? Не гриппуешь? Дыши-ка на всякий случай в сторону!

И все! И не к чему было ерепениться!

Ну гулял, быть может, какой-то слух по классу... Так ведь доказательств не было! А слух... Догадываюсь, кто мог его пустить. И знаю приблизительно когда... Скорее всего после осенних каникул. Потому что...

Потому что седьмого ноября, после демонстрации, в школе, как всегда, был смотр художественной самодеятельности.

Я вообще-то уже давно такие концерты не посещаю, поскольку там вся программа наперед известна: Валерик Ильяшенко исполняет на фортепьяно "Сентиментальный вальс" композитора Чайковского,

сестры-близнецы Черняевы исполняют на балалайках "Музыкальный момент" Шуберта, потом Рая Хакимова с ее неувыдаемым акробатическим этюдом, потом Алик Рябых и Люся Елькина с их зажигательным "кубинским" танцем...

Но в тот раз я тоже затесался в публику. Особый случай был: прежняя ведущая окончила школу, и теперь ее место заняла Валя Бабкина. Ей доверили номера объявлять: "Выступает..." — и так далее.

Забрался я в самую гущу первачков и вторачков, кого-то из них даже на колени посадил, однако Надька все равно меня выглядела, продралась, шуганула какого-то ребятенка с его законного места и утесзилась рядом, зашуршала фольгой.

— Хочешь кусочек?

А у меня на шоколад с детства аллергия. Я отказался от угощения, она подумала, наверное, что я стесняюсь, и начала меня донимать, как тот Демьян из басни дедушки Крылова. Ее бы воля, она, кажется, силой запихала бы мне в рот всю плитку за рубль пятьдесят.

У нас в классе в этом учебном году как-то так получилось, что все ребята расселись с девочками. Даже закадычные друзья-товарищи и те разбрелись. И Надька облюбовала мою парту. Уж не знаю, чем она ей понравилась, только явилась эта дылда, прогнала бедного Карасева к Баркаловой, с которой вообще никто сидеть не хотел, и начала наводить порядок.

Я не возражал, все-таки разнообразие, да и не хотелось отставать от других. Но она как освоилась, так сразу же и возомнила, будто у нее теперь на меня появились какие-то права, которые неизвестно кто ей дал, да еще стала эти мифические права понемногу качать. Выражалось это во всяких мелочах, и сама она девочка забавная, и терпеть ее закидоны было бы нетрудно, кабы не излишняя Надькина назойливость, вот как с этой шоколадкой.

Прямо беда с этой Петраковой, да и только!

Тут как раз и Валя на сцене появилась. И чтобы Надька отстала, пришлось на нее негромко рявкнуть.

Валя вышла в голубом платье и маленьких серебристых туфельках. Волосы у нее были собраны в хвостик и перевязаны голубой же ленточкой, на лоб челка падала, и вообще она в тот день, как никогда, была похожа на артистку, что играла в "Шербурских зонтиках", на Катрин Денев. Это старый уже фильм, но классный! Его не так давно по телику показывали. Правда, по ходу действия там не говорят, а все время поют, как в опере, причем по-французски, и текст приходится читать в нижней части кадра. Но это совсем не мешает, постепенно привыкаешь и перестаешь замечать. Вообще, там главное — музыка. Ее довольно часто передают в концертах по заявкам, и после этого фильма как, бывало, услышу по радио или еще где эту знаменитую мелодию: па-ра-рим-па-ра-рам... па-ра-рим... па-рам... — так сразу Валю вспоминаю.

Нет, честное слово, в нее только и стоило влюбиться. В кого, если не в нее?

— Ой-й-й... какая масенькая катапулечка... ой-й... — застонала рядом Надька. — Эту лилипутку и на сцене-то не видать...

— Зато слышать! У нее голос, как у Джельсомино. А ты — велика Федора, да дура!

И тут Петракова облизала губы и сказала:

— С тобой все ясно, Шапошников. Она тебе нравится, только, пожалуйста, не отпирайся...

Кажется, она как раз и хотела, чтобы я начал отнекиваться, но я промолчал, и больше мы с ней к этой теме не возвращались. И она, я думаю, вряд ли трещала как сорока о своих наблюдениях, но ведь было достаточно поделиться с одной подружкой, с той же Танькой Овчиниковой... А уж там!..

Но в любом случае, если что и было — только домыслы. А вот доказательства я сам подкинул... И кому — Вовику Житько!

Правда, есть надежда, что его рассказы мало кто всерьез примет. Все знают его стиль — врать напрапую. Да и не наврал ли он мне про свою встречу с Бабкиной? Он ведь даже тогда врет, когда его спрашивают, который час.

И вообще малый с заскоками. Говорят, он себе грудь скоблит опасной бритвой, чтобы волосы там поскорей выросли. Будто бы Витек Лопаткин сам видел. И что это, если не идиотизм? Ну, я понимаю, некоторые ребята усы выгоняют себе. Это я готов понять. В глубине души. Я и сам одно время здорово переживал, что у меня волосы под мышками не растут. У всех пацанов из нашего класса есть, а у меня — чисто, голо, как у младенца. Унылое, скажу я вам, было настроение, особенно если вспомнить, что по возрасту я старше всех. Честное слово, ночей не спал, боялся, а вдруг они вообще никогда не вырастут! И на физкультуру майку надевал с длинными рукавами, потому что стеснялся, хотя, может быть, никто и не смотрел на мои подмышки, и Анатолий Петрович грозил двойку за четверть вывести, чтобы я знал, как нарушать форму одежды... А у меня прямо какой-то психоз был. Так и маялся и ни о чем другом думать не мог, пока наконец все в норму не пришло. Кошмар, короче говоря!

Но это же — совсем другое! Я не чего-то особенного хотел, а просто быть таким же, как все остальные... Ну, по крайней мере, не хуже других.

Правда, у Вовика любимая группа — "Куин", он всем уши прожужжал: "Куин", "Куин"!.. И вот мне в связи с этим как-то пришла в голову смешная мысль: а вдруг Житько хочет стать похожим на их солиста? Ну на того усатого, что всегда выходит петь голый по пояс. Такой волосатый парень, забыл его фамилию... Но если так, тогда Вовику нужно бы еще и килограммов двадцать сбросить.

Вот таков Житько!

И разве правильно злиться или обижаться на него? Это было бы очень глупо. Потому что, мне кажется, человек — любой человек — сам причина многих своих несчастий. Не всех, конечно, но очень многих.

Вот спрашивается, чего я сейчас терзаюсь? Да просто боюсь, что в классе с подачи того же Вовика начнут надо мной подсмеиваться. Мол, Шапкин сохнет по девчонке, а подойти к ней робеет. Ведь не станешь объяснять всем и каждому, что дело тут не в трусости, а совсем в другом, я не знаю, как назвать это чувство... Может, совесть?

Будут, будут смеяться... Романтика сейчас не в моде, сантиментов никто не разводит, и отношения упростились — дальше некуда. Но только не для меня. И не то чтобы я боялся чего-то или не был уверен в себе, а противны мне эти простые отношения, и все тут. И однако в моем случае это не оправдание. Надо жить так: если уж задумал что-то, делай немедленно, не тяни кота за хвост!

Из-за нерешительности попал я в этот переплет. Давно уже мог как-то объясниться с Бабкиной, летом еще, на каникулах, когда она приходила к нам во двор играть в бадминтон с Любкой Синцовой. Не нашел я в себе воли сделать это тогда, упустил и время, и не один удобный случай. Можно подумать, вся моя дальнейшая жизнь и судьба решились бы там, на асфальтовой площадке, между песочницей и качелями... Ну почему у меня подметки точно к смоле прилипали, почему не мог я себя побороть, не сумел заставить себя просто подойти и сказать, что мне надоело только смотреть, как они промахиваются по волану, что хочу тоже поиграть, — дашь мне ракетку, Люб, когда устанешь, ладно? Все могло выйти легко и непринужденно... И как теперь все было бы замечательно! Либо она дала мне от ворот поворот, и я бы выкинул из головы все мысли о ней, либо за это время я успел бы привикнуть к ней, перестал бы мучить себя этими сомнениями: правильно — неправильно... честно — нечестно... Легче, легче нужно относиться к таким вещам! И меньше придавать значения всяким пустякам, не делать из мухи слона и, главное — не судить о других по себе. Избавлюсь ли я когда-нибудь от этой привычки!

Ну что ж, дальше отступать некуда.

Иначе каким же недотепой буду я выглядеть в глазах той же Бабкиной, охота была ей ходить с таким... Пошлет меня подальше и права будет. Значит, сегодня... Да, прямо сегодня!

Это была суббота, и они убивали время дома. Отец смотрел хоккей, мама хлопотала по хозяйству — все, как в юмористическом рассказе. Она перехватила меня в прихожей, вся растрепанная, распаренная, и не успел я снять пальто, как был послан в магазин.

В ванной гудела стиральная машина, запах сапужного крема и другой бытовой химии стоял в воздухе — мама по-своему готовилась к встрече Нового года: все должно быть вымыто, вычищено, прибрано, оплачено, отремонтировано! Она у нас неугомонная, на другой день не откладывает дела, не то что на будущий год.

— Вот тебе сумка, деньги. Слушай и запоминай: кило макарон, пачку соли и три плавленых сырка. Две банки майонеза. Бегом марш! Я уже накрываю на стол... Да, и вот тебе открытки, брось в почтовый ящик.

И я безропотно отправился выполнять боевое задание, подсчитывая, сколько должно остаться сдачи, потому что, во-первых, меня частенько накалывают в кассе, а мне это обидно, во-вторых, сдачу я всегда оставляю себе. Если почаще слушаться маму, может солидная сумма набежать. А вы как думали? Это своего рода протест. Ведь меня не просят, а заставляют. И в благодарность не говорят "спасибо", а по-военному хвалят: молодец!

У мебельного магазина, как обычно, устроили елочный базар. На площадке, огороженной переносным железным забором, снег был зеленеватый от втоптаных в него иголок... Пахло лесом... Толпились люди, выбирали деревца постройнее... А мы в этом году елку не ставили впервые за все время, ни стройную, ни корявую — никакую...

Нет, я, конечно, согласен, что это настоящее варварство — губить столько полезных деревьев ради нескольких дней праздника... Понимаю, и все-таки...

Кто-то меня тронул за локоть, и я оглянулся.

Топтыгин!

— Здорово, Юрка! С наступающим!

— Здорово, Валерка!

Рука у него большая, мягкая, но страшно сильная. И весь он такой, и говорит, как сказочный медведь, с такой же интонацией, потому что в кукольном театре Дворца пионеров ему всегда поручали играть роли богатей, слонов и медведей, и он настолько вжился в эти образы, что теперь, наверно, так и останется шатуном, добродушным и неуклюжим... Жаль, что мы в разных школах учились. Все-таки это помеха для настоящей дружбы.

— Ну как дела? — спросил он своим кукольным басом и потрепал меня за плечо. — Где Новый год встречаешь?

— Дома, — пожал я плечами, чтобы освободиться от его лапы. Не люблю, когда до меня дотрагиваются, даже если этот человек мне и симпатичен — все равно.

— Ну-у-у... — сложил он губы трубкой. — Это ску-ушно... А у нас компания. Человек десять. Одна молодежь...

Топтыгин понизил голос и добавил:

— Все по парам...

— И ты?

Заулыбался. Рот до ушей.

— А как же... Пригласил одну. Из Дворца, из танцевального коллектива. Ничего из себя.

— А ты что, все еще ходишь во Дворец, ерундой этой занимаешься?

— Да понимаешь... — он вроде как застеснялся. — Просят... Нету мне замены. Что ты! Мы сейчас такой спектакль поставили — закачаешься! Нам же руководителя нового назначили... Телевидение снимало, теперь вот на зимних каникулах поедem в Уфу. Жалко, тебя нету, бросил вот нас... А то бы вместе и поехали.

Я, честно говоря, не мог себе представить, какое это счастье — поехать на каникулы в Уфу. Но не стал об этом говорить, чтобы не портить человеку удовольствие. Да и другое меня интересовало.

— Валер, а где вы собираетесь? Ну, компания ваша...

— Да там, у одного на хате. Трехкомнатная хата, на два дня наша...

— Нормально...

— Стереоустановка, — начал он загибать пальцы, — видак японский... Кассет — полный чемодан: боевики, детективы, триллеры, фильмы ужасов... ну и еще, говорили, будет кое-что... — подмигнул Топтыгин, — про это самое... Все в цвете.

— А я-то что... Я трогаю тебя, сижу? — проговорил отец, отводя глаза в сторону.

Ясно было, что он предпочел выбрать нейтральную позицию. Что ж, тем лучше.

— Мы там с ребятами собираемся... Ну, с тридцать первого на первое...

— Еще чего! С какими такими ребятами? Это я буду здесь всю ночь изводиться, думать, как бы с тобой чего не случилось? Нечего, нечего... Новый год — семейный праздник! — Даже ладонью по столу прихлопнула. — И все! И ни о чем таком больше речь не заводи!

— Семейный, семейный... Даже елку в этом году не купили, зажали! Что это будет за Новый год!

— О, господи! Дитячко малое... По елочке соскучился? Ну иди, выбери, еще не поздно. Заодно позвони в бюро добрых услуг, пригласи Дедушку Мороза, сделай заказ, чтобы он тебе подарочек привез. Машинку заводную... Но уж тогда встречать его выходи в коротких штанишках. Договорились? И в белых гольфиках.

— Все люди как люди, собираются вместе, ходят в гости... А тебя послушать, так надо всю жизнь дома киснуть.

— Люди побегут в колодец кидаться вниз головой — и мы за ними, значит?

— При чем здесь колодец-то? Колодец, колодец... Сказала бы сразу, что несчастные пятнадцать рублей для единственного сына жалко!

— Пят...надцать?!

Но тут же она взяла себя в руки, молодец.

— Всего-навсего? Ну что ж... Алексей! Дай своему несчастному сыну единственные пятнадцать... Тьфу ты, пропасть! Наоборот: единственному — несчастные! У меня с вами уже скоро ум за разум зайдет!

— Откуда у меня? — все так же, не глядя, буркнул отец. — Сама же мне по рублю на обед отстегиваешь... Как школьнику.

Он сделал последний глоток, почему-то очень громкий, и быстренько-быстренько из кухни улизнул.

— А вот где вчера взял, там и сегодня поищи! — успела бросить ему вдогонку мама. — Или что, жалко родному ребенку?..

— Я ведь тебе объяснял уже, — отозвался он из комнаты, перекрикая телевизор, — меня угостили!

— И вчера угостили, и в среду угостили, и в позапрошлую пятницу, и в позапозапрошлую... Не надо! Раньше я бы тебе еще кое-как поверила, а сейчас, когда она по десятке, — не надо! И систему вашу я знаю достаточно, раз тебе поставили — и ты поставить должен...

Тут звонок раздался.

— Это ко мне, — сказал я. — Сережа Курилов. Вы уж потерпите, не ругайтесь, пока мы не уйдем.

Это был он, я не ошибся. Сережа во всем любит доскональность. Сказано ему прийти в пять — и вот он как штык. Я уж иногда задумываюсь: а может, он немец? Надо, кстати, часы в прихожей подвести немного вперед...

— Заходи. Я сейчас, айн момент...

Так прямо и тянет с ним по-немецки поговорить, жалко, что не умею. Я скоренько накинул куртку, нашел ключ от кладовки, и мы спустились в подвал.

Подвал у нас отличный, сухой и теплый. Здесь жильцы раньше держали дрова в таких клетушках-чуланчиках, которых тут столько же, сколько в доме квартир. А потом, когда нам подвели газ, тут стали хранить всякий хлам, то, что уже и не нужно никому, а выбрасывать жалко. Какой-либо ценной вещи днем с огнем не найдешь, и каждый об этом знает, но все равно время от времени кладовки эти шерстят неизвестные гангстеры, должно быть, заезжие гастролеры. Думали, небось, найдут золото и бриллианты, а им и банки с солеными огурцами под руку не подвернулось.

К нам, правда, ни разу не вламывались, значит, на месте должна быть клетка, необходимая Сереже, такая простенькая, проволочная, где жил когда-то мой чижик. Да, целую зиму он там провел, все прыгал, перепархивал с жердочки на жердочку, песни пел, на качелях качался, ел и пил... Семечки он обожал, расклевывал в пух и прах, прямо балдел от них, так с ними расправлялся — шелуха во все стороны летела, метра на полтора от клетки! Веселый был чижик и неприхотливый. Я его так полюбил, что когда весной выпускал на свободу, решил больше никаких птиц не заводить. Да и отпустил я Чифа, сказать по правде, не из благородных побуждений... Мама заявила, что ей надоело уже палас чистить, что мы с отцом и без птицы достаточно мусорим, ну и так далее.

Клетку я искал долго, потому что все приходилось делать на ощупь, темень была, как в пещере, а фонарик я второпях забыл взять, возвращаться же — плохая примета. А лампочка горела одна на весь подвал, светила еле-еле, но и за то спасибо, удивительно, как еще и ее не вывернули бандиты... Пока я рылся в каких-то пыльных тряпках и перекладывал с места на место связки старых журналов и прочие наши фамильные сокровища, Сережа делился со мной радостью. Все не мог поверить, что счастье улыбнулось именно ему. Со всеми подробностями рассказывал, вернее, вслух вспоминал, как им с отцом крупно повезло. Надо же! Купить за тридцатник двух кенаров и канарейку! Раз в жизни такая удача случается! Им же цена — по двадцать пять за штуку! Теперь только надо их всех рассадить по отдельным клеткам, чтобы у каждого были свои собственные апартаменты.

— Ты представить себе не можешь, какие они ревнивые! Их и так-то вместе нельзя держать, двоих даже. А тут еще самочка! Да они горло готовы друг другу перегрызть!

— И перегрызли бы давно, — сказал я, — если б только зубы имели. На, держи, юннат... Еле откопал.

— Вот спасибо! Прямо не знаю, как и благодарить! Айда ко мне, я тебе их покажу!

Не до пернатых мне было, но я принял его чистосердечное приглашение. В родных стенах его, пожалуй, легче будет уговорить... А что придется его улаживать, в том я был уверен. Сережа по характеру домосед.

Идти было недалеко, но по дороге он все же успел мне прочитать

небольшую лекцию про канареек, а заодно и про Канарские острова, с указанием их широты и долготы.

Вот такой основательный парень Курилов.

Начиная с первого класса, я помню, все педагоги нас приучали на любой вопрос давать по возможности развернутый ответ. И все равно до сих пор почти из каждого приходится им чуть ли не клещами вытягивать по одному слову, особенно когда вызывают к доске. С места — еще куда ни шло...

А Сережа — другое дело. Он учителей привык с детства радовать. На каждом уроке при опросе тянет руку. Даже теперь, в восьмом классе, когда уже и самые закоренелые отличники сидят и смиренно ждут, пока их не пригласят поделиться с окружающими накопленными знаниями.

Известно, те, кто отвечать не готов, мечтают всегда, чтобы вызвали кого угодно, только бы не их. Но в миллион раз сильнее они мечтают, чтобы вызвали Курилова, потому что есть тогда гарантия, что пол-урока можно жить и дышать спокойно, а то и полистать книжку, подзубрить на всякий случай то, что дома не успели даже разок прочесть.

Одного-единственного примера хватит, чтобы вы могли понять, как Сережа отвечает на уроке. Как-то на природоведении Раиса Аркадьевна, первая наша учительница, попросила Сережу рассказать, что происходит с веществами при их нагревании и охлаждении. Причем надо было привести какие-нибудь примеры не только из учебника, но и из других источников. Скажем, я сам держал наготове историю о том, как треснувший дом стягивали железной полосой, сперва накалив ее докрасна, а потом остудив. Ну, в общем, у Льва Толстого рассказ такой есть.

Ну а у Сережи вся жизнь уже тогда была связана с зоологией. И он поведал о том, как пошел однажды зимой в магазин "Природа", купил там себе рыбок, а именно: вуалехвостов, меченосцев и гуппи, как тащил их по страшному морозу домой в литровой банке, доверху налитой водой, как занес банку с холода на кухню, где было очень жарко, поставил ее, банку, на стол, а сам отлучился куда-то на несколько минут и, когда вернулся, увидел, что по клеенке разлилась лужа и вода стекает на пол, а в банке ее, воды то есть, убавилось наполовину, и рыбок там плавают почему-то не восемь, как было, а только две, и те кверху животами, остальные же таинственно исчезли. Он долго ломал голову над причиной такого явления, чуть мозги себе не вывихнул, был уже на грани этого, но, к счастью, в последнюю секунду к нему подошел его родной домашний кот по имени Шварц и стал тереться башкой о ногу Курилова. И когда Курилов нагнулся его погладить, то обратил внимание, что у Шварца обе передние лапы мокры по самый локоть, и вот интересно, Раиса Аркадьевна, почему это кошки, являясь животными сухопутными, так любят рыбу? Может, разгадка кроется в их далеком-далеком прошлом, когда их предки были какими-нибудь мелкими ящерами и, плескаясь в первобытных океанах, ловили себе на прокорм кистеперых рыб?.. Ах, вещества? Ну что... Вещества при нагревании расширяются, при охлаждении сжимаются, кто же этого не знает... А вот вода, когда становится льдом, почему-то, наоборот, расширяется, и если бутылку

налить доплна и вынести в холодную погоду на балкон, то ее свободно может разорвать...

Да, много в природе загадок.

Куриловы пили чай. В большой комнате на раздвижном столе сверкал электросамовар, а вокруг, как цыплята около наседки, толпились вазочки со всякими вареньями и чуть поодаль — блюдо со здоровенным куском шербета, который всегда своим видом напоминал мне хозяйственное мыло. За всю свою жизнь я так ни разу и не решился попробовать, каков он на вкус. А у Куриловых это едва ли не главное лакомство. Я вообще заметил, что они совсем мало едят мяса, но все очень любят сладкое. Может, и Сережа такой умный и так хорошо учится как раз поэтому, ведь всем известно, что сахар — это питание в первую очередь для мозга...

Меня пригласили выпить чашечку за компанию, но я вежливо отказался и один ушел в ребячью комнату, где обитали сам Сережа, двое младших его братьев, сестренка, птички, рыбки, а также изредка и другая живность.

Тут стояли двухэтажные койки, и вообще по размерам эта каморка походила на вагонное купе, но всегда, сколько помню, здесь умудрялись разместить еще и несколько аквариумов, клеток, ящичков, в которых вечно что-то шуршало и скреблось...

Под расшатанным, старым столом в коробках из-под обуви несколько раз поселялись хомячки, ежики... Но эти зверята как-то не приживались. От хомячков шел запах, особенно заметный в таком тесном помещении, к тому же на них постоянно пытался охотиться Шварц.

А ежики от избытка общения просто начинали хворать. Они ведь любят покой, тишину, а тут их просто затаскивали, и заласкивали, и рвали друг у друга из рук...

Я еще в детстве обратил внимание на одну вещь: к тем девчонкам или мальчишкам, которые ко всем льнут и готовы в лепешку расшиться, лишь бы их приняли в игру и вообще водились с ними, дружили, — к ним всегда относятся прохладно, а иногда и в грош не ставят. На себе это испытал. А вот есть такие пацанята, совсем еще клопики, но уже страшно самостоятельные. Они в кучу не лезут, а держатся немного в стороне, но с достоинством держатся, а не так, как бывает от страха или из слабости.

Сидит такой микроб в углу двора где-нибудь и занимается неважно чем, может, и совсем уж пустяковой чепухой, например гвозди кирпичом в землю забивает и обратно вытаскивает, но делает он это с таким важным видом, что все к нему волей-неволей тянутся... Он этого и не хочет, не добивается нарочно, а все именно тем и кончается, что ребята липнут к нему, как железные опилки к магниту.

Тут есть какая-то особенность. Должно быть, людей привлекает все мало-мальски таинственное. Скажем, кошек, собак, других животных кто любит, кто нет... Но ежеиков, заметил я, все поголовно любят. Они и образ жизни ночной избрали, и на глаза стараются никому не попадаться, и в клубок сворачиваются, фыркают, иголки выставляют, если

к ним пристают даже и с нежностями... А их все равно любят, и вовсе не потому, что они якобы какую-то пользу там приносят, мышей ловят и других вредоносных грызунов... Просто их любят и не задумываются — почему да почему... Так и надо, наверное, любить.

Вошел Сережа, раскрасневшийся и слегка вспотевший.

— Ну что, посмотрим канареечек?

— Конечно, а то я уж весь извелся от нетерпения. Когда же, думаю, Сережа допьет свои пять стаканов...

Он осторожно снял с гвоздя, вбитого в стену, обернутую куском темной материи клетку и принялся ее раскутывать, объясняя мне:

— Это я им устроил ночь. Иначе они убьют друг друга... Так и бросаются в драку.

Старый Шварц, который лежал своим теплым брюхом на моих коленях, перестал мурлыкать и соскочил на пол. Подбежал к хозяину, задрал черную голову с седыми усами и хрипло, взволнованно мяукнул.

— Иди, иди! Хищник кровожадный! — отодвинул его ногой Курилов.

— Ишь, хвостом задергал!

Я поднялся с расхлябанного стула, где мы с котом коротали время, и подошел поближе, чтобы лучше разглядеть новоселов, которые почему-то притихли и нрава своего буйного не выказывали.

— Ну как? — гордо сказал Курилов, как будто он сам их из соски вскормил. — Правда хороши?

Сказать по совести, вид у пташек был неважнецкий. Невозможно было даже отличить, кто из них кенар, а кто — канарейка. Вся троица выглядела так, словно их долго-долго крутили в барабане для продажи лотерейных билетов.

Зато от Сережи прямо сияние исходило.

— Как сказать... У них ведь главное — не внешность, — нашел я нужные слова. — Это же не павлины, правда?

— Ну и хватит на первый раз, — решил Курилов. — Отойди подальше. А то они пугаются, когда на них вот так вот, в упор смотрят, да еще пристально... Особенно незнакомые люди... Нервничать начинают, боются, должно быть, что их съедят.

— Скажи им, пусть не волнуются. Не в моем они вкусе... Это вон ему в самый раз...

Шварц стоял на задних лапах, опершись передними о ножку стола. Глаза его выражали одновременно муку и надежду.

Сережа бережно повесил клетку на место, взял кота за шкуру, выкинул в большую комнату и плотно притворил дверь.

— Зря ты с ним так, — пожалел я Шварца. Больно уж тяжело и гулко он шлепнулся на пол. — Все-таки старый друг лучше новых двух. Или даже трех...

— Ничего, потом помиримся. Главное, чтобы он сразу усек, здесь ему ничего не светит.

Он прилег с мечтательным видом на одну из нижних коек и заложил руки за голову.

— погоди, еще послушаешь, как они у меня петть будут... Только

нужно клетки повесить так, чтобы они друг друга не видели, а только слышать могли. Они тогда обязательно соревнование устроят, кто кого перепоеет... А еще я раз на птичьем рынке слышал, как один малый рассказывал: стоит ему на гитаре один аккорд взять, как его кенар сразу подсвистывать начинает. Причем сразу берет правильную ноту. Представляешь, какие они музыкальные!

— Профессионалы, — сказал я. — Что ты!

— Представляешь, тот на гитаре "цыганочку" и кенар вслед за ним!

— Артисты! Жаль, что у тебя нет гитары...

Сережа приподнялся на локте, вытянул губы, как для поцелуя, и начал ласково насвистывать какую-то мелодию. Должно быть, хотел подбодрить своих новых подопечных. Фальшивил он при этом ужасно, художественного свиста не получалось, и птички, видимо, поняв, что никогда с Куриловым не споются, окончательно поникли и выглядели совершенно растерянными и подавленными.

— Сереж, а цыпляток они выведут?

— Конечно! Только не цыпят. Цыпят выводят куры, — пояснил он, как всегда, нравоучительно.

— А эти? Канарейчиков? Кенарятток?

— Ну... просто птенцов... Выведут, куда они денутся. Вот подожди, я и тебе дам птенчика. Обязательно, ты не сомневайся! Из первого же выводка...

— Нужен мне очень твой птенчик! — отказался я от роскошного подарка. Хватит с меня и Чифа, чирика моего... Привыкай к ним, потом отвыкай... — Не хочется тебя обижать, но канарейки — это мещанство. Еще Маяковский, кажется, где-то говорил...

— Но как же... Я же должен тебя отблагодарить за клетку...

— Да ерунда эта клетка! Считаю, что я тебе ее подарил. Все равно в подвале без толку валялась.

Я в последний раз все молниеносно взвесил, прикинул и решил: была не была!

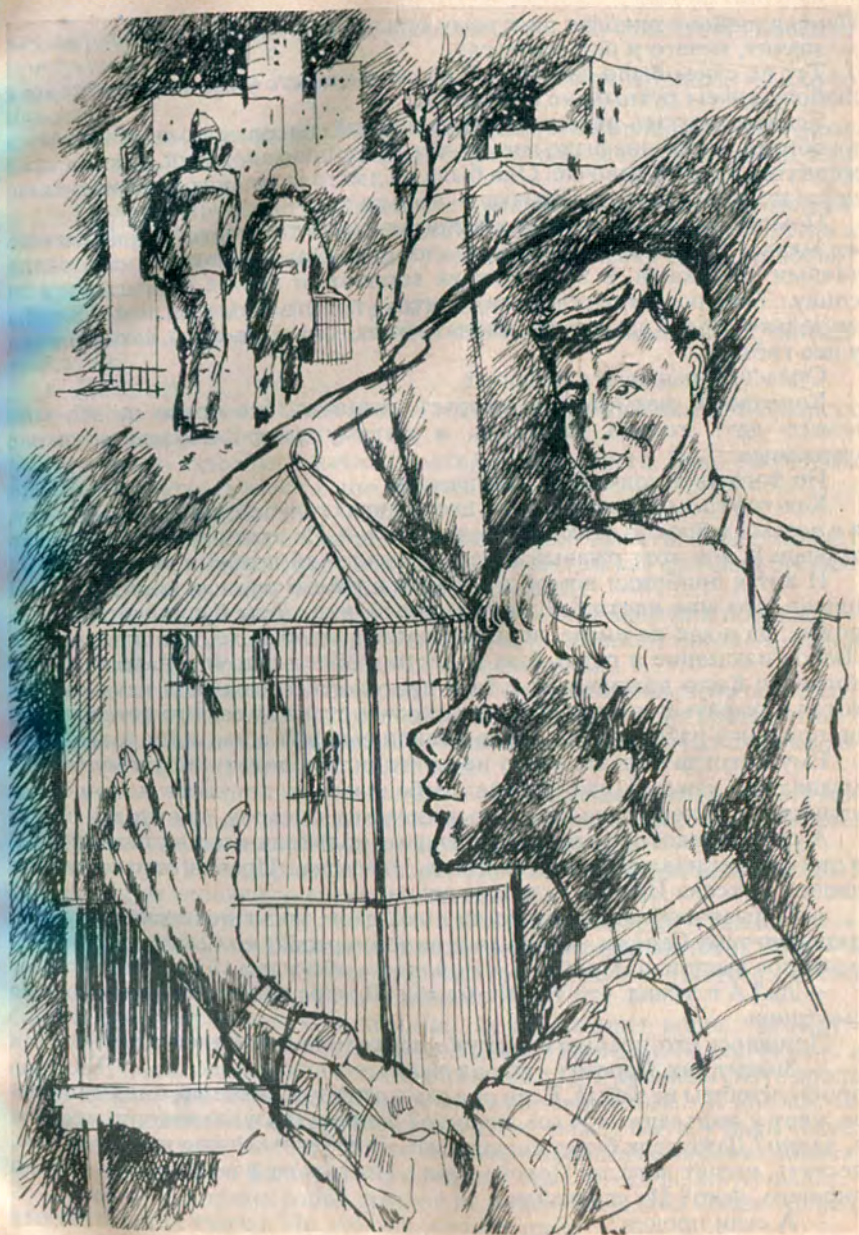
— А вот если ты мне друг, то лучше в одном деле помоги...

Мороз был несильный, градусов пять-шесть, не больше, но Сережа, как только мы вышли на улицу, сразу опустил уши на шапке. Он так себя уютнее чувствует, только немного хуже слышит, поэтому с ним надо громче разговаривать, вот и все. Но как бы ты ни орал, он все равно то и дело переспрашивает, чтобы удостовериться, правильно ли все понял. Разговаривать с ним тогда — сплошное удовольствие.

Шел снег, и даже немного мело, ветер дул навстречу, и я чувствовал, как снежинки испаряются, не успевая коснуться моего лица. Вверху, под самыми фонарями, в ярком свете было хорошо видно, как густо, косо летят белые большие хлопья, как спешат они скорей упасть на землю, прильнуть к ней и успокоиться до самой весны или хоть до ближайшей оттепели...

— Дак это что у тебя, первая любовь, а? — все допытывался Курилов.

— Да? Тогда я не понимаю, чего ты волнуешься, — кричал он, отворачиваясь от ветра. Слава богу, прохожих на улице не было видно. —

Первая любовь никогда ни к чему серьезному не приводит! А раз так — значит, нечего и волноваться!

Тут не с чем было спорить. Я на своем опыте убедился, что первая любовь ничем путным не кончается.

Если не считать детских увлечений, впервые по-настоящему я влюбился, когда мне было восемь лет. И здорово влопался, даже мечтал жениться на этой девочке. Она была на два года младше, красивенькая, веселая, и все ее звали Ирочка — только так.

Помню, когда мы играли в выбивалы, она так ловко уворачивалась от мяча... Косички ее помню до сих пор. Она кончики их скрепляла такими заколками, в виде божьих коровок, и все их отбрасывала за спину... Помню, как хотелось ее обнять — просто обнять, и все! — чтобы не только видеть, но и почувствовать, какая она тоненькая, какая спинка у нее гибкая.

Сумасшедшая мечта ребенка!

Конечно, я, несмотря на возраст, сознавал, что право на это мне может дать только женитьба, и потому имел намерения самые серьезные.

Но тогда все кончилось трагически.

Как-то утром кормила она во дворе диких голубей, крошила им булку, а я возьми и брось в этих дармоедов палкой. Из палки почему-то гвоздь торчал. И вот этот ржавый гвоздь вонзился ей прямо в ногу.

И вот я прибежал домой и забился в угол в темном коридоре. Понимал, что мне влетит по первое число, что меры будут приняты суровые, да и как же иначе, ведь меня убить мало за то, что я натворил. Любое наказание я готов был понести с облегчением и радостью. Но тягостно было дожидаться суда и приговора. Я сам себя немедленно хотел покарать и стоял в том углу лицом к стене до самого вечера, пока не пришел с работы отец, не сообщили ему обо всем, и он тогда уж...

Ему никогда раньше этого не приходилось делать, поэтому он, замахиваясь, каждый раз попадал себе ремнем по ушам и при этом удивлялся, почему я не обливаюсь слезами, а хохочу, как дурак.

А спустя некоторое время Ирочкины родители поменяли квартиру, и она исчезла из моей жизни навсегда. Навсегда... Правда, страшноватое слово? Евтеева Ирочка — так ее звали.

— Первая любовь практически никогда не заканчивается браком, — развивал тему Сережа. — Я на днях видел передачу по телику... Там один психолог выступал. Проблемы молодежи обсуждал...

— Да? А я думал, что ты, кроме как "В мире животных", ничего и не смотришь.

Пришлось его прервать, мы уже подходили к Валиному дому.

— Значит так, Сереж, — сказал я как мог проникновенно. — Еще раз прошу, чтоб ты не забыл. Если она сама откроет, скажешь, один человек ее ждет у подъезда — и все, хорошо? Только сразу не говори, что это я, ладно? Даже если будет спрашивать. В крайнем случае намекни, что, дескать, насчет встречи Нового года... Но только я тебя прошу: ничего лишнего, ясно? Не увлекайся...

— А если предки?

— Ну попросишь ее позвать! Скажешь, что... Ну что-нибудь на месте придумаешь.

— Неудобно как-то это все... — вдруг замялся Курилов. — Как-то неловко...

Ну это для меня неожиданностью не было, это я предвидел. Нетушки, Сереженька! Теперь уж ты никуда не денешься, раз мне удалось тебя сюда привести...

— Ерунда! Ничего страшного, вот увидишь! Она ведь тебе не нравится? Нет! Подлянки ты ей никакой не делал? Тоже нет! А когда к девчонке ничего не испытываешь, с ней разговаривать очень легко, вот увидишь...

— Может, давай послезавтра в школе, а?..

— Двигай, двигай! — подтолкнул я его. — Первый подъезд, четвертый этаж...

— Да помню я...

— Тогда — вперед! Вызовешь — и свободен, топай нах хаус канареек своих укладывать баиньки...

Он тяжело вздохнул и начал отряхиваться от снега. Вяло так, чтобы время потянуть. И завел было опять:

— Как-то все это...

— Знаешь что, Курилов, раньше надо было думать! Дома, понял? Привел меня сюда, а теперь начинаешь ломаться, как сдобный бублик! И потом, ведь ты мне пообещал! Ведь обещал?

Он потопал ногами, обивая ботинки, и молча шагнул к подъезду.

По плану я должен был ждать во дворе, но немного погодя я пошел за Сережей. Чтобы уж до конца быть уверенным...

И вот я стою у пыльной батареи, от которой волнами струится тепло, и прислушиваюсь, как мой друг поднимается по лестнице: третий этаж... четвертый... Звонок... Так, дверь открывается... Говорят... Слов не разобрать, но... Она! Ее голос... Вот она...

Вот она стоит, придерживая дверь... В домашнем платице... А может, в халатике, в шлепанцах... А может, в джинсиках и свитере? И еще в какой-нибудь жилетке? В чем она ходит дома?..

Одной рукой придерживает дверь, а другой — отводит челку со лба... Соломенную челочку со светлого, ясного лба...

Грубое слово какое — лоб! Это потому что говорят: "Такой лоб — два метра без малого! Такому лбу только грузчиком работать!" Лоб — в смысле верзила. И вот у Вали лоб, так странно, если вдуматься... И она отводит рукой челочку — это ее жест...

И поднимает брови. Они темные, гораздо темнее волос... И округляются, шире открываются ее глаза... Какие? Вот елки-палки! А ведь я даже толком и не разглядел, какие они у нее... При дневном свете вроде бы голубые, при электрическом — похоже, сиреневые... Я вот где-то встречал выражение: фиалковые глаза. Вот, может быть, у Вали такие.

Но это неточно. Потому что, во-первых, я никогда не видел их вблизи, лицом к лицу мы с Валей не встречались еще... Пока не встречались.

И еще — я в жизни своей фиалок не видел. Ни одной. Знаю только, что есть такие цветы. Но это так, понаслышке.

Я думаю, они похожи на подснежники. Но вообще-то не уверен... Нет, лучше я возьму свои слова обратно. Насчет фиалковых глаз, я имею в виду.

Вообще, здесь нужно быть поосторожнее, я хочу сказать — со словами. Коварная это вещь, всегда об этом приходится напоминать самому себе. А не то можно и вляпаться. Пусть и незаметно от окружающих, но все равно стыдно и неприятно.

Например, захотелось человеку сочинить стихотворение. Ну просто решил попробовать. Думал-думал, мучился-мучился, наконец выжал две строчки:

— *Ах, глаза! Ах, глаза!*
А в глазах — бирюза!

Записал, и так ему в тот же миг стало противно и совестно, хоть из окна вниз головой бросайся. Потому что если уж ты не знаешь, что такое настоящие стихи, то надо ведь знать, что говоришь. А человек не знал, что такое бирюза. Ну не попадалась она ему под руку. И получилась фальшь такая, что по спине мороз... Фальшь — это же самое... самое отвратное. И прячется она всего чаще, по-моему, в словах, если неправильно их выбираешь... А еще хуже, когда она в мысли просачивается. В жизни ведь вообще полно фальши. К ней часто так привыкают, что уже и не распознают, принимают, можно сказать, принимают как должное и сами заражаются ею, не замечая того, и уж тогда не могут без нее обходиться...

Однажды я по недоразумению попал на индийский фильм. Ну что это такое — все знают. Я немного опоздал и в зал вошел, когда уже сеанс начался. Я стоял у стены и ждал, пока глаза привыкнут к темноте, чтобы потом найти себе место. Но посмотрел на экран пару минут — и на выход. Дуристику эту смотреть? Нет уж, спасибо! Пусть уж лучше мой рубль пропадает. Но видели бы вы, сколько народу сидело в зале — яблоку негде было упасть! Вот и представьте: шесть сеансов в день, и картина эта по две недели в трех кинотеатрах прокручивалась — это сколько же человек с ее помощью подзарядилось фальшью только в нашем городе? Прикиньте — и вам жутко станет.

Да если бы только это... А кто может сказать, что никогда в себе самом не обнаруживал следов этой гнили? Я не могу...

— Гок! Гок! Гок! — загудела лестница.

Спускался Курилов резво, не так, как поднимался.

Но лицо у него было какое-то... Короче, не предвещало ничего дурного.

— Ну как? — спросил я, когда мы оказались на свежем воздухе. — Выйдет она?

— Нет! — отрезал он сердито.

— А почему?

Что ж я это в общем предчувствовал, этого и ждал...

— Потому что Новый год — семейный праздник!

Здравствуйте пожалуйста! Или они сговорились? Второй раз уже нынче слышу эту избитую фразу.

— Это она сама так сказала?
— Нет, это я придумал! Конечно, сама... И еще добавила: сводни нам не нужны! Тебя когда-нибудь обзывали сводней?

— М-да... — сказал я. — Это она, конечно, перехватила. Ладно бы уж — сводником...

— Не хочу я быть ни сводней, ни сводником! У тебя смелости не хватает, а я должен оскорбления терпеть!

Ну и ну! Впервые видел я Сережу таким злым, даже растерялся от этого, начал оправдываться:

— При чем тут смелость... Развязности — да, не хватает...
— А если она теперь по всей школе начнет трезвонить, будто бы я — сводня?

— Ты что хочешь сказать, что застенчивость — это трусость?
— Чтобы меня так унижали из-за какой-то паршивой клетки!..
— Что же, по-твоему, тот же, например, Житько или Кушнарев — смельчак? Они просто хамы!

— И не нужна мне эта клетка твоя, пропади она пропадом! Сейчас зайдем ко мне, и забирай ее обратно!

— Да что ты на меня-то орешь? Я тебя, что ли, так назвал? Меня там и рядом не было...

— Конечно, ловко устроился! Меня вперед послал, как собаку служебную, а сам притаился...

— Ну хочешь, я перед тобой извинюсь? За нее извинюсь... За нас обоих...

Он фыркнул и замолчал.

И не произнес больше ни слова до самого своего дома, только прибавлял шаг всякий раз, когда я пытался с ним заговорить. Прежде я сроду не замечал за ним такой обидчивости... Надо же, как единственное слово может подействовать на человека!

Но попросились мы с ним все-таки за руку, и на том, чтобы я забрал назад клетку, он больше не настаивал. И я был этому рад. Как-никак Сережа — мой лучший друг, хоть он и не от мира сего, как думают все и как я сам подозревал до этого вечера...

Много-много лет назад мы всем семейством ездили кататься на лыжах за город. Конечно, не каждый выходной, но раз пять-шесть за зиму выбирались, когда погода позволяла. Мы выходили из электрички и углублялись на несколько километров в лес. Там отец разводил маленький костерок, мы нанизывали на прутья жирную эстонскую колбасу и жарили шашлыки. В снежки играли, баловались... Время было веселое, хорошее, можете мне поверить.

Летом рыбу удили. Первая рыбешка, которую мне удалось подсечь и вытянуть из воды, оказалась голавликом, совсем, правда, крошечным, сантиметров десять в нем всего и было-то. По-хорошему, его бы следовало отпустить, но я не мог с ним расстаться. Кроме того, надо ведь было похвастаться перед товарищами во дворе, а они бы мне не поверили, кабы я не предъявил вещественного доказательства. Так что я эту

рыбку дня два таскал в кармане, прежде чем отдал Шварцу, а уж тот сожрал ее в момент.

Никогда потом я так не радовался добыче, но все равно рыбалку с отцом ни на что другое не променял бы.

И жаль, что все это кончилось.

В одно лето у отца было страшно много работы, они достраивали и готовили к сдаче объект, приходилось много времени проводить с заказчиками, и на развлечения его, как говорил отец, не оставалось. Домой он стал приходить позже обычного и выходные дни проводил тоже на стройке. Это все нужно было для дела: легче найти общий язык с кем-то там...

Но за ужином собирались мы по-прежнему все вместе и мечтали, как наступит зима, выпадет снег, мы смажем лыжи, возьмем рюкзаки, сядем в электричку и...

Обсуждали все до мельчайших подробностей, решали даже, что будем наливать в термос, кофе или чай, и потом отец шел во двор, поиграть, пока светло, с соседями в домино.

А когда зима наконец пришла, то ничего не изменилось. Разве только то, что вечерами мы стали говорить не о лыжах, а о том, что вот когда настанет лето, мы будем брать палатку, надувные матрацы, удочки, котелок и все свободное время проводить где-нибудь на природе, подальше от нашего закопченного города. Рассказывал отец, что есть в нашей области такая речка — Савала... Чистая, красивая, и рыба там прямо на голый крючок клюет.

Он доставал тогда фанерный ящик со своими снастями и показывал нам, как нужно правильно привязывать крючки, какой длины поводки делать, и учил многим другим хитростям и премудростям. А с мамой, помню, они даже однажды поссорились, никак не могли договориться, что нашей семье нужнее, резиновая лодка или фарфоровый сервиз. Мама победила...

А потом и это кончилось, и он прямо с работы, не заходя домой, спешил к доминошникам, к "забойщикам", как их в нашем дворе называют. И там, в их компании, сидел до самого темна, до тех пор, пока они уже не могли отличить, где у них шесть-шесть, а где пусто-пусто. Я это домино буду ненавидеть до конца дней своих. Летом те окна, что выходят во двор, мы держим открытыми, чтобы воздух заходил, и можно из любой комнаты, из любого помещения нашей квартиры слышать, как отец радостно смеется, когда им с напарником удастся кого-нибудь оставить "козлами"...

Мама же, переделав все дела, любит забраться с ногами на мой диван, включить бра и почитать книжку. Сентиментальное что-нибудь. Что-нибудь про несчастную женскую судьбу, но желательно, чтобы с хорошим концом.

Было время — я тогда еще в детский сад ходил — они любили читать вдвоем одну книжку. Мама всегда обгоняла отца, ей хотелось перевернуть страницу, и она все спрашивала: "Ну, дочитал? Дочитал?..." А он нервничал... Должно быть, потому и завязали они с этим делом. Теперь они если что и делают сообща, так это переругиваются. В основном из-за того, каким отец пришел с работы перед выходными. Он и правда стал

частенько поддавать... Нет, все это понятно, что он объясняет: и работа нервная, с людьми, и целыми днями на холоде или в сырости и так далее и тому подобное...

Придет, поест, сядет у телевизора и смотрит все подряд, пока не уснет в кресле. И так всю зиму, до апреля месяца. С наступлением тепла — во двор, за доминошный стол. Облить бензином этот стол да поджечь, что ли...

Но сейчас зима. И телевизор, и диван, где мама читает свои слезоточивые романы, — все это находится в комнате, где я официально живу, то есть сплю, когда родители уходят к себе.

Таким образом, мое излюбленное место — это кухня.

— Где тебя только черти носят? — спросила мама. — Отцу лучше на глаза не показывайся. Пока мы с ним в подвал ходили тебя искать, "Динамо" две шайбы забросило, а он, бедный, этого не видел. Он тебе кости переломает. Ужинать будешь?

— Чайку если... — попросил я. — Покрепче... Больше ничего не хочу, не беспокойся, пожалуйста.

— А-а-а! Будет всю ночь сидеть как сыч, электричество жечь! Заплаты уже не хватает за свет платить!

— Я уроки буду делать...

— За все полугодие? Смотри не переутомись, отличник. Тебе какого?

— Если можно, индийского...

— А цейлонского не хочешь? А то еще бывает китайский... Вот учишь лучше, кончай школу с медалью, институт международных отношений с красным дипломом, пошлют тебя в Индию — хоть опейся там индийского чаю... Сколько ложек сыпать?

— Да я могу и сам вообще-то...

— Ну да, сам! Чуть отвернешься — он уже полпачки вбухал! Вот начнешь деньги зарабатывать, тогда заваривай сам.

— Можно подумать, что я отказываюсь... Забыла, как летом меня с почты поперли?

— И правильно сделали, что не взяли тебя. У них глаз наметанный, поняли, кто к ним пришел... Они уж видали таких молодцов: телеграммы в ближайшую урну — и на скитушки! Месяц поработаешь, а им потом целый год с жалобами разбираться. Бутерброд будешь? С маслицем?

— С каким?

— С бутербродным, конечно, с каким же еще... Ну, чего косоротишься? Вот окончишь институт международных отношений, направят тебя в Голландию, Данию...

— Кто бы меня еще туда принял...

— А вот учишь хорошо, не будь инертным...

— Ага... Мать — бухгалтер, отец — прораб, один дедушка — конюх, другой — пенсионер...

— Ну и что? Большинство великих людей вышли из низов, а мы еще и не самые низы... Слава богу... Ну в какую чашку наливать-то? Опять в эту, здоровенную?

— Мама! Ну иди, иди! Дай уж хоть это я сам сделаю! Что ты меня все опекаешь!

— Гонишь родную мать? Вот она, сыновья благодарность... Ладно, спокойной ночи... Будешь спать ложиться — проверь газовый кран, не забудь. Чайник-то небось опять кипятить будешь? Так уж смотри, не отрави нас. Среди недели уж ладно, а на выходные неохота...

Наконец-то один!

Свет я выключил, по радио передавали какой-то симфонический концерт, чай на столе, тепло, уютно... Теперь можно и положение свое обдумать.

Итак, думал я, дано: Валя разговаривала с Житько, стало быть, она теперь знает, что... ну да ладно.

Курилову она сказала, что мы не нуждаемся в своднях... В с в о д н я х — значит, и живоглота этого имела в виду, Житько?

Постойте, постойте... М Ы не нуждаемся! Это уже кое-что!

Это может означать: она и я — М Ы...

Допустим: Житько правильно передал мне ее слова...

Доказать самому себе: все идет нормально, пускай с небольшими огрехами, но в общем — так, как я задумал...

В конце концов, как мой дедуля, папин отец, любит повторять: "дуже хорошо — тоже нехорошо".

Да, но ведь Сережа ей так и не сказал, что это я прогуливаюсь вниз, ее поджидая... И хотя я точно знал, что она ни с кем не ходит, — ну, по крайней мере, ни с кем из нашей школы, — может быть, она подумала о другом парне? Как тогда понимать ее слова о своднях?

Нет, надо мне и в самом деле отбросить все эти дурацкие колебания, подойти к ней и объясниться напрямую! Вот в понедельник, послезавтра, прямо в школе... И приглашу в компанию. Подумаешь, семейный праздник. Сережа — это одно, а при личном контакте все может обернуться иначе.

А что касается денег...

И только я об этом подумал, как зажегся свет и вошла мама.

— Ты что это в темноте сидишь? Экономить? Или обиделся?

— Темнота — друг молодежи...

— Правда, не обиделся? — она взяла мою голову в руки, как арбуз какой-нибудь, и повернула так, чтобы я смотрел ей прямо в глаза:

— Нет?

— А за что?

— Ну мало ли... Вот елку тебе не купили...

— Да ерунда эти елки. Что я, в самом деле маленький? Перебьемся...

Она отпустила меня, налила себе чаю и села напротив.

— Что это ты говорил про какую-то компанию, про ребят каких-то?..

— спросила она как бы рассеянно.

— А... ничего.

— Что хоть за друзья-то? Я их когда-нибудь видела?

— Да там... Из Дворца пионеров ребята. То есть они уже не пионеры конечно. Нормальные... Вряд ли ты их видела.

— И где же вы собираетесь отдохнуть от взрослых? По какому адресу? Или что, явка засекречена? Ну чего молчишь?

— Там, в одном месте... Я и сам еще толком не знаю.

— Узнаешь — скажешь. И еще одно условие: обещай, что вина там пить не будешь.

— Вот еще! Конечно, не буду! Да там и не будет ничего, кроме шампанского!

— Я тебе еще раз повторяю: ни-ка-ко-го вина!

— Ну, мамочка, ну что ты! Шампанское... Его же и дети пьют, это же все равно что ситро!

— Не видала я что-то таких детей... И ты мне зубы не заговаривай! Обещаешь или нет?

Вот вы скажете: подумаешь, важность какая! Ну пообещай, небось язык не отсохнет. А сделать можно все по-своему.

Ан нет! У нас такие странные отношения сложились, если уж пообещали что-то один другому, то выполняем обязательно, и мама, и я... Отец тоже старается поменьше обещаний давать.

Это еще с той поры, как я лежал в больнице. Я имею в виду, когда первый заход у меня был. Мы тогда заключили соглашение: я принимаю без капризов лекарства, какими бы противными они ни были, и подставляю под уколы любое место, какое прикажут, а мама приезжает ко мне каждый день. Так мне там страшно показалось сперва оставаться одному.

Теперь-то я понимаю, что вел себя как ужасный эгоист. Больница находилась за городом, в сосновом бору, автобусы туда ходят редко, а в то время еще хуже с этим было... А ведь она и работу не бросала.

Но я тоже держался героически и тогда, и потом, во всяких санаториях и лечебницах, даже там, где она не могла проверить, пустобрех я или человек слова. Потому что я с детства не могу обманывать тех, кто мне верит. И мама это знает.

Пришлось пообещать ей, что и шампанского — ни капли. Ни-ни! Да не очень-то мне его и хотелось. Только ведь неудобно, если что... Ведь начнут вопросы задавать...

Ну да ладно, совру, что у меня язва желудка.

— И еще один уговор, — обрадовала меня мама, уже выходя из кухни.

— Завтра выколотишь все ковры и половики... И все, все! Закрой рот обратно! Не надо благодарить! Сама была молодая, и совсем недавно. Так что способна понять порывы юной души. Доброй ночи!

Спать совсем не хотелось. Впереди было воскресенье, можно вальсировать в постели до самой "Утренней почты", если пожелаешь... А эту вот ночную пору я очень люблю. Когда тишина наступает, все замолкает, утихает... Слышно даже, как снег шуршит, скользя по стеклу.

Осенью тоже бывает хорошо, если дождь идет и отопление уже включено — тогда совсем замечательно.

Иногда я могу торчать на кухне всю ночь напролет. Просто сидеть и размышлять о всякой всячине, какая только приходит в голову. И никогда не бывает скучно.

Главное, это время полностью принадлежит мне, одному мне. Я могу его прожить так, как пожелаю, как самому хочется.

Что может быть для человека дороже свободы?

Вот лишь в такие ночи, с субботы на воскресенье, я и чувствую себя свободным. В такую ночь я могу свободно выбирать: захочу — спать лягу, захочу — музыку послушаю, почитаю или чаю попью... Еще фотографии печатать хорошо, никто не мешает, не толкается, не дышит в ухо... Ну и все, пожалуй.

Конечно, я выбираю из немногих вещей, но выбор-то делаю свободно! А свобода, по-моему, это и есть возможность свободного выбора.

Магнитофон у меня нормальный и записи приличные, но в большинстве своем такие, что в одиночку их слушать как-то неинтересно. В ночь на воскресенье я выбираю другую музыку.

У нас есть такой старинный проигрыватель, переносной, в виде чемоданчика. Ему лет сто уже, такие выпускали еще при царе Горохе. Вот его я и беру с собой на кухню, подключаю наушники и кайфую, никому не мешая.

Проигрыватель покупал отец на заре его туманной юности, когда был студентом и жил в общежитии. Магомаева на нем крутил. Наушники — это мамин подарок. Ну а пластинки — это моя находка. И могу точно сказать, что мало у кого еще есть такие диски. Даже у Вовика Житько вряд ли... Разве только у Завьяловой... Но больше ни у кого! Голову даю на отрез. И платил я за них по двадцать, тридцать, пятьдесят... нет, нет, что вы, не рублей, конечно, копеек. Захожу однажды в комиссионный, смотрю — новенькие, ни разу не ставленные "гиганты" долгоиграющие, а отдают их почти даром. Классическая музыка, уцененная...

Сейчас уже забыл, какую первую пластинку я купил, просто из любопытства. Тем более вижу — недорого, можно сказать, всего ничего. Но помню, как сначала она мне не понравилась. Вернее, не то чтобы не понравилась, а просто я не мог разобраться, что к чему. Запутался, заблудился в звуках, будто в дремучий лес попал. Хотел даже со злости выбросить этот диск, разочарован был и чувствовал так себя, точно вокруг пальца меня обвели. Кто же это был... Кажется, Вагнер... Неважно это!

Так вот, хотел я уже выкинуть эту белиберду, а потом думаю — стоп! Дай послушаю еще. Ведь показывают по телику симфонические концерты, столько людей сидит в зале с умным видом — что же они все прикидываются? Дурака валяют друг перед другом?

В общем, если кому интересно, могу сказать: чем чаще ты слушаешь какую-то вещь — я имею в виду серьезную музыку, — тем больше ты в нее вникаешь, и тем ближе она тебе становится, интереснее... А от всякой эстрады просто зевать начинаешь. Как бы это лучше объяснить... Ну вот, например, есть люди, которых сразу видишь. Такие открытые, легкие, веселые, с ними хорошо... но только до поры до времени. А потом становится скучно. Заранее знаешь, чего можно ждать от этого человека, что он сделает, что скажет, как посмотрит... Он не плохой, нет! И добрый, и честный, и хороший друг, можно положиться на него... но — скучный. Ничего нового в нем уже открыть нельзя.

А есть люди, которые никогда не надоедают, хотя с ними бывает и тяжело, и могут они даже обидеть, и не всегда понять легко их слова

или поведение, и никогда не угадаешь, какой номер они выкинут. Короче говоря, нужно шевелить и шевелить мозгами, чтобы такой орешек раскусить...

Может быть, это плохой пример, но вот приблизительно такую разницу я вижу между классикой и даже той развлекательной эстрадой, которая не насквозь фальшива.

Не знаю, правда, правильно ли я понимаю музыку. Я хочу сказать, может, композитор вовсе не то хотел выразить, что я чувствую, когда слушаю его произведение. Но мне, честно говоря, до этого дела нет. Я ведь ни с кем не собираюсь вести заумные разговоры на эту тему, глупо это, по-моему. Все равно каждый воспринимает по-своему то, что он видит, слышит... Одинаково же никто не чувствует. Так что я о музыке говорить не люблю, я люблю ее слушать.

Но, конечно, не все подряд. Есть такие вещи, в которые так и не могу я до конца врубиться, сколько ни стараюсь. Ничего, может, потом когда-нибудь...

Со стихами у меня та же петрушка. Иной раз читаешь, читаешь... и бесполезно, все равно не врубаешься. А читать нужно. Потому что я, по совести говоря, — ужасно серый человек. К сожалению, понял я это слишком поздно. Но ведь надо заниматься своим развитием хоть как-то! Лучше уж поздно, чем никогда...

Составил я для себя что-то вроде программы: научиться немного ориентироваться в музыке — раз, в картинах, в живописи — два (здесь я вообще "по нулям"), ну и главное — литература. Решил для начала вызвать пятьдесят стихотворений разных поэтов, самых известных.

Взялся сперва за Пушкина. Во-первых, он у нас в этом году по программе, а во-вторых, все-таки уже знакомый, можно сказать, с самого детства...

Открыл книгу, начал читать и тут же понял, что никакой он не знакомый и что, кроме фамилии, ничего-то я и не знаю. Да, боюсь, что и вообще мало кто знает. Ну, может, первые строчки: "Жили-были старик со старухой у самого синего моря..." или "Царь с царицею простился, в путь-дорогу снарядился...", "Мороз и солнце; день чудесный!", "У лукоморья дуб зеленый; златая цепь на дубе том..." и что-нибудь еще такое, что у всех на языке.

Или вот, как у нас в классе: кто-нибудь засмеется, а у него обязательно спрашивают: "Что ты ржешь, мой конь ретивый?.." И никто не знает, что это на самом деле за стихотворение. Даже в смысл никто не пробует вникнуть. А ведь конь-то, он не весело ржет. Наоборот, он тоскует, потому что предчувствует, как его друг-хозяин погибнет, какая страшная ждет его смерть: "Кожей он твоей покроет мне вспотевшие бока!"

Волосы дыбом встают. Если вдуматься, конечно...

Вообще, Пушкин — это класс! Вот у меня вечно слов не хватает, чтобы выразить что-то и чтобы не фальшиво получилось. А у него это очень просто выходило: "...Но в день печали, в тишине, произнеси его, тоскуя" — это значит вспомни мое имя, хоть я для тебя навсегда — пустое место. "Произнеси его, тоскуя. Скажи: есть память обо мне, есть в мире

сердце, где живу я..." То есть человек любит, и ему ничего не нужно, он ничего не требует и не просит и ни о чем не мечтает, лишь бы только иногда вспоминали его имя, и от этого той, что вспомнит, становилось бы легче на душе... И он не жалуется и обиды не таит, а наоборот — желает добра той, которая его, быть может, когда-то оттолкнула.

Честное слово, я бы каждому советовал почитать Пушкина. Но представляю, какие глаза на меня вылупили бы девятьсот девяносто человек из тысячи. Нет, лучше уж помалкивать, прятать все поглубже в себе и никому не показывать. Потому что, я знаю, из всего нашего класса, а может, из всей школы только один человек сумел бы меня понять, только один.

Назавтра мама подняла меня ни свет ни заря, навьючила пыльными коврами и прочими тяжелыми тряпками и отправила во двор. И после я целый день чувствовал какую-то вялость, то ли от недосыпа, то ли оттого, что пыли наглотался с утра.

Вообще-то я не против того, чтобы время от времени совершать трудовые подвиги, но не знаю кому как, а мне это выбивание ковров — наказание, можно сказать, самое унижительное занятие. Во-первых, мне кажется, что это никак не мужское дело. Хотя, конечно, выматывает оно — будь здоров! Всю правую руку себе отмахал и мозоль набил на большом пальце.

Во-вторых — и это, наверное, главное, — шум приходится поднимать страшный. Дом наш расположен буквой П, и когда стоишь посередине двора и лупишь изо всей силы — как велено! — по ковру, эх раздается, как, должно быть, в горном ущелье. Даже удивительно, как с крыш не начинают сползать снежные лавины, не осыпается штукатурка с карнизов. И после пяти минут работы начинает казаться, что на тебя глазаюг из каждого окна: кто это там такой трудолюбивый? Летом еще ничего, тополя спасают. А зимой, когда деревья голые, наш двор простреливается взглядами вдоль и поперек, каждый его квадрат.

Тут еще как раз бабушки-старушки тянутся из молочного магазина. Ну идешь ты мимо — и ступай себе! Нет, поставит бидон на скамейку и начинает нахваливать: и какой вырос большой, незаметно как, и умный, и послушный, вот молодец, помощник маме! Да притом стараются горланить погромче, для того, конечно, чтобы я услышал их одобрение, вдохновился и начал трудиться еще усерднее. Называется моральное поощрение... Лучше бы проклинали, честное слово, не так стыдно было бы.

Но хуже всего — эти окна. Особенно три из них, три из нескольких сотен...

И вот колотит человек эти чертовы половики и начинает потихоньку злиться. Ну почему так бывает, ничего вроде бы зазорного нет в том, что ты делаешь, а все равно чувствуешь себя не в своей тарелке? Может, вся штука в публичке? Может, и со всеми так? Конечно, кроме артистов — эти, скорее всего, обожают быть в центре внимания...

Нет, в какие-то моменты человеку, наверное, может быть безразлично или даже приятно, что на него смотрят. Например, выводит

человек из гаража японский мотоцикл или, на худой конец, "Яву", "Чезет", надевает шлем, застегивает краги — смотрите на здоровье! Потом заводит мотор, фр-р-р — и нету его!

Или, скажем, раскалывает ребром ладони сразу три кирпича!

Или уж пусть играет он в настольный теннис и наказывает одного соперника за другим: следующий! следующий, кричит заведующий! следующий подстригаться!..

Но эти ковры...

Вот я специально обратил внимание: в девяти случаях из десяти, когда мужчина несет ковер или что-нибудь в этом роде, он старается ни с кем глазами не встречаться. Честное слово!

Ну может быть, в Средней Азии по-другому, не знаю, но в нашем городе я отвечаю за свои слова.

Под вечер я все же решил позвонить Валерке.

— Ты знаешь, — начал он сразу оправдываться, — я еще с ребятами не виделся. Ты звякни завтра в это же время, ага?

Похоже, ему было и впрямь неловко.

— Понимаешь, так получилось... Закрутился. То да се... Вчера не смог, хотел сегодня, а тут репетиция...

— Конечно, конечно... Вы уж там смотрите, не подкачайте в Уфе! Ладно, Валер... Ты больше не хлопочи, не надо... Не надо ничего.

— Почему это?

— Да так... Не знаю. Наверно, потому что Новый год — семейный праздник.

— А-а... Ну смотри. Дело хозяйское.

По телефону не очень-то разберешь, но мне показалось, что он вроде бы огорчился.

Ну если так...

— Видишь ли, тут все не так просто оказалось... Надо еще один вариант попробовать... Может, я и позвоню... если у меня все получится. Хорошо?

— Ладно, — сказал добрый Топтыгин. — Надумаешь — звони. Понедельник, вторник... Но в среду будет уже поздно!

— Я понимаю.

— Если б моя квартира была, тогда другое дело, а так надо все заранее...

Нет, правда, пока встречаются такие люди, как Валерка, на свете еще можно кое-как жить.

Но в понедельник мне с Бабкиной поговорить не удалось. В понедельник в нашем классе случилось то, что было продолжением. А началось все на прошлой неделе, в четверг. Верников тогда сцепился в коридоре с Горшковым. Из-за чего — тогда я не знал, а видел все хорошо. Они вполголоса о чем-то говорили, а потом Верников толкнул Горшкова в грудь. Он пошел на Горшка в открытую, "буром попер", можно сказать. Он был в себе уверен. И со стороны казалось, что Горшок струхнул. Как-то съезжился, выставил руки вперед и начал пятиться.

Верников ринулся в атаку, но Горшок "нырнул", захватил его ноги под

коленками, уперся головой в верниковский живот и сделал простой кувырок вперед.

Потом — еще кувырок!

Честное слово! Уж сколько я видел драк в кино и в жизни, сколько видел пособий по дзюдо и самбо, этого приема никто никогда не проводил и никто нигде не описывал... Такое мог выдумать только Горшок! По этой части он — гений!

Он вскочил на ноги и только посмеивался как ни в чем не бывало. А Верников еле поднялся и был весь мятый, красный, с заплаканными глазами, и кровь из носа капала — намял ему Горшок физиономию!

И когда он начал просить, чтобы ему кто-нибудь отряхнул спину, лично я отказался. И стыдно в этом признаваться, но если уж быть откровенным до конца: я даже злорадствовал.

Этот Верников с первого по шестой класс был самым хилым пацаном. Когда нас, бывало, выстраивали по росту, мы с ним оказывались рядом, далеко на левом фланге, если это была шеренга, а если колонна — то почти в самом ее хвосте.

Был он к тому же страшным ехидной, но это еще полбеды. А вот быть в нашей школе ябедой и стукачом — позорнее некуда.

И вот его сперва отучали ябедничать и жаловаться учительнице по всякому поводу. Перевоспитали. Быстро уразумел, что к чему. Но, как почти всегда бывает, клеймо все же так на нем и осталось. И впоследствии его уже били по инерции.

А в шестом классе он вдруг начал быстро расти и уже через год вытянулся так, что стал длиннее всех. Вдобавок выяснилось, что по секрету от окружающих он "качал" мускулатуру. И хотя уже добился больших успехов, но занятий не прекращает и по сей день. Например, в школе он постоянно жмет кистевой эспандер, не расстается с ним, как Житко со жвачкой. Даже на уроке тискает в кармане резиновый бублик. А уж дома...

Мне по какому-то случаю пришлось однажды его навестить, так я чуть не ахнул, когда увидел его хозяйство. Ни фиги себе! А я-то дома швейную машинку выжимаю... Здесь же целый спортзал: шведская стенка! тренажер!! штанга у него была самая настоящая!!! Я уж молчу о разборных гантелях и прочих мелочах... Да, серьезно малый отнесся к поставленной цели. Зато и результат налицо...

Когда нам на физкультуре Анатолий Петрович дает погонять в баскет или в гандбол, мы делимся на две команды. И поскольку форма у всех приблизительно одинаковая, то, чтобы не путаться, половина из нас просто снимает майки. Так вот: Игорек Верников в с е г д а оказывается в той команде, где ребята играют раздетые до пояса.

Но это — забавная ерунда. Гораздо хуже то, что он принялся помаленьку эту свою новую силу пробовать. Так щенята пробуют молодые зубки на ботинках, тапках и вообще на всех предметах, которые можно потреть и покусать.

У Верникова появились дурацкие привычки: подойдет, например, и давай толкаться! Вот просто разговаривает с тобой, а сам поталкивает и поталкивает в грудь, в плечо, в живот...

А еще может подкрасться сзади и провести удушающий захват. В шутку. Как бы резвяся и играя...

Он быстро вошел во вкус, и это было хуже всего. От него уже старались держаться подальше. В умственном-то отношении не продвинулся человек. Он же себя начинал считать некоронованным королем.

И вдруг... На глазах у всех так бездарно облажаться! Считаю, все достижения насмарку!

Разве он мог смириться?

Для разбора таких дел в тесном дружеском кругу у нас есть особое место — заброшенная теплица в саду за школой. Когда-то ее построили для юных друзей природы, и Римма Дмитриевна, ботаничка наша, собиралась там чуть ли не бананы с ананасами выращивать для школьного буфета.

Надо сказать, что человек она очень мягкий и добрый, но и очень настырный. И она бы, конечно, достигла успеха, кабы сумела достать где-нибудь пуленепробиваемые стекла.

Короче, применение теплице нашли, но не совсем то, на которое рассчитывал подколлектив.

Для Верникова тепличный вариант не подходил. Он знал: если у Горшка будет хоть доля секунды на подготовку, хоть один шансик из тысячи, то все пропало. Горшок никогда не допустит, чтобы его первого ударили. С малых лет он, когда задирался с кем-нибудь, всегда подначивал противников: ну бей, бей!.. Ему: нет, ты бей! Но сам он и никогда не начинал, только подначивал... И если противник бил, Горшок всегда уклонялся. И уже получал моральное право лупить без пощады. И уж лупил...

Ну, конечно, если подкрасться к нему сзади...

Или держать за руки, за ноги и за голову...

Но для этого нужно минимум пять человек, хотя глянешь на Горшка: вроде и плечи у него узенькие, и шея тонковата, не смотрится он как боец, да и вообще малый веселый, причем веселый, знаете, по-доброму.

В общем Верникову необходимо было застать Горшка врасплох. И не надо еще забывать, что позор-то свой он перенес на людях, значит, и триумф ему нужен был такой же. И он решил напасть внезапно.

И это ему удалось.

И то, что случилось в последний понедельник старого года, случилось после физики, перед литературой, прямо в классе, причем за минуту до звонка на урок, а значит, в неположенное время и в неположенном месте.

Я догадался, на что Верников рассчитывал: начало будет за ним, а концовки вовсе не будет — войдет Александра Ивановна и разнимет их...

Горшок не заметил даже, как Верников к нему подобрался. Слишком занят был, бросал бумажных голубей в Завьялову.

Он сидел за первой партой у окна, и Верников зашел со спины, рванул его за плечо, развернул к себе и молча стал бить с размаху в лицо.

Все козыри были у него: во-первых, эта парта дурацкая Горшкову

была все равно что каторжная колодка. А Верников имел два с половиной метра чистого пространства до торцевой стены, той, где висит доска.

Да по левую руку открывалась ему свободная дорога в коридор, затем во двор, затем на улицу, до самого дома, до квартиры своей мог бы он отходить, где можно запереться на все замки и крючки, а у дверей поставить свою толстую бабку-активистку с поварешкой в руках... Одним словом, отступить ему было куда.

Во-вторых, он сразу оглушил Горшка, вырубил на какие-то несколько мгновений, но эти первые мгновения — самые важные, потому что в таком деле главное — начало.

В-третьих, на нем были кожаные перчатки, и даже если он ничего туда не закладывал для тяжести, это большое преимущество: можно бить изо всей силы и не бояться за свои суставы, пальцы...

Короче, любой — любой, я отвечаю! — на месте Горшкова ушел бы в глухую оборону и покорно ждал, что будет дальше.

Но Горшок — это Горшок.

Он как-то вывинтился из парты, взлетел на нее!

Верников — за ним!

Все оцепенели, растерялись, и только вместе со звонком завизжали девчонки.

Вдруг Верников побелел, почти свалился на пол и спиной вперед, мелкими шажками пошел к стене.

И Горшок соскочил с парты, кинулся к Верникову, залепил ему раз, два!..

Но тот стоял, опустив руки, и пялился на Горшка буквально с ужасом. Вид у него был какой-то... И Горшок, должно быть, тоже почувствовал что-то неладное.

Он ощупал свое лицо и обернулся к классу:

— Ну-ка!.. Кто-нибудь! Зеркало!

И уж тут не только девчонки ударились в визг, но и пацаны ахнули.

И Кушнарев, который всю перемену донимал Завьялову солнечными зайчиками, протянул Горшку зеркальце, а другую руку прижал ко рту.

И Горшок погляделся в маленькое, круглое зеркальце и увидел то, что уже видели мы, а еще чуть раньше — Верников.

И он бросился к своей парте, схватил портфель, сдернул с вешалки пальто и выбежал из класса, чуть не сбив с ног Александру Ивановну, которая со страху уронила журнал.

После воскресной метели наша старая раскрытая теплица смотрелась хоть куда, хоть и был снег местами притоптан и усыпан окурками.

Яркое солнце, свежий снег... Кое-где в него впились капельки крови, и бусинок этих темно-красных прибавлялось и прибавлялось.

Буркин из восьмого "В". Почему-то именно Буркин, который не то что другом Горшку не был, вообще ничего общего с ним не имел, приземистый Буркин, сжимая губы в ниточку, подсакивая, чтобы достать, прямо-таки с наслаждением бил морду Верникову и приговаривал:

— Ты будешь извиняться, козлиная порода?
— Буду! — с готовностью отвечал Верников и сплевывал на сторону красным. Клубочки пара вырывались из его рта.

— Н-на! — впечатывался ему в щеку черной кожей обтянутый кулак.
— Ставишь мировую или нет?

— Ставлю! — покорно обещает Верников, дергая руками. Он не смеет закрыться и поднимает их только до груди.

Буркин, повернув слегка голову, косится на своих корифанов, что держатся в стороне чуть поодаль, и, как бы не расслышав, опять требует у жертвы ответа:

— Ты будешь извиняться?

И с каким-то довольным урчанием бьет справа и слева совсем по-нижнему Верникова.

— Буду!..

Яркий, белый, морозный день. Блестящий снег в бордовых кляксах...

Верников, которого жалко уже, с бессильными руками, в меховой куртке, забрызганной спереди...

Буркин с Товарной улицы, крысенок, из которого вырастет шакал, вершит справедливость.

— Н-на! — и поглядывает на дружков. — Н-на! Ты будешь еще возникать?

— Не буду! Не буду!..

Небольшая толпа притихших зрителей...

Зачем я здесь?

Зачем здесь я? Досматриваю кино?

— Нет! Вы не комсомольцы! Ни один из вас, я имею в виду мальчиков, носить это гордое звание не достоин! На ваших глазах... На ваших глазах — такое!.. А вы? Почему не вмешались? Почему допустили? Труссы! Равнодушные трусы, вот вы кто! Снимите свои значки! Пришпильте вместо них бумажки с надписью: "Я — трус!" И это — будущие защитники нашей Родины?! Бедная, несчастная наша Родина.

Бедная Варвара Васильевна... Ей придется отвечать перед начальством за ЧП, в котором она ни капельки не виновата. И не сможет она никому доказать, что ее вина лишь в том, что случайно ее назначили нашим классным руководителем и что она физически не может все время находиться с нами и не умеет читать чужие мысли, даже самые примитивные... Точно так же и никто из храбрейших наших ребят не станет даже пытаться ей доказывать, что все произошло так неожиданно и быстро, а потом было уже поздно, и вообще есть неписанный закон: двое в драку, третий — не лезь! Верников напал подло, глупо с этикой спорить, но в целом все выглядело честно — один на один...

Точно так же и я не стану ей объяснять, что фильм, его действие зритель изменить не может. Он ведь не занят в нем, не играет никакой роли...

А с Валея в тот понедельник тяжелый так и не удалось поговорить. На вторник, на новогодний вечер оставалась надежда.

Я нарочно немного опоздал, пришел, когда уже музыка гремела. В школьном вестибюле, не считая ребят с повязками у дверей, было пусто. Правда, Петракова еще околачивалась у зеркала, любовалась на себя. В узких брючках и какой-то хламиде до колен, подпоясанной как бы полоской металла, сверкающего, как серебряная фольга. На курносой физиономии — все цвета спектра...

— Ша-апошников! Вот молодец! Мальчишки наши, представляешь, почти никто не пришел!

Она и в класс потащилась за мной.

— А чего это окно открыто? — спросил я, беспокоясь за судьбу своего нового чехословацкого пальто, впервые надетого. — Первый этаж все-таки, залезут ведь...

— Да это тут... курили... — объяснила Надька, небрежно махнув рукою, полною перстней. — Раздевайся, ничего... Вон Завьялова — гляди, какое богатство повесила, не побоялась. Рублей восемьсот небось одежда стоит... У-у-у, Шапкин!.. Ну, ты сегодня — вообще!.. — оценила она мой внешний вид.

Ничего особенного в моем "прикиде" не было. Просто она ни в чем меня раньше не видела, кроме школьной формы, и на нее подействовал контраст. Хотя, кто его знает, может быть, и самому Житько мой наряд понравился бы.

Это мама осенью была в турпоездке по Прибалтике и купила мне в Риге довольно шикарные — ну, со всякими цацками, кнопками, замочками — брюки и такой красно-синий трикотажный... черт его знает, как называется, блузон, что ли, не важно это. В общем решил я эти шмотки обновить, раз уж выдался подходящий случай.

Я окинул взглядом вешалку — да, маловато наших, в основном девчонки... Тут Надька потащила меня наверх, в зал, и с ходу пришлось с ней идти танцевать, потому что школьная наша "рок-синтез группа" выражала недовольство, и лидер их, Мишка Бевз, предупредил в микрофон, что для пяти человек они играть не собираются. Понять можно было и музыкантов, и публику тоже: когда сияют все огни, и в зале светло как днем, и вдоль стен, будто в карауле, стоят учителя во главе с директрисой, не очень-то растанцуешься...

Однако и Бевзовы ребята могли сделать финт ушами, собрать инструменты и отчалить с обиженным видом, и что тогда? Пластинки в радиозуле крутить будут? Так ведь там что у них — Лев Лещенко, Валентина Толкунова... Ну вокально-инструментальный ансамбль "Пламя"...

— Что ты головой вертишь? — крикнула мне на ухо Надька. — Вон твоя катапулечка прыгает! Да не там! Вон туда смотри, где пионерская комната!

В том кругу, где танцевала Валя, ребят вообще не было. Значит, она здесь одна, значит, свободна...

— Ой, мама родная! Да она на каблуках! Ха-ха-ха!..

— А что здесь смешного?

— Да кто же сейчас так ходит! Только старухи, кому за тридцать!

Вообще-то, конечно... Без каблуков она и совсем от горшка два вершка...

— Неуклюжая ты тетка, Петракова! Грубо работаешь. На себя-то взгляни! Ведь понамазалась — глаз не видно... И что, все так должны?

— Много ты понимаешь! Наоборот, ты знаешь кто? Ни-бум-бум-ка! Если теи положить, глаза становятся глубже... загадочнее... Слышал, как... Понаровская поет... "Должна быть в женщине... какая-то загадка... должна быть тайна какая-то!"

— Тоже мне... Загадка! Да я тебя как облупленную знаю.

— Ну... так это ж ты... Уф-ф! — приложила она руку к висюлке, болтавшейся у нее на шее. — Не могу больше... надо передохнуть...

— Конечно, с твоим весом...

— Дурак ты, Шапкин, и не лечишься!

Вот так, по-товарищески беседуя, мы подошли к свободному месту у подоконника. Надька должна была отдышаться, а я хотел немного оглядеться и потом пригласить на танец Бабкину.

Рок-синтез группа наяривала неслабо, и народ вел себя уже не так скованно. Началось постепенное раскрепощение, и даже несколько учителей, из тех, что помоложе, покинули свои наблюдательные посты.

Я люблю смотреть, как танцуют. Не бальные танцы, конечно, где каждый жест отрепетирован, а когда скачут кто во что горазд. Человек в движении раскрывается, становится весь как на ладони виден. Словами можно сфальшивить, движением — нельзя. Не получится. Нестественные движения сразу бросаются в глаза. Вот обратите внимание на пьяного, который старается выглядеть трезвым, и вы убедитесь... Так же и с животными: попросите сравните, как двигается собака и как кошка. Или даже двух собак: злую и добрую. Сразу поймете, где какая, если и не будете знать заранее.

Конечно, человек научился и жесты свои приукрашивать, но что толку... Уродство все равно останется уродством, а красота — ей прибавлять ничего не нужно. Когда красивое хотят еще улучшить — это не дело, по-моему. Вот взять, к примеру, кино. Однажды показывали по телику американский фильм про тамошний животный мир — сильная картина! И вот там были кадры: снятый "Рапидом" замедленной съемкой прыжок пумы с одной скалы на другую, как она летит по воздуху и правит своим хвостом. Что тут можно иметь против? Только так и углядишь, что хвост для нее это руль.

Но зачем снимать "Рапидом", как скачут мустанги! Чтобы усилить впечатление? Глупо. Глупо, потому что здесь красота движений... как бы это сказать... ну увеличивается, что ли, в соединении с быстротой их бега. Так примерно...

Нет, если бы я был кинооператором, я бы снимал все без выкрутасов, как есть. Красиво только все настоящее, вправдашнее. К чему украшать? Вот — кони! Смотрите, какие замечательные... существа! Язык не поворачивается назвать их животными. Смотрите, как несется по степи табун! Не стадо, это у коров, у баранов, у свиней — стадо. Здесь — табун!

Впрочем, и среди лошадей есть животные. Но их такими сделали хитрые люди, стали их запрягать во всякие повозки, ездить на них...

— Шапкин, — сказала отдышавшаяся Надька. — Ну что, пойдем покурим?

— А ты разве куришь?

— Конечно. А ты разве нет?

— А я, представь себе, нет.

— А я, если хочешь знать, считаю, что это не парень, который не курит!

Вот и возьмите ее за рупь двадцать...

— Ну, значит, я — не парень. А ты для чего куришь, ты же и подавно девчонка? Чтобы вес согнать?

— Ой, ну хватит тебе, Шапкин! Ну, пойдем, хоть проводишь меня, а то я боюсь... Тут знаешь сколько чужих!

— Позови лучше вместо меня какого-нибудь настоящего парня. Всд, Саленко попроси...

— Ну его в баню, этого тюленя! Сейчас начнет рассказывать, как полезно купаться в проруби, очень нужно...

— Он морж, а не тюлень. Эх ты, серость! Никакого у тебя нет соображения...

— А у тебя зато чувства юмора нет! Ну я тебя прошу... Да наглядишься ты еще на свою Дюймовочку, вечер только начинается! Ну ты мне друг или портянка, Шапкин?

Из класса доносились приглушенные голоса. Я потянул за ручку, но дверь была заперта изнутри то ли на швабру, то ли на стул.

— Эй, — постучала кулаком Петракова. — Эй! Ну-ка, открывайте! Свои!

Голоса умолкли, но открывать никто не торопился.

— Эй! — повернулась Надька к двери спиной и саданула пяткой по нижней филенке. — Что за шутки!

Никакой реакции. Мне только послышался какой-то звук, будто сдвинули с места парту, и опять кто-то заговорил негромко, но сердито, раздраженно.

— Шапкин! — сделала Надька круглые глаза. — Слушай, а может, и правда кто залез через окно, а? Жулики! И наши полта грабят? А?

— Да ерунда... — начал я, но она перебила:

— Стой здесь, а я побегу во двор, посмотрю оттуда! В случае чего и подмогу вызову!

— Брось, Надька! — попытался я ее остановить. — Какие жулики, что тебе в голову взбрело...

Но она уже учесывала по коридору, тяжело топая и смешно разбрасывая ноги.

А я остался слушать, как мое сердце ломится изнутри в ребра. Так Петракова только что ломилась в классную дверь. Вот и попробуй представь себе, что все это — кино! Нет, не всегда это удастся, далеко не всегда...

Снова голоса, и потом — хлоп! хлоп!

Я начал рвать на себя дверь, чувствуя, как меня разбирает ярость, настоящая ярость, от которой мне всегда потом и самому бывает страшно.

Нет, там не жулики! Уж один-то голос я точно узнал, там закрылись вовсе не чужие...

Вдруг дверь распахнулась, я чуть не получил ею по лбу... и из класса выскочила... правильно, Рита в обнимку со своей дубленкой... Как-то странно, исподлобья глянула на меня, прикусила нижнюю губу и быстро пошла прочь, одеваясь на ходу.

А в классе стоял рядом с умывальником Кушнарев со встрепанными волосами и весь красный и смотрел на меня глазами бешеной собаки.

— Ты почему не открывал? Не слышал, что ли?

— Отвалил бы ты отсюда, а, Шапкин? Отвали!

— Моя фамилия — Шапошников! Слышишь, ты, тварь...

Очнулся я, когда Надька влетела в класс, вцепилась в мои плечи и стала оттягивать назад. Опомнился и отпустил ворот кушнаревской рубашки, который скрутил так, что лицо Кушнарева из красного уже превращалось в синее... Теперь мы с ним оба могли дышать. Дело в том, что когда на меня вот это накатывает... ну, ненависть... я начинаю задыхаться. По-настоящему задыхаться. Как сумасшедший делаю, честное слово.

Мне редко приходилось драться. Вообще, я считаю, это очень глупое занятие. Дикость, жестокость — это все само собой, но главное, помоему, — это глупость. Потому что в драке, если вдуматься, проигрывают все... Но порой находит на меня что-то... отчего, говорю вам, самому бывает жутко: перестаю себя помнить. Это когда уж за самое живое задевают.

Кушнарев подобрал с пола пуговку и прямо зубы оскалил и заскрипел ими на всю школу, как намазанными ржавыми петлями. И выбежал вон.

Надька проводила его злорадным взглядом и застонала, закатывая глаза под лоб:

— О-ой-й-й, Шапошников-ов... Чего я сейчас видела-а... Он ей чего-то: ля-ля-ля, ля-ля-ля! А я стою же под окном! Но, гадство... Нич-чего не слышно! Ритка — ну рысь настоящая! Он ей: ля-ля-ля! Только руку протянул — а она его: хлесь! хлесь по харе! Слышь, а чего это ты с Кушнарем схватился, а? Тоже, что ли, в Ритку втрескался? Ну и дурак! Плевала она на всех на вас! Не ее поля ягоды! Ну, Кушнар... Ну заполучил! Ну держи...

Я машинально взял протянутую мне сигарету. Надька просунула швабру в дверную ручку, накинула пальто на плечи, и мы отошли к открытому окну, сели там на парту.

— Ну дела-а!.. Кино и немцы! Молодец Ритка! Н-на! Н-на! Гнида этот Кушнар... Думает, если у него брат сидел, значит, ему теперь все можно!

Она зажгла спичку и, держа ее вытянутыми пальцами за самый кончик, протянула мне.

— Он что, лез к ней, приставал? — спросил я, так же механически прикуривая.

— Не-ет! При мне, при моих глазах то есть, один раз только руку протянул... Они просто разговаривали.

— О чем, интересно...

— Не знаю, о любви, наверно... Но по роже она ему съездила — это за Горшка, точно! Еще вчера грозилась. Молодец! А то кто за него еще может отомстить? Ес-то он не посмеет тронуть, кишка тонка...

— Погоди, погоди... Что-то я не усек, — сказал я, пытаюсь побороть отупение, которое вместе с легким головокружением нахлынуло на меня после первой же настоящей затяжки. — При чем здесь Рита, и при чем здесь Горшок, и при чем здесь Кушнарев?..

— Как это — при чем! Ты что, дурак или притворяешься, Шапкин? Или ты уже из-за своей Валечки Бабулечкиной вообще ослеп, ничего кругом не видишь?

— Как я могу это видеть... это же все происходит за кадром, понимаешь?

— Шапкин, у тебя что, и правда сдвиг по фазе? Я сейчас закричу...

— Подожди, но ведь с Горшком-то — Верников...

— Э-э-эх! — покачала головой Петракова и плюнула за подоконник.

— Ты, наверно, только в фотографии и кумекаешь... Это же все Кушнар подстроил, гнида поганая. Он их стравил, а сам — в сторонку. Чистенький, не подкопаешься. Он же от Завьяловой всех остальных отшил давным-давно, эти только два дурака оставались...

— Слушай, откуда ты все это...

— Да весь класс знает! — затрясла она у меня перед лицом широкой своей ладонью. — Он Верникову надул в уши: ты, мол, самый симпатичный, фигура у тебя, и так далее... Ты Ритке сильно нравишься, а от нее Горшок не отлипает, уже достал ее, серый козел, пристает и пристает...

— Ты что, сама слышала это?

— Слышала — не слышала, какая разница! Девчонки рассказывали. Ну, в общем, заводил он его, заводил, накручивал, накручивал... Тот и озверел. Они же вместе договаривались Горшка-то... Верников только начать должен был, а потом Кушнар обещал подвалить и с ним еще, кажется, Буркин из восьмого "В"...

— Нет, вот это уж ты не туда... Буркин, наоборот, в тот же день в теплице Верникову вломил, я видел своими глазами...

— Ну тогда точно — Буркин! — уверенно сказала Надька. Она оттопырила нижнюю губу и выпустила струйку дыма себе же в глаза. — Значит, он и должен был бы подключиться... По крайней мере, уговор у них был такой.

Она небрежным щелчком швырнула окурочку в окно.

— Подожди, подожди... Но за что же тогда Буркин Верникова-то если...

— Так вот же я тебе и объясняю! Верников после всего подходит к Кушнареву и говорит: что ж ты, где ж твои ребята? Ему же обидно! Горшок ведь тоже ему хорошо успел навешать, а главное — одному-то отвечать неохота... А эта гнида ему говорит: отвали на фиг, я ничего не знаю! И от Завьяловой отвали раз и навсегда! А Верников: ну я тебе

тогда тоже, говорит, украшу, как и Горшка! Ну вот тут, наверно, Кушнар Буркина и свистнул на подмогу... Это же все — одна кодла, с Товарной. Знаю я их всех, сама рядом живу.

Надька на секунду сделала задумчивое лицо, потом кивнула и добавила:

— Да, так оно и было, скорее всего.

Честное слово, я подумал, что еще немного — и начну я Петракову по большому счету уважать.

— Ты смотри, как все закручено... Ай да Кушнарев!

— Что ты! Прямо настоящая детектива! Ну Ритка молодец!

— Стоп! Ты говоришь, весь класс видел все и знал, а что же тогда Горшков и Верников? Почему они не замечали?

— Да такие же они дураки, как и ты, вот и все! Ну, конечно, и не весь класс был в курсе, это уж я так... Но я-то все знаю! — сказала она хвастливо.

— Все-все?

— Все-все-все!

— И где Житько бабл-гам достает?

— В общаге у иностранных студентов, на Первомайской. На деревянные ложки обменивает.

— А что же ты Горшкова не предупредила, что ему подлянку готовят?

— Кто ж думал, что все так кончится! И вообще, я в чужие дела не суюсь, пускай сами разбираются... Да и Горшок — дурак! Нашел кого клеить... Раскатал губы... На чужой каравай рта не разевай!

— А... чей она каравай?

— Кто?

— Завьялова, конечно, кто же...

— Не знаю, — призналась Надька с явным сожалением. — Вот этого пока не знаю. Может, кто-нибудь из ее круга, из высшего света... Нет, чего не знаю — того не знаю. А врать не хочу.

Дверь задергалась, потом в нее громко постучали.

— Бросай сигарету... — шепотом подсказала Петракова и фальшиво-веселым голосом пропела: — Кто та-ам?

— Открывай!

Надька быстро повернулась ко мне.

— Опять эта гнида! Слушай, надо срочно дергать отсюда! — и, встав на цыпочки, подбежала к двери. — Ой, одну секундочку, ребята!

Сделав отчаянное лицо, она показала мне рукой на вешалку и затем на окно.

Я покачал головой и остался сидеть на месте.

Надька ударила себя два раза кулаком по макушке, показывая, какой я дурак, и снова сказала игривым тоном:

— Ой, сейчас, сейчас...

Так же, на цыпочках бросилась за моим пальто и по партам прискакала ко мне, как горная корова. Дверь трясли, но несильно.

— Мотай отсюда, придурок! — зашипела она. — Ты что, ждешь, пока они и к окну прибегут?

Глупая Надька! Неужели же Кушнарев стал бы атаковать только с фронта, а про тылы позабыл... Да когда в резерве есть несколько полков, даже самый бездарный стратег догадается организовать врагу небольшое окружение.

— Поздно, Петракова... Да и ни к чему... Эй! Эй!..

Но она уже буквально схватила меня в охапку, взгромодила на подоконник и буквально вытолкнула наружу! Как я еще на ноги приземлился! Следом вылетело пальто и высунулась по пояс Надька:

— Ой, Шапки! А шапка-то где твоя?

— Да здесь, в кармане... Уйди от окна, кретинка, простудишься!

От освещенного входа бежали двое.

— Стоять! Стоять! — кричали они издали.

Поджидая их, я спокойно оделся и поглубже надвинул шапочку, закрывая уши и брови.

Однажды летом, когда я гостил у дедушки в Калачеевке, при мне на соседскую кошку напали две собаки. Они ее заметили издали, когда она сидела у калитки и вылизывалась, умывалась, и кинулись к ней наперегонки. А кошка уже подчепурилась и спокойно сидела во всей своей красе на зеленой травке. Только уж когда псы были в трех шагах, я увидел, как она удивленно подняла брови: эт-то еще что такое? Главное, не шелохнулась даже и ушком не повела. Должно быть, она тоже свое кино смотрела или что-то вроде того.

И точно так же, как те две собаки, которые не знали, что им делать с кошкой, если она не убегает, Тарасюк и Безбородов сбавили скорость и растерянно остановились от меня шагах в трех.

— Ну и что дальше? — спросил я, стараясь говорить ледяным тоном.

Они не знали. Стояли, соображали. Не знаю, как Тарасюк, но Безбородов — страшный тупарь. Своими ушами слышал, как однажды на перемене он и еще один дебил из того же восьмого "В" спорили, какая столица в Прибалтике — Рига или Юрмала.

— Руки вынь из карманов! — подал наконец голос Тарасюк.

— Выну... — пообещал я. — А в обморок ты не упадешь?

Со спины я был прикрыт школьной стеной, это самое главное...

Они оглядывались нетерпеливо на дверь, сами не решались напасть.

— В общем так, фрайерята, — сказал я, уже не зритель, а режиссер, исполняющий главную роль. — Некогда мне тут с вами лясы точить. Прыгнете — одного из вас точно распишу. Не накалывались еще? Наколется... Кто-то из вас — точно, я отвечаю!

И я ушел, не оборачиваясь, не слишком торопясь, не волнуясь... Нет, я совсем не герой. Просто мне все было безразлично. Это всегда со мной происходит после того, как ярость перегорает. Накатит равнодушные — и ничем меня тогда уж не напугать, не обрадовать и не удивить...

И я несколько не удивился, что шакалье это не кинулось за мною вслед.

И не огорчился тем, что опять с Валеи не удалось поговорить, что снова пришлось отложить это, теперь уж на будущий год. Подумал даже, что, может быть, оно и к лучшему... Я себя частенько так утешаю.

Мне кажется, люди просто договорились считать Новый год ужасно веселым праздником. Талдычили они талдычили друг другу: ах, как весело, ах, как здорово! ах, самый главный праздник в году! Так и вошло в привычку... Сами себя убедили.

Так же и дни рождения: поздравляем! поздравляем! А с чем? Ведь не прибавился к жизни год, а совсем наоборот. Конечно, пока человек мал, он еще не осознает этого и радуется, как дурак. И подарки принимает как награду за то, что подрос на сколько-то там сантиметров...

"Ну-ка, становись вот сюда! Где-е тут у нас была зарубочка? Ого! Вот это ты вымахал! Ну молодец, молодец... Вот тебе... На-ка, держи!"

И садятся скорей пить водку.

Не знаю, для кого как, а для меня подарки ко дню рождения — давно уже не награда, а что-то вроде компенсации. Хотя я все еще расту и буду расти, если верить науке, еще лет девять. Оно бы и неплохо...

Интересно, а что чувствуют старики, когда принимают подарки? И какое у них настроение в последнюю ночь года? Надеются на что-нибудь?

Все дело ведь в надежде... У кого старый год был удачным, те мечтают, чтобы в дальнейшем им еще больше повезло. А у кого так себе, те верят, что вот уж в новом-то году!..

Все дело в надежде, да... Она — утешение за вычитенное время. Утешение для всех. Только не все это понимают. И не у всех есть желание что-то понимать. Потому что чем больше ты понимаешь, тем сложнее тебе живется... Но и с закрытыми глазами, и с заткнутыми ушами человек существовать не может. И если ты живешь, ни о чем не задумываясь, разве ты человек тогда...

Вот примерно с такой путаницей в голове я и гулял по городу, по моему родному городу за несколько часов до полуночи.

Прошелся несколько раз по проспекту, самому главному, потолкался в толпе у елки на центральной площади... Вокруг елки, у подножия ее, был устроен помост высотой в человеческий рост, и там были выставлены напоказ клетки с живыми пушными зверями.

— Смотри, смотри, Жанночка!

Рядом какая-то мамаша старалась поднять повыше девочку лет четырех.

— Смотри, детка, вот это — норочка, это — песец, а вон и лисичка-сестричка! Эти зверьки пришли сюда из глухого леса праздновать с нами Новый год!

— Дя-а? — удивлялась девочка. — А почему?

— А потому что смотри, как здесь красиво, как сияют огоньки, сколько кругом людей!.. Вот и зверята прибежали повеселиться!

— Сами плибезали?! — не верила девочка.

— Сами, сами! Им же скучно одним в лесу...

А в зверосовхозе еще скучнее, подумал я. Господи, ну зачем детей постоянно дурят! Неужели для того чтобы они, когда вырастут, знали, что ничему верить нельзя? Безоглядно — нельзя?..

Прямо страх берет, не успел человек родиться, а его уже обманывают, боль делают фальшивой сказочкой.

На площади можно было бы в эту ночь встретить кучу знакомых, потому что у нас принято обязательно приезжать сюда хотя бы на несколько минут, обычай такой городской, и давка в трамваях и автобусах такая же бывает, как и по утрам, когда люди едут на работу.

Но мне повезло, я и сам никого не увидел и никому не попался на глаза. Или меня просто не узнавали в новом пальто.

Хуже всего было то, что вокруг все куда-то спешили, суетились, подгоняли друг друга, и мне приходилось тоже ускорять шаг, а торопиться-то некуда было.

В магазины стоило только заглянуть, чтобы понять, сколько народу любит все откладывать на последний момент, такая там давка началась.

Сам не знаю зачем, но я попробовал позвонить из автомата Валерке — к телефону никто не подошел.

И вот беда, "проектор" мой никак не включался... Заело что-то в механизме. А может быть, причина была в оттепели, в том, что ноги скользили на подтаявшем льду, а новые сапоги вдруг страшно начали жать...

Мелькнула у меня мысль поехать к бабушке с дедушкой, маминим родителям, но тут же пришлось от нее отказаться. Во-первых, они наверняка уже спать легли, во-вторых, в поздравительной открытке сообщили, что оба гриппуют, а в-третьих, мало мне радости сидеть у них, пить слабенький чаек и слушать, какая у меня хорошая мама и какой у меня папа... Да и жили они у черта на куличках. Вот я и бродил как неприкаянный, и некуда было мне деться.

Мама говорит всегда, что как встретишь Новый год, так его и проживешь. Значит, придется мне странствовать?

А что! И очень просто... После восьмого класса уже принимают в мореходные школы. И геологоразведочные техникумы есть... Где еще требуются странники?

Проклятые сапоги! Кажется, на левой пятке уже мозоль...

В Ярославле, читал я в какой-то газете, училище есть театральное, куда принимают с неполным средним... В Ленинград можно тоже уехать, там, говорят, ПТУ — самые лучшие в стране...

Надо было мне, дуралею, походить в них дома дней несколько, поносить вместо комнатных тапочек... Ох, как трут! Должно быть, уже поживому мясу...

И всего через несколько месяцев все дороги, все пути для меня открыты. Ну если не все, то очень многие...

Лишь бы только сапоги не жали.

...Стал накрапывать противный дождь, и я начал зябнуть, а температура-то держалась плюсовая! Из-под козырька газетного киоска, где я укрылся, хорошо был виден Главпочтамт, а на его фасаде — электронные часы-термометр: щелк — плюс два! щелк — двадцать два тридцать одна! щелк — плюс три! щелк — двадцать два тридцать две!..

Полтора часа без малого до той минуты, что когда-то мне казалась волшебной. Да что там когда-то! Совсем недавно еще казалась, как и многое другое, о чем потом я постепенно узнавал, что вот это, оказы-

вається, — выдумка, а то — шутка, а что касается предметов, которые больше всего на свете нужны, — шапка-невидимка, волшебная палочка, сапоги-скороходы — так это и вовсе несбыточная мечта...

...Плюс два — двадцать два тридцать три — плюс три — двадцать два тридцать четыре...

Докандылял я с горем пополам до трамвайной остановки и в двенадцатом часу ночи приехал домой. Мама до того была рада, что даже не потребовала обратно деньги, которые мне так и не удалось потратить красиво.

— Ну как тебе мое новое платье? — похвасталась она. — Ты хоть похвали, раз батька не догадывается...

— Монтана! — одобрил я ее обновку, стянул с ног своих измученных сапоги, обулся в милые, разношенные, уютные, удобные шлепанцы, вздохнул и почувствовал, что все не так уж и безнадежно плохо.

Никуда не денешься, Новый год — семейный праздник...

Мамино прекрасное настроение только немножко подпортил отец — отказался наряжаться в костюм и повязывать галстук, а так и сел за стол в обычной своей домашней одежде, то есть в болотного цвета фуфайке и в штанах, которые он сам упорно именует спортивными. Но я таких в жизни своей не видел ни на одном спортсмене. Ни в натуре не видел, ни по телевизору.

— Ну, Алексей! — обиделась мама. — Ну ты бы хоть раз в году меня послушался! Ну может быть, мне с тобой захочется потанцевать!

Он только усмехался и махал рукой. А жаль! Я с удовольствием посмотрел бы, как они танцуют, ведь миллион лет уже не приходилось ничего подобного наблюдать.

Когда часы пробили положенные двенадцать раз и заиграл гимн, окно осветилось снаружи бледно-зеленым сиянием. Ракета! И запустили где-то рядом! Может, прямо с нашего двора она взлетела?

Я пообещал маме вернуться через пять минут, оделся, обул отцовские резиновые сапоги и поспешил вниз в надежде, что это кто-нибудь из наших ребят устраивает иллюминацию, в доме-то у нас каких только химиков не живет...

Но двор был пуст. И фейерверка я никакого не дождался.

Я посидел немного в беседке, послушал, как дождь шуршит по рубероидной крыше, послушал музыку, обрывками доносившуюся из открытых форточек... Снег был начисто съеден оттепелью, и ночь без его белизны казалась какой-то даже чересчур темной. Дождь все усиливался, и хоть пахло в воздухе по-весеннему оттаявшей землей и живой тополиной корою, конечно, никого сейчас на улицу не потянуло бы. Все улицы пусты, разбежались люди по своим углам, где сухо и тепло... А там, где сыро и холодно, остались только я и зверюшки в клетках, под елкой, на главной городской площади, теперь уже, конечно, пустой, залитой лужами и уставленной фанерными ларьками, размалеванными гуашью...

...Зверюшкам-то гораздо хуже, чем мне, я в этой беседке сижу по собственной воле. Вот озябну сейчас хорошенько и вернусь домой... И, по крайней мере, за шкуру свою могу быть совершенно спокоен. Уж она-то никому не нужна.

На четвертый день зимних каникул я в составе школьной делегации отбыл в традиционный агитпоход. Километрах в сорока от нашего города есть такой поселок — Починкино, и наша школа давно уже взяла шефство над одной из тамошних школ. Как будто они в этом нуждались... И непонятно, почему не они над нами шефствуют, а мы над ними. Наверное, потому что кто-то когда-то подсчитал, что горожане вообще умнее, лучше и выше, чем сельские жители. Это, кстати, относится не только к школам. Вы слышали когда-нибудь, чтобы какой-нибудь колхоз, даже самый передовой, миллионер, объявил себя шефом пусть захудалого заводика? Лично я — нет.

Вообще-то, Починкино — это рабочий поселок, а не крестьянский, и в подшефных он числится лишь из-за малых своих размеров. Ну театров здесь, конечно, нет. Вот мы и приготовили им культурную и спортивную программу.

Можно сказать, мы представляли весь цвет нашей художественной самодеятельности; правда, рок-синтез группа послала свой второй состав, но зато акробатка Рая Хакимова, пианист-виртуоз Ильяшенко, сестры Черняевы, Алик Рябых и Люся Елькина, то есть главные наши звезды — все были налицо!

Конечно, были и случайные люди. Эти затесались в спортивную часть нашего агитотряда... Ну а меня аккредитовали как фотокорреспондента.

Починкино я много раз видел из окна вагона, потому что как раз по этой дороге нужно ехать в Калачеевку, где живет мой деревенский друг. Но выходить на этой станции не доводилось, да и не тянуло никогда.

Вот знаете, бывает, едешь в поезде и видишь вдруг такое место: хорошеё, что прямо хочется на ходу соскочить и там остаться, если не навсегда, то хоть ненадолго... Поляну какую-нибудь, озеро, луг, сосновый бор... Так вот Починкино — это что-то совсем другое. Такое что-то откуда хочется немедленно сбежать.

Леса здесь и в помине не было, степь да степь кругом, домишки невзрачные, почти сплошь одноэтажные, снег и тот не белый, а цвет кофе с молоком. Ни озера, ни реки подходящей, парит лишь какой-то ручей на морозе, и журчит в нем унылая коричневая вода... Достопримечательности — глиняный карьер, два кирпичных завода и свиной комплекс. Короче, не разгуляешься...

И я себя чуть не обругал за то, что согласился участвовать в этом показушном мероприятии. Вообще, все это выглядело глупо, и ведь вся глупость и фальшь видны были мне с самого начала! Во-первых, само название — агитпоход...

Кого мы тут должны были агитировать и за что?

Или, может, это они нас агитировать собирались, чтобы мы после школы приехали сюда работать на их замечательных кирпичных заводах?

И не понимаю, что это за агитация такая: спеть несколько песенок и вместе погонять мячик...

Еще неприятный момент: большинство здесь было из девятих-де

сятых классов, мы оказались самыми младшими, и нас, конечно же, отодвинули на вторые, даже на третьи роли... А кому это приятно?

Правда, "подшефные" встретили пускай и не с оркестром, но в целом очень дружелюбно. После приветственных речей мы все вместе сбились в какое-то подобие колонны и двинулись по направлению к школе, где нас должны были разместить на три дня и три ночи.

По пути к нашему сводному отряду присоединилась еще ребятня, и в конце концов орава, потерявшая строгие очертания, запрудила всю улицу, от забора до забора.

Мне пришлось побегать: надо было снять это шествие с разных точек, и я то забегал вперед, то выбирал сугроб повыше и карабкался на него, набирая полные сапоги несвежего снега... Потом я стал перезаряжать аппарат, поглядывая, где там Валя Бабкина. Пробился к ней, сделал несколько снимков...

— А когда будет фото? — спросила она, по-моему, кокетливо. — Дашь мне несколько штук?

— Еще бы! — сказал я, застегивая чехол. — Самые лучшие тебе подарю...

Начало неплохое! Нужно продолжать в том же духе...

— Валя, давай сумку твою понесу, а?

— Больно надо!

— Нет, правда, такая она у тебя здоровенная.

Я попробовал отобрать у нее сумку, она не давала, и все это, кажется, выглядело довольно неуклюже, я это почувствовал и попытки свои прекратил. И небрежно так, шутливым тоном произнес:

— Валь, мне с тобой нужно страшно серьезно поговорить...

— Ну говори, если нужно.

Я оглянулся — в общем-то подслушать нас никто не мог... Позади шла группа ребят из нашего класса, но они были далеко, а Любка Синцова, которая держалась рядом с Валей, когда я подошел, деликатно приотсталала, умница...

— Нет... Неудобно так вот, на ходу... Как насчет сегодняшнего вечера? Обещали ведь после всего дискотеку... Ты как, придешь?

— Не знаю, — повела она плечиком. — Там видно будет. Не люблю загадывать.

— Я тоже, какое совпадение...

Тут у нас за спиной кто-то неуклюже забряцал по струнам и противным фальцетом затянул:

— *Моя лилипуточка-а!..*

Приди-и ко мне-е!..

Побудем минуточку-у!..

Нав-едине-е-е!..

Я хотел обернуться и посмотреть, что это там за гад такой нашелся, но сдержал себя, правда, с трудом — этого только, должно быть, и ждали, но вот фиг вам!

Скосил глаза на Валю. Ее лицо было напряженно-спокойным. Всего

лучше сделать вид, что нас эта выходка ни с какой стороны не касается...
— Я еще в старом году хотел сказать тебе что-то... И даже приходил к тебе домой.

— Когда же это? Не припоминаю...

— Ну... Мы были вместе с Куриловым. Я просил его вызвать тебя...

— Так это значит ты его подослал тогда?

И она вдруг рассмеялась. Вполне натурально рассмеялась, без какого-либо притворства.

— Значит, это был ты?

— Да... А почему тебе так ужасно весело?

Сзади опять запели, на этот раз даже дуэтом, подбавляя гнусавинки:

— Тра-ля-тра-ля-ля-ля-а-а...

Тра-ля-ля-ля-а-а...

Моя лилипуточка-а!..

Любовь моя-а-а!..

Ох, не обошлось там, по-моему, без Житько и Петраковой. Зря вы так, ребята, зря... Больно уж разошлись, не пришлось бы худо потом...

— Так я тебя жду на дискотеке?

Она повела снова плечом и опустила глаза. Опять я никак не могу в них по-настоящему заглянуть!

— Ну что молчишь?..

— А ты опять пошлешь вперед сводню?

— Нет, сегодня как-нибудь без посредников обойдусь...

— Посмотрим, посмотрим...

Зациклило ее, что ли, на своднях! А она, оказывается, схидина... Впрочем, ехидство, по-моему, в каждой девчонке живет. Ну почти в каждой... Из нашего класса, кажется, только одна отличается в этом смысле от всех других. Что ж, надо мириться...

Школа находилась в самом центре поселка. Рядом — какая-то контора, магазины и кафе, куда нас повели обедать после того, как показали, где мы будем жить и общаться с "подшефными" товарищами. А у кафе нас, как белых людей, поджидал автобус.

Обед прошел оживленно. В буфете продавалось пиво, и ребята из старших классов туда настоящее паломничество устроили, носили к своим столикам бутылки с содранными наклейками — ситро будто бы... Из наших никто не рискнул, кроме Кушнарева. Этот даже с наклейкой не мудрил...

Разобрало его, наверное, от пива... Когда ехали в автобусе на свиноводческую ферму, он покоя не давал Бабкиной. Должно быть, нарочно мне на нервы действовал.

И на ферме он так и лип к ней, так и клеил: то за рукав дернет, то подтолкнет, то сдвинет шапочку на глаза — шутки такие... Но что интересно, Валя сама, по всей видимости, была не против таких вот ухаживаний, только хихикала.

А когда нам показывали новорожденных поросят, Кушнарев и вооб-

ще сдернул с Валиной головы шапку, вытянул руку над свинячьим загоном и начал делать вид, что сейчас разожмет пальцы... Так и хотелось подобраться к нему, ухватить за щиколотки и перекинуть туда, через загородку, в жижу вонючую!

Но Валя... Она — хоть бы что. Поглядывала снисходительно и похихикивала, ну Бабкина... И снова они в автобусе рядышком уселись и очень мирно, мило так беседовали, чуть не обнимались... В чем же дело? Я не понимал, отчего все так паршиво складывается. Или она мне назло с ним заигрывала? Но зачем же, чего ради?..

Неужели и здесь я проглядел то, что всем было очевидно, как в истории с Горшком? И здесь происходило за кадром что-то, мне не видимое?

Да нет, не может быть... Просто не может этого быть! Я не хочу, чтобы так было! И потом, я уверен, Петракова мне обязательно сказала бы!.. Уж что-то, а это точно.

До ужина мы еще должны были показать нашим "подшефным", как надо играть в баскет и волейбол. Признанных мастеров, к сожалению Марины Трофимовны, учительницы физкультуры, с нами не было, и ей пришлось поволноваться и пошевелить мозгами, прежде чем она сколотила две команды.

Спортзал при школе был совсем крошечный, раза в два меньше нашего, и освещение слишком тусклое, чтобы можно было при нем вести съемку, а лампы-вспышки я с собой не захватил, так что не было во мне нужды, ну и слава богу. Честно говоря, хотелось куда-нибудь уйти и забиться в угол, побыть одному.

Но не тут-то было! Марина Трофимовна, оказывается, и на меня глаз положила.

— Шапошников! Я тебя заявила на оба матча! Готовься! От нас зависит престиж всей нашей школы!

Здравствуй! На безрыбье и рак рыба, что ли?

Переспорить ее не удалось, очень уж напористая, как-никак бывшая спортсменка, даже экс-чемпионка то ли области, то ли общества "Трудовые резервы"... Ну и какое-то представление о волейболе я имею, ходил в секцию, пока тренер не обратил внимание на то, что слишком медленно я расту. Так у меня к тому времени рост был нормальный, средний, в классе я не выделялся, но здесь было другое дело. Спросил он меня, какого роста мой отец, и когда я сказал — метр семьдесят пять, все было со мной фактически решено. Пару раз тренер придрался ко мне из-за каких-то мелочей и прямо сказал, что больше я могу на тренировки не ходить... Хотя в защите у меня игра шла неплохо. Да только ведь нападающие везде выше ценятся...

В общем выдали мне желтую майку и синие трусы, похлопали по спине и вытолкнули на площадку. На всеобщий позор. Потому что раздолбали нас починкинские ребята буквально в пух и прах. Первую партию мы продули со счетом три-пятнадцать. Вторую — шесть-пятнадцать.

И загвоздка была даже не в том, что в тесный зальчик понабавалась

тьма народу и были то почти сплошь болельщики наших друзей-соперников. И что мы то и дело посылали мяч в непривычно низкий потолок и теряли из-за этого очки — тоже не причина полного краха. И не судья виноват, местный деятель, который подсуживал своим просто бессовестно. Это все — мелочи.

Беда в том была, что мои товарищи по команде больше дурачились, чем играли, да и двигались как варенные оттого, может, что пива насосались... А починкинцы — те вполне серьезно отнеслись к игре.

Я сначала, как дурак, переживал и злился, когда видел, что кто-то в открытую халтурит. Даже не удержался и все высказал перед третьей, решающей партией, хоть и был самый младший среди них. И что в ответ услышал?

— Ты корову боишься проиграть, что ли? Чего ради нам тут выкладываться?

— Но если вышли, надо же играть!

— Вот и давай играй, никто же тебе не мешает. Мы и вообще можем с площадки уйти, чтобы тебе не мешать.

И они заржали хором, как над хорошей шуткой.

— Ты хоть знаешь, против кого мы играем? Думаешь, они все школьники? Да у них это наверняка первая сборная поселка... Ты знаешь такое слово — подставка?

— Знаю! Но раз вышли, все равно должны стараться! Пусть это и сборная мира...

— Тебе больше всех нужно — вот ты и старайся!

И тогда я "включил проектор".

Третью партию проиграли "всухую", и я спокойненько пошел переодеваться. Им плевать на честь нашей школы, и мне тогда — плевать! Главное — спокойствие. Надо сейчас же взять себя в руки и хладнокровно досмотреть это скучное кино. Скорей, скорей назад, в инертное состояние!

— Куда ты, Шапошников?

На Марину Трофимовну жаль было смотреть: вся красная, губы трясутся...

— Юра, а баскетбол?

— Ничего, там и пяти человек хватит.

— А если замена потребуется?

Но я только рукой махнул. В гробу я все это видел! Толпа свистит, издевается... Нашим все до лампочки... Хоть бы кто был за нас, а то ведь и свои против "болеют". Житько с Кушнаревым — так те вообще чуть не уписались от усердия, такие вопли выпускали ядовитые...

Предатели! Боялись, что ли, этих местных? Да нет, с чего бы... Вполне возможно, что они всю эту комедию ломали из-за меня одного, ведь из восьмиклассников только я и был выставлен на посмешище...

В классе, который нам отвели под спальню, никого не было. Только Володька Паткин лежал одетый на койке и читал какую-то книгу в темно-зеленом переплете.

— А... Это ты... — оторвался он на секунду от чтения.

— Да, это всего лишь я. В Багдаде все спокойно?

— Нормально. Правда, заглядывали местные парни, но с мирными целями... Ну как там? Кто победил, наши или немцы?

— Пошел бы ты... сам и посмотрел...

— Страшно хотелось принять душ, но здесь не было даже водопровода — два рукомойника в коридоре у входа и там же бак с питьевой водой. Майка же на мне вся была мокрая, так я выкладывался, идиот. Да и форточек здесь не было ни в одном окне, духота — дышать нечем...

— Что время тратить впустую... — сказал Паткин. — Спорт полезен для тех, кто им непосредственно занимается, а не для зрителей.

Володька из всех моих знакомых — самый серьезный человек. Честное слово, даже серьезнее директора школы.

Вот спросите меня, кем я хочу стать, и я не смогу определенно ответить.

Кем хотел бы стать — это другое дело.

Хочу и хотел бы — вещи разные, согласитесь.

Например, человек хотел бы выучиться на кинорежиссера. Ну, в крайнем случае, на оператора. Но это для него — несбыточная мечта. Отец у человека — прораб на стройке, мать — что-то вроде счетовода в какой-то конторе... — не та семья, одним словом. И способности у человека скромненькие, если они вообще есть. Так что ВГИК ему не светит. Не по Сеньке шапка. Вот человек и говорит не хочу, а ХОТЕЛ БЫ...

А Володька Паткин, это все знают, хочет стать следователем. И он им станет. У этого хватит пороку добиться своего. Он целеустремленный. Даже ответа на пустяковый вопрос он будет добиваться с таким усердием, какого мне хватило бы на то, чтобы выучить всю математику.

— Ну так кто же все-таки выиграл?

— Они, они нас обули! Доволен? Делали с нами что хотели и фамилий не спрашивали!

— Не переживай, — сказал он, снимая очки с такими толстыми стеклами, что за ними и глаз его не видно было — так, темная вода какая-то... — В спорте главное — уметь достойно проигрывать.

Паткин взял полотенце и начал протирать свои окуляры. Без них он, должно быть, ничего не видел, лицо у него стало совершенно слепое.

— Если кто-то выигрывает, значит, кто-то обязательно терпит поражение... Се ля ви!

— Если бы достойно... — возразил я и почувствовал, как в душе сбивается комом что-то тяжелое и тоскливое. — Если бы так... А то ведь никому ничего не надо! Нател! Лупите нас! Как нам повернуться, чтобы вам удобнее было?..

— Тебе надо выйти и проветриться, — усмехнулся Володька. — Что-то ты разгорячился чрезмерно. Не стоит же из-за такой чепухи...

— Если бы это была одна чепуха... А когда их две, три, четыре...

— Четыре чепухи? — перебил меня Паткин. — Это что-то оригинальное...

Господи! Какими же они могут быть занудами, все эти умники и отличники!

— И потом, — сказал я, — чепуха — понятие относительное, согласен?

— Поясни свою мысль, если тебе не трудно...

— Пожалуйста. Вот не подобрали мне кеды моего размера, и пришлось играть босиком... а ноги вымыть негде — это как, чепуха?

— Для кого как... — совсем развеселился Володька.

Уж не знаю, что в моих рассуждениях казалось ему таким забавным. Может, примеры, которые я приводил...

— Вот и я об этом. То, что для тебя — чепуха, для меня — трагедия.

Ботинки мои, вернее, сапоги с короткими голенищами, внутри были влажными еще от того снега, что я в них начерпал, идя со станции. Хорошо хоть мама положила в мою походную сумку несколько пар сухих носков про запас... И хорошо, что в эту поездку я надел старые, разнотенные "мокроступы", которые можно было носить на два носка...

— Ну что, — предложил я Паткину, переобувшись, — составишь мне компанию? Одному скучновато, а тебе тоже не помешает черепок освежить на воздухе...

— Оно бы и неплохо... Да как вещи без присмотра оставлять?

— Попросим девчонок, они приглядят. Да уж небось скоро и вся толпа вернется. Небось и в баскетбол начинки уже нашим накидали, так что... И сторожами мы не нанимались сюда, разве не так?

— Так-то оно так... — помялся немного Володька. — Ладно! Давай пройдемся. Заодно и рекогносцировку местности произведем. Может, пригодится в будущем...

— Что произведем?

— Рекогносцировку. Ну осмотримся, где тут и что. Изучим обстановку, одним словом, — объяснил он просто, без снисходительности. так, что и слово я узнал: и не устыдился лишний раз своей дремучей серости. Хорошо, когда человек вот так умеет объяснять непонятное...

Уже у дверей он остановился:

— Нет, подожди. Все-таки лучше я ее с собой возьму. Библиотечная. нельзя...

Он вернулся к своей койке, взял из-под подушки книгу, расстегнул пальто и запахал ее за пояс брюк.

Я подумал, может, и мне фотоаппарат надежнее будет с собой захватить, но эта мысль была мимолетной и очень вялой. И вообще, честно говоря, какое-то безразличие испытывал я ко всему. Так что, если бы меня и обокрали, сожаления не ощутил бы. И это несмотря на то что "проектор" мой на сей раз был выключен.

— А что за книжка?

— Да это так... специальная... По криминалистике.

— Интересная?

— Полезная, — ответил он и застегнул пальто на все пуговицы. — Вот так-то целее будет.

В коридоре стоял густой запах керосина, и крашеный пол сильно поблескивал. В этой школе зачем-то протирали полы керосином, то ли красоту в этом видели особую, то ли для того, чтобы краска подольше не стиралась с досок... Но дышать было буквально нечем.

Зато на улице начинался снегопад, а в такую погоду и в городе воздух

делается чище. Но из-за тяжелых, низких туч стало как-то слишком быстро темнеть, поэтому, пройдя несколько десятков шагов, мы с Володькой остановились и посоветовались.

— Давай лучше вернемся, — предложил он. — Ну куда мы этой улицей выйдем? К станции? Там ничего интересного нет.

— А в школе и подавно!

— Ну почему... Сейчас уже пацаны все небось начали собираться...

— И тебе интересны эти пацаны? Да ни с кем из них и поговорить-то по-человечески нельзя! О шмотках только, ну еще о дисках — и ведь все!

— Ну почему... — он счистил пальцами снег с очков. — Неглупые ребята есть...

И опять я себя поймал на эгоизме!

Мне-то хорошо: прищурился, и никакая пурга не страшна, а человек что же, должен из-за меня мучиться? Он же стесняется мне сказать, что ему снегом все время заклепывает очки!

Но и назад мне никак не хотелось возвращаться.

— Знаешь что, Володь, — предложил я ему. — Все равно уже скоро ужин, айда в кафе! Там и коллектив подождет, и места получше себе сразу выберем...

— А если нас искать начнут?

— Да кому мы на фиг нужны? И куда в этой дыре можно деться? Ну, в крайнем случае, увидим, что они не идут, — сами пойдем и сдадимся Ларисе Георгиевне. Ну попереживают минут пятнадцать, подумаешь...

Вообще, я вам скажу, с дисциплинированными людьми иногда бывает очень трудно, очень.

Посетителей в кафе было немного, потому, наверное, что рабочий день еще не окончился. Мы сели за шаткий алюминиевый стол в самом укромном уголке, под раскидистым деревцем с бледно-зелеными листьями и виднеющимися сквозь них кое-где красными, мягкими, как бы тряпичными цветами. В голубом ящике, откуда росло это самое деревце, из черной земли пробивались там и тут редкие травинки — в общем, немного воображения, и можно представить, что вы находитесь в зимнем саду.

Помещение все еще было убрано сосновыми ветками, с потолка свисали длинные нитки с навязанными на них комочками ваты, оконные стекла были разрисованы всякой ерундой типа снежинок, звездочек и всего такого прочего — словом, все как в городе...

Неудобно было сидеть просто так, и я спросил Паткина, не желает ли он чего-нибудь попить. Он отказался, а я пошел к буфету посмотреть, за чем это там выстроилась очередь.

Буфетчица, полная женщина в халате, надетом на осеннее пальто, наливала всем желающим из трехлитровых банок жидкость вишневого колера. А что мне будет, что страшного случится от одного стаканчика, подумал я. Да ничего! Я не стал спрашивать, как называется и сколько стоит эта бурда, а буфетчица не спросила, сколько мне лет, и мы остались довольны друг другом.

— Не хочешь попробовать? — спросил я Володьку, вернувшись за стол.

— Нет. Я с этим делом давно завязал.

— Да? А я вот только начинаю.
— Не советую. Алкоголь убивает нейроны, там, в мозгу.
— Это такие частицы? — спросил я и приложился к стакану.
— Это особые нервные клетки, ответственные за мыслительный процесс. От одного глотка спиртного сразу несколько тысяч нейронов — тью-тью! Как подумаешь об этом...

— А ты не думай.
— Как же я могу не думать, если... Нет, мне голова нужна светлая. И ясное сознание.

— Да? Ну а мне оно без надобности... Вряд ли понадобится в жизни. Так что одной тысячей этих самых нейронов больше, одной меньше — без разницы...

— Ты что-то рано крест на себе ставишь.
— А я не ставлю. Просто знаю, что звезды с неба ухватить не удастся так и так... Не достанется мне ничего такого, как бы я ни старался. В науку не собираюсь, пойду, скорее всего, строителем вкалывать...

— А почему ты считаешь, что строителю трезвая голова не нужна?
— Да у меня живой пример перед глазами. Отец мой. Не алкоголик, правда, но живет в свое удовольствие. Всегда в хорошем настроении. Стакан мимо рта не проносит, как моя бабушка говорит. И в работе ему это не мешает...

— Ну как знаешь, конечно... — не стал со мной продолжать спор Володька.

В животе у меня потеплело, и вокруг все стало каким-то иным. Пригляделся к темнеющему на стене натюрморту. Это был громадный натюрморт, наверное, полтора метра на два, а рама будто из рельсов сварена, такая массивная, тяжеловесная даже на вид. Изображены были на этом полотне какие-то странные кругляши, то ли фрукты, то ли овощи, непонятно, потом надрезанный арбуз и рядом почему-то мертвый заяц... а может, кролик... В общем, ушастый такой. И мертвый. Это заяц — пусть будет заяц — так и приковывал к себе мой взор, не мог я от него почему-то глаз отвести, так и взглядывал, хотя все с ним уже было ясно.

— Куда ты все смотришь? — заинтересовался Паткин.

— Да вон... — кивнул я на картину, и он повернул в ту сторону головы, но не знаю, увидел ли что — метров семь от нас до этого шедевра было. И я для верности сказал: — Убили зайчика... Паршиво быть зайцем, да Володь?

— А кем лучше, собакой?

— Ну почему сразу — собакой... Вообще, охотником...

— Охота — это дикарство. Вредный атавизм.

— Вот я и говорю: паршиво быть зайцем! Чтобы всякие дикари стреляли в тебя из ружья... Слушай, Володь! Мне так неудобно! Давно я тебе хоть пива принесу, а? У меня деньги есть, ты не думай...

— Вот еще... Если хочешь знать, пиво хуже всего. От него тупеют сстрашной силой, катастрофически.

— Ну тогда, может, сидро?

— Лучше бы нам здесь не засиживаться. Скоро ведь ужин...

— А-а, боишься за свою репутацию?

— Мне за себя бояться нечего.
— Боишься... А мне вот свою репутацию не жалко. А знаешь почему?
— Шапошников, ты слишком громко говоришь, сбавь тон...
— Потому что у меня ее просто нет! Нету репутации, понял?
— Во-первых, не кричи, а во-вторых, так не может быть. Каждый человек имеет какую-то репутацию. Пусть и подмоченную. Дурная репутация — тоже репутация.

— А я вот репутации не имею, понял? Потому что я — никакой. Ни хороший, ни плохой, ни умный, ни дурак, ни герой, ни трус... У меня даже нет особых примет. Вот ты — будущий следователь. Вот скажи, есть у меня особые приметы?

— Есть, — ответил Паткин. — Ты распускаешь нюни из-за пустяков.
— Нет, я имею в виду внешность. Вот что во мне особенного, заметного? Хоть бы какая бородавочка...

— Ты топчешься вокруг да около там, где нужно просто прийти и взять. Понял? Таких, как она, берут приступом, а не осадой. Ее нужно штурмовать.

— Не надо так о ней! Она хорошая. Постой, постой, — спохватился я. — Ты о ком это?

— О том же, о ком и ты.

Паткин довольно усмехнулся. Вот так же он будет, наверно, усмехаться, расколов опасного преступника. Ему приятно видеть человека насквозь...

— О ней, о ней... — сказал он уверенно. — Можешь не сомневаться. У меня, конечно, зрение не фонтан, только твое щенячье поведение и слепой от рождения заметил бы.

Я помолчал, прокручивая перед мысленным взором весь нынешний день. Мало у меня в жизни было таких паршивых дней.

— Сегодня же набью ему морду! — решил я. — Прямо перед ужином, для аппетита. У тебя на глазах, хочешь? И у нее на глазах! Пусть полюбуется...

— Не кипятись так, не надо.

— Он, знаешь, кодлу уже ко мне подсылал, тварь... И это из-за него, гада, дурак этот Верников, лось безрогий, Горшку нос поломал...

— Тише, тише... — все больше беспокоился Паткин.

Только зря он волновался. Я себя чувствовал прекрасно и контроля над собой не утратил. А вот чувствовать все начал гораздо сильнее, острее. Мысли же работали четко.

— Ты не смотри, что я такой невзрачный... — подмигнул я Паткину.

— Это только с виду...

— С чего это ты взял, что ты невзрачный?

— Спорим, я сейчас вот этот самый стакан одной рукой раздавлю?

Силу я в руках и во всем теле чуял богатырскую, страшную!

— Спорим?

И я сам вполне серьезно верил, что и в самом деле смогу раздавить в кулаке стакан.

— Пойдем лучше отсюда, Шапошников. Покутили, и хватит...

— Зачем? — удивился я. — Смотри, как здесь хорошо! Ну если тебе не нравится, вообще... Я тебя не держу! Ауфвидерзейн! Я и один... Мне

и одному неплохо. Тут дерево, снежинки вон какие красивые... А ты можешь быть сво-бо-ден.

Однако он не ушел, не бросил меня. И когда я вернулся из похода с буфету с новым стаканом "клопомора", бутылкой лимонада и двумя ватрушками, Володька сидел и ждал меня за столом.

Лимонад в стакане пенился и шипел.

— Смотри, — сказал я Паткину, — он как будто сердится, что его сейчас выпьют... Слушай, а ты мог бы из-за девчонки подраться?

— Ты имеешь в виду Бабкину? Из-за нее, пожалуй, не стал бы. Не заслуживает...

— Нет, я хочу сказать — вообще...

— И вообще, наверное, не стал бы. Любовные вопросы таким образом не решаются...

— Точно! И я так думаю! В крайнем случае, на дуэли стреляться... Там и погибнуть не позорно. Одно дело — получить пулю в сердце, и совсем другое — получить по морде каблуком. На дуэли ты либо отомстишь за свою честь, либо умрешь с чистой совестью. А тут... Жить останешься, а что толку? Мало того что опозоренный, так еще и с набитой физиономией. Я, Володь, вообще себя чувствую человеком прошлого века. Дуэль! Только дуэль!

— Все это чушь. Тем более что сейчас нет таких девчонок, за которых можно выйти на дуэль.

— Есть, Володька, есть!

— Это Бабкина, что ли?

— А почему ты ухмыляешься? Что ты имеешь против нее?

— Да уж как-нибудь я ее получше знаю, чем некоторые из присутствующих. Все-таки в одном классе учимся.

— И я знаю... Ну ладно! Хватит об этом! Ты умный, все правильно. А я тоже кое-что знаю, чего никто не знает, кроме меня. А Валя — она хорошая! И все!

— Конечно, конечно, хорошая... Только не надо так громко об этом.

— И вообще все хорошие! Просто надо уметь это разглядеть! Оди ты всех считаешь ворами, даже вон за книжонку трясешься, на которую никто и не позарится...

— Все, все хорошие... И ты уже хорош, лучше некуда.

— Нет, отдельные скоты, конечно, есть... — вспомнил я. — Но ведь погоду не они делают, правда? Хороших людей больше! Просто они стесняются быть такими, какие они есть на самом деле. Бояться, что их сочтут дураками...

Тут к нам подошла какая-то тетечка и тихим голосом предложила прогуляться. Я ей сказал, что она все равно хорошая, и Паткин вывел меня из кафе.

На улице было замечательно. Снегопад не прекращался, тихо было темно уже совсем и почему-то совершенно безлюдно.

— Володь, а куда люди-то подевались?

— А зачем они тебе?

— Я им хочу сказать, что они хорошие... О! Смотри, старушка! Бабуля бабуля, стой! Володь... А чего это она от нас так шарахнулась?

— Слушай, ты, гуманист! Ты кончай эти свои штучки!

— Не надо, Володя, меня не обманешь. Ты тоже хороший парень. Ты зря передо мной притворяешься. Ты хочешь стать вовсе не следователем, я знаю... Ты мечтаешь стать воспитательницей в детском садике...

Из школьного вестибюля мы прошли каким-то коридорчиком налево, там была маленькая каморка. Паткин усадил меня на лавку, велел ждать и куда-то исчез. В заточении я не мог выдержать больше пяти минут. Здесь, наверное, уборщицы хранили свои причиндалы, потому что швабры стояли, ведра, веники и пахло удушливо от мокрых половых тряпок. Меня от этого запаха слегка замутило, и я, нарушив запрет Паткина, выбрался на волю. Я вышел во двор и, чтобы взбодриться, поел немного снега. Он был чистый, влажный и липкий — в самый раз лепить бабу. Решил я скатать хотя бы небольшой шар, но стоило мне нагнуться, какая-то сила потащила меня к земле, еле удержался я на ногах.

С трудом сохраняя равновесие, вернулся я в каморку и прилег там на лавку. Вскоре я услышал, как ребята проследовали на ужин. А где же Володька, почему его нет? Невмоготу было уже от сырого тряпочного духа, и лавка слишком узкая и жесткая... И какого черта я обязан здесь торчать!

Держаться ближе к стене! Гениальная идея! Прекрасная, прочная стена, вверху беленая, внизу выкрашенная синей масляной краской... Ее хоть не вымазали керосином? Ну и порядки в этом Починкине...

Одна из дверей, выходивших в коридор, открылась, и из нее вдруг шагнула мне навстречу... сама Лариса Георгиевна, руководитель делегации, наш организатор внеклассной работы...

— Шапошников! А ты почему не вместе со всеми?

— Лариса Георгиевна! — я вытянул вперед руку и сделал попытку оттолкнуться от стены. — Лариса Георгиевна, вы же хороший человек!

Тут неожиданно коридор начал вести себя, как последний гад: накренился вправо, потом влево...

"Как на корабле..." — успел подумать я, и тут же коричневый, натертый керосином пол вздыбился, встал вертикально, и я, двигаясь по инерции вперед, шандарахнулся об него прямо лбом.

Внутри пекло, а снаружи я был весь покрыт гусиной кожей. Из одежды на мне оставались только плавки. Когда же я успел раздеться? Хоть убей не помню... Да и не хочется вспоминать, все равно не смогу вспомнить и ничего не могу, плохо мне, во рту противно и на сердце тягостно... Чей же это свитер? А, ладно, какая разница, пойдет на первое время... Я натянул на голое тело грубошерстный, колючий свитер, и сразу же стало теплее. Постойте, где же все-таки моя-то одежда... Ага, вот брюки...

Я спустил ноги с койки и почувствовал, что подошвы мои прикоснулись к мокрому. Что это, и полы здесь мыли, а я ничего не слышал? Нет, лишь около моей койки помыто... Господи, что же здесь было? Ну и пойлом угостили меня в этих подшефных... в этом подшефном... как же его!.. ах да — в Починкине! Нет, больше меня сюда и калачом не заманят...

Так, ботинки... теперь надо отыскать воду... где тут у них вода? Точно помню, что бак должен быть, ведь нам все показывали, надо же, вылезть из головы... Из моей бедной, больной, глупой головы... Сколько сейчас времени? И где товарищи мои?

С одеялом на плечах я пошел к двери. Она была полуоткрыта, и оттуда в спальню проникал тусклый свет, и слышалось отдаленное бренчание гитар, пение...

Надо идти туда, где все... Нельзя отрываться от коллектива. Но сперва попить... А бак... Он у входа! Точно, точно...

Однако вода мне не понравилась. Видно, давно ее не меняли, какой-то железистый вкус и затхлость... Ну, тогда во двор... Снег все идет, мягкий, густой, пушистый, сладкий, как мороженое, нет, еще слаще, приятнее... Ешь досыта! Бесплатно! Свежайший, только что с неба!..

А еще хорошо слепить большой, гладкий, круглый снежок, туго слепить, чтобы он долго-долго не таял, слепить и прикладывать его к вискам, ко лбу, к затылку...

Левой рукой придерживая у груди одеяло, а правой — прижимая к голове ледяной колобок, я побрел туда, откуда доносились звуки веселья...

В спальне у девочек давали маленький концерт наши барды. Янов, Плужников и Золин играли на гитарах, а Мельниченко был за ударника — отбивал ритм двумя старыми вениками по жестяному банному тазу. Исполняли они одну из популярных в нашей школе нескладушек:

— Мне хорошо идти с тобою!
Все искры гаснут на пету!
Мы не сторонники разбоя!
Кричали грузчики в порту!
Па-раб-джиб-джиб-джю-джа-а-а!..

Дверные петли скрипнули, и все, кто находился в спальне, повернули головы ко мне. Но смотрели с каким-то недоумением, и никто не захотел встретиться со мной глазами. Только Петракова спрыгнула с подоконника и подошла ко мне.

— Шапкин! Ты живой? Как ты себя чувствуешь, алкоголик?

— Отлично!

Я бросил на пол снежок, утаивший до размеров крупной градины, и вытер влажную руку о казенное одеяло.

— А где же все остальные наши? Учителя где?

— Ой, да они в Дом культуры пошли, на дискотеку...

— А вы... что же?..

— А! Здесь интереснее... Но ты-то, Шапкин! Ну ты даешь! — восклицала она приглушенным голосом. — Паткин тебя как дите малое на койку нес, а ты еще его, бедного, по уху съездил. Как же тебя угораздило?

— Для тебя же и старался. Сама ведь говорила, что любишь только пьяниц и курильщиков. Так что пойдем покурим...

— Да я не хочу...

— Ну пойдем все равно отсюда. Мне не нравится, как они на меня смотрят. Как будто я им чего-то должен...

— А катапулечка твоя с Кушнаревым сейчас на дискотеке, — злорадно сообщила мне Надька уже в коридоре. — Рассекает там...

— Что же здесь плохого? Пользуется успехом девушка... Мне это даже приятно. Значит, стоит она моего выбора... Что же, в ту влюбляться, которая никому не нужна, что ли? По-моему, все идет нормально...

— Просто ты тряпка! Понял, Шапкин?

Спорить было бы глупо, и я согласился:

— Да, я тряпка. Выжатая тряпка. Протерли мною пол, а потом скрутили жгутом...

— Если хочешь знать, пол я за тобой мыла. Остальные все даже зайти в класс побрезговали... После того, как тебе стало совсем плохо...

— Так это ты, значит, моя добрая фея...

— Да вот, представь себе!

— Как же мне тебя благодарить, даже и не придумаю...

— А ты меня поцелуй, Шапкин...

— Ну конечно, конечно... Ты заслужила эту высокую награду... И тебе не будет противно?

— И ни капельки...

— Нет, Петракова... Ничего у нас с тобой не получится. Я и не умею этого... Мальчик еще не целованный... И потом, ты ведь знаешь, я другую люблю. Хорошо знаешь. Где же твоя девичья гордость, Петракова? Ну неужели совсем у тебя нет самолюбия, нельзя же так, Надька...

Вдруг из ее круглых глаз по круглым щекам полились слезы.

— Ты и в самом деле дурак, Шапкин, — сказала она дрожащим голосом. — С тобой и пошутить нельзя... Шутки не понимаешь... Я пошутила, ясно тебе? Так что можешь не строить из себя...

— А чего это ты заревела? Ты брось, Надька, не реви!

— Мне просто... — всхлипнула она, — просто жалко тебя, дурака... Вот что теперь тебе будет, об этом ты думаешь? Тебя же возьмут и выключат из школы...

— А!.. Мне все равно. Что будет, то и будет...

— Какой же ты дурак! Тебе все равно, а о других ты подумал? А какое на классе нашем пятно останется...

Она достала платок, вытерла лицо и, отвернувшись, высморкалась.

— Ну прочла нотацию? Выполнила свой общественный долг? Все, можешь быть свободна. Иди, слушай дальше дурацкие песенки, развлекайся!

Она потопталась на месте и предложила:

— Хочешь, я тебе яблоко моченое принесу? У нас папа любит, когда... когда болеет...

— Моченое, говоришь... Ну давай, я подожду...

Сейчас она принесет яблоко и я его съем, а потом... Не могу и не хочу думать, что потом... Как говорится, я уже сделал все, что мог, что от меня зависело... А от того, что надвигается, так или иначе никуда не денешься.

Скорее! Скорее пересечь это болото! страшное болото с ядовитыми испарениями... Этот пар, этот дым, эти газы... Они скребут, разъедают мою гортань... Тебе хорошо, Макумба, ты привык, это твоя страна, твой

климат, твое болото... Зачем же мы в него залезли, почему выбрали этот путь? Ах, да! Нужно замести следы... Ведь за нами гонятся с собаками, надо их сбить с толку! Эти страшные немецкие овчарки, они натасканы охотиться за людьми... Огромные псы, черные спины, крокодильи зубы... Что лучше, собачья пасть или пасть аллигатора? Или — что хуже? Вот тебе и Африка! Кто бы мог подумать! Оказывается, теперь все это происходит здесь: война, плен, лагерь, колючая проволока под напряжением, часовые, конвой... Погоди, Макумба! Я не могу так быстро, ведь у меня связаны веревкой ноги и к тому же я по самое горло ухнул в горячую трясику... Макумба! Прогони! Прогони! Вон, вон! Вон там появилась морда!.. Макумба! Где твое копье? Подай мне его, я возьмусь за конец, и ты меня вытянешь... Я же могу свариться заживо... Должно быть, здесь бьют невидимые горячие гейзеры... Трудно, трудно дышать... Поднимается болотная жижа... Нет, это я... я погружаюсь в нее все ниже, глубже... Макумба! Друг!.. Уже ряска щекочет мой подбородок, я изо всех сил вытягиваю шею, запрокидываю голову... Да что же это! Макумба! Макум... М-ма!.. Ммм...

— Я здесь, Юрик, здесь... Чего ты хочешь, попить? Или что? Ну скажи... Давай-ка я тебе лицо оботру... Вот так, так... И шею... Ну-ка, градусник теперь поставим... Господи, где же ты умудрился так простыть! Горе мое... На вот, выпей это... Теперь переоденемся в сухое... Дай-ка я одеяло подоткну... Ну, горло как? Не отпускает? Хотя бы одно сырое яйцо сможешь проглотить? Но ведь что-то же надо! Иначе ты совсем ослабнешь! Позвонил, Алексей? Значит, в десять, а раньше никак? Ну, ничего не подлаешь, придется... Я там заварила липовый цвет, принеси... Юра, ну ведь надо же! Нужны силы, чтобы организм боролся! Ну будь умницей... Вот, вот... Вот так-то оно лучше. Свет мешает? Алексей, выключи! Хорошо бы ты уснул покрепче, сон лучшее лекарство...

Лекарство, лекарство... Меня уже тошнит от лекарств, у меня от них шумит в ушах, печет в груди, ноет под бровями, саднит носоглотка, у меня обмякли мышцы, и я не могу шевельнуть ни ногой, ни рукой... Сколько же можно меня мучить... Эта настольная лампа... Они специально так ее направляют, чтобы свет бил прямо в глаза... Это их излюбленный прием... Не трогайте мои глаза, пожалуйста, не трогайте! Зачем их выжигать! Лучше завяжите, я всю жизнь буду носить повязку, честное слово, только не надо... Какие тяжелые у меня руки... Не могу поднять, не могу заслониться, прикрыть глаза от режущего луча прожектора... Он упорно бьет прямо в лицо, и нет сил отползти в сторону и скатиться на дно канавы, спрятаться в ней, зарыться в опавшие сухие листья... там никто не найдет... Правда, еще этот кашель, не могу его сдержать! Он, конечно, меня выдаст, его слышно за сто километров! Что же делать, если он обжигает мне грудь изнутри, будто я вдыхаю раскаленную пыль, мельчайший песок пустыни, смешанный с колючками и едкой солью... И глаза мне засыпало этим песком, и нечем их промыть... А мне еще ох как долго идти, а ноги опять увязли по колено в бархане, и шагу не могу я шагнуть, а надо, я помню, что надо, и никто не поможет, я здесь один, один, один... Хорошо, что теперь ночь, а днем... днем будет

конец... Белое солнце... и нужно зарываться в песок, ящерица так спасается, чтобы не испечься и чтобы ее не поймали, чтобы не схватили за хвост, не накинули на шею аркан... Нельзя жить с арканом на шее! Кто же это подкрался сзади и набросил его на меня? Кому нужно, чтобы я не мог дышать, глотать?.. Подсунуть пальцы под волосяную петлю, растянуть ее, освободить горло, разорвать путы... Но нет! И руки успели связать... Остается лишь звать на помощь... Эй! Эй!.. Э-э-эй...

В общем, зимние каникулы у меня получились — хоть куда!

Неделя компрессов, припарок, горчичников, банок, ингаляций... Неделя микстур, таблеток, порошков, капель, травяных настоев, которые вылечили меня от ангины и бронхита...

Если бы они хоть на время могли залечить мою непроходимую глупость! Наоборот, мозги мои от лекарств еще больше, наверное, размякли.

Ну зачем я туда поперся! Что хотел ей доказать, приковыляв на полусогнутых к ней домой, пошатываясь от легкого ветерка и от слабости?

Чем думал удивить, забравшись на четвертый этаж с отдыхом на каждой ступеньке и с короткими привалами на площадках между лестничными маршами.

Зачем? Затем, чтобы показать, будто не стыжусь своего позора, пережитого там, в Починкине, и который мне еще предстоит пережить в школе?

Или дать ей понять, что я не отступаю от своих намерений? Что не такой я человек?

А от каких, кстати, намерений? Что мне нужно от нее?

Что мне от тебя нужно, Валя?

Да ровным счетом ничего... Извини, Валя, ты по-своему хорошая девочка, но ведь ты — не обижайся только — ведь ты... кукла. Говорящая кукла. И внешность у тебя кукольная, и все остальное, вообще — все...

Кто я — это особый разговор. Я себе цену знаю, она не выше твоей, но я — живой, и поэтому еще мог бы стать человеком, но ты, Валя... Ты мне в этом не подмога.

Ты могла бы для меня быть лишь вот чем: вообрази, что я стою или прогуливаюсь на проспекте с приятелями; мы болтаем о всякой чепухе; проходит мимо симпатная девчонка, и мы с ней слегка киваем друг другу. "Кто это?" — спрашивает один приятель, например Топтыгин, с трудом отрывая от тебя глаза. И я небрежно бросаю: "Это... одна моя подружка..."

Или ты выходишь после уроков из школы, где я уже не учусь, и я подкатываю на блестящем красном мотоцикле, а ты на глазах у всех садишься в седло за моей спиной и обнимаешь меня за плечи, прижимаешься плотней, и я даю бешеного газу, так что машина встает на дыбы, и мы уносимся вдаль...

Вот и все.

Да, я лицемер. Конечно, я притворяшка. Я нелюдимый тип, мне нравится жить самому по себе.

Если честно, я выбрал одиночное плавание из-за того... Да, из-за того, что не хочу — а не хочу, потому что не могу — быть флагманом... Одиночество мне не страшно, если судно хорошо вооружено, ему ничего не составляет раздолбать в пух и прах даже эскадру. Здесь многое зависит от маневра...

Если тебе этот пример, с кораблями, непонятен, то вот другой: я — ворона, которая не желает прибиваться к стае. Однако я вынужден балансировать: хочется всегда и во всем оставаться самим собой, но при этом не казаться белой вороной, вот в чем дело... БЕЛОЙ вороной быть не согласен. На это у меня сил не хватит. А вот ЧЕРНОЙ вороной с твоей помощью мне легче было бы стать... Но, видно не судьба.

Нет, конечно, не сказал бы я тебе всего этого, Валя. Не знаю даже, с чего бы я начал, если б ты открыла дверь пошире, чем на ладонь, если б не отказалась разговаривать со мной, если б не обозвала меня визгливо и грубо таким словом, которое никогда не ожидал я от тебя услышать, если б не пригрозила позвать на помощь папу, а завтра пожаловаться директору школы, а на что, Валя, на что?.. Ведь я не успел тебя ничем обидеть... Ничем...

...Лицо его наполовину прикрывала какая-то блямба, похожая на ре-спиратор. Он быстро подошел ко мне вплотную, узнать его я не успел, а только подумал, что же это за идиот решил так со мной пошутить или напугать... Пожалуй, последнее ему удалось, как-никак уже стемнело, и он так неожиданно вывернулся из-за угла, едва я оказался в своем дворе...

— Здорово, Юрец!

Он слегка гундосил, вокруг глаз чернели круги, но уж вблизи-то я разглядел, кто это такой.

— Горшок... Привет! Как ты здесь очутился?

— А я прямо от тебя. Прихожу, а твоя мамаша говорит, что сама только с работы вернулась, а тебя и след простыл. Беспокоится, не знает, что и думать...

— Да я чуть-чуть не рассчитал со временем, думал раньше успею... Ну, ладно, ты-то как вообще?

— Да ништяк, могло быть и хуже... Слышь, Юрец! Ты мне нужен — во как! Слышь, будь другом, отнеси это Ритке...

И он протянул мне огромный конус, держа его за вершину.

— Что это? — я против Горшка никогда ничего не имел, но...

— Да тут... Цветочки... Отнеси, а? Не в службу, а в дружбу... Пока они не замерзли.

— Цветы?

У меня и без того ноги подкашивались, а здесь я и вообще едва в сугроб не сел. Горшок с цветами! Ну и ну...

— Да... Понимаешь, я только-только с аэропорта... А это мы там перед отлетом купили.

— А где ты был?

— Где, где... В Москве, ты не слышал, что ли? Шнобель поправлять

мне ездили с матерью вдвоем... Чего, думаю, ждать, пока они завянут.

— Тебе делали операцию?

— Ну! Все нормалек. Лучше прежнего стал! — он осторожно тронул свою повязку. — Теперь до следующего раза... Ну что, отнесешь?

И только тут до меня окончательно дошло, о чем меня просит Горшок. Все-таки еще туговато я соображал. От таблеток, должно быть. Я же их целый килограмм проглотил.

Что же ему ответить... Что ответить...

— Ты не обижайся, Вить... Мне надо скорей домой. Иначе мама с ума сойдет, всесоюзный розыск объявит... Ты же сам сказал, что она волнуется.

— Да ладно тебе! Это же быстро, мы разговариваем — и то дольше... Или давай так, ты ступай к Завьяловой, а я пойду твоих предупредить, что все в порядке и ты сейчас вернешься!

— Нет, я не могу. Я ведь сам болею и вообще... А почему ты сам не хочешь? Что это ты вдруг стал таким стеснительным?

— Ты что! Куда же мне с такой рожей!

Он приблизил ко мне лицо.

— Смотри...

Видок у него и правда был жутковатый.

— Отнеси, Юрец, а? Вы с ней все-таки соседи...

— Да я и не был-то у нее никогда!

— Ну, все равно...

— Нет, — сказал я как мог твердо. — Сводней быть не согласен.

Хочешь — обижайся...

— Да брось ты, какой сводней! Отдал букет — и до свидания! Даже говорить не надо, от кого. Мол, один человек просил передать... Всего и делов-то! Я бы и сам, но ты же видишь... пугать ее неохота.

— А может, ее и дома еще нет...

— Да дома она, дома... Я ей сейчас звонил...

— Значит, она тебе и телефон дала...

— Через девчонок узнал... Шапкин, я тебя как друга прошу!

Ну, что ж... Никуда не денешься, придется, видно, и через это пройти...

— Давай, — принял я у Горшка из рук здоровенный газетный куль.

Ладно уж, так и быть... Человек все-таки за любовь пострадал... — Ни-че-го себе! Сколько же ты за них отдал?

— Да, ерунда... Магазиновые... Ну я тебя здесь подожду?

— Как хочешь...

— Да уж я подожду. Ты ведь быстро?

— Пулей...

Вот так. Еще и отчет придется давать о проделанной работе.

У самой двери я раскутал цветы — это были гвоздики — и запихал газету в карман, кое-как ее скомкав. Прикоснулся к кнопке звонка, за дверью что-то коротко пискнуло — и только. Подождав с полминуты, я снова позвонил, на этот раз более продолжительно, и услышал теперь полноценную трель электронного "соловья" и приготовил себя к просмотру стандартных кадров, знакомых по сотням фильмов: героиня

появляется на пороге, крупным планом цветы, крупным планом фальшиво изумленное лицо: "Ах! Какая прелесть! Неужели это все мне?.." Тебе, тебе! Кому же еще...

Сердце колотится, как будто на тридцатый этаж поднялся, а не на третий... Это от того, что я все еще болен... Да, только от этого.

Итак: звонок, дверь крупным планом... легкие шаги...

— Юра...

Она застыла на месте и молча глядела на меня, должно быть, полчаса. Я выставил вперед гвоздики, но она и глазом на них не повела.

"Да, Рита... Вот пришел... Сам не ожидал, что такое может быть... Но вот, бывает..."

— Здравствуй...

— Добрый вечер! — как бы очнувшись она и рассмеялась, тряхнув распушенными по плечам волосами. — Прости, это я... от неожиданности немного остолбенела... Входи!

Она распахнула дверь и чуть отступила в сторону, освобождая мне дорогу.

— Ну входи же...

В школу она всегда надевала форму, и я никогда ее в другой одежде не видел, и теперь, в зеленых чувяках с загнутыми вверх носами, в зеленых шароварчиках и белой маечке с изображенным на груди апельсином она была... Она казалась мне...

"Так ты еще и вот такая, Рита... Извини, что бессовестно глазею, но... Ведь ты — шамаханская царица! Настоящая! Как та девица из сказки, что вся сияла как заря..."

— Нучто же ты! — она переступила порог, взяла меня за руку и с силой потянула. — Не стесняйся!

— Нет, нет! Я на секунду! Только вот это... — начал я упираться и совать ей букет. — И меня ждут во дворе...

— Ничего, ничего! Заходи, не бойся, одна я сегодня дома, сама себе хозяйка... И у-ми-раю от скуки!

Она пропускала мимо ушей все, что я ей пытался говорить, и сопротивляясь я долго не мог по своей слабости, которая пришла на смену кошмарам последних дней и ночей...

— Во-от молодец, давно бы так... — взяла наконец-то она цветы и защелкнула оба замка. — Ага! Попался! Теперь ты мой пленник! Пальто — сюда... Нет, нет, разуваться не нужно...

Она смотрела чуть исподлобья и улыбалась — есть у нее такая черта.

— Ты пришел... Надо же, ты — пришел...

"Я понимаю тебя, Рита... Сам себе удивляюсь, честное слово. Ведь с самого начала, как ты появилась в нашем классе, твердо решил: никогда к ней не подойду, никогда не заговорю первым, никто не сможет даже за спиной у меня шушукать, что вот, мол, и этот туда же, и этот набивается к ней в свиту... Как видишь, это мне неплохо удавалось до нынешнего дня... Но и то, что сейчас происходит, — это ведь в первый и последний раз, да, в первый и последний, можешь не сомневаться, и не по своей воле я здесь, и сейчас я открою тебе это, вот сейчас и скажу..."

— Надо же... Ну, проходи вот сюда и располагайся, где тебе удобней.

а я пойду поищу, во что их поставить... Проходи, проходи! — она легонько подтолкнула меня к двери в комнату, которая, как я понял, принадлежала ей, а сама скрылась, кажется, на кухню, зазвенела там посудой...

Я украдкой вернулся к вешалке и все же снял сапоги. Там, куда мне предстояло сейчас войти, лежал на полу ковер, какой у моих родителей в спальне висит на стене... Заодно быстро причесался перед большим зеркалом.

— Ну что же ты здесь топчешься! — сказала Рита, появляясь в прихожей с цветами, теперь уже поставленными в большую стеклянную банку. — Сбежать хотел? Не получится!

Она так же, как давеча, взяла меня за руку и повела за собой, и я уже не сопротивлялся ее приветливой силе.

— Вот здесь я живу... Хотя правильнее было бы сказать — доживаю. Знаешь, ведь мы переезжаем...

"Знаю, конечно, знаю, Рита. Еще три-четыре месяца, и... Скорее бы настал этот день!"

— Будешь по мне скучать? — обернула она лукавое лицо, обеими руками устанавливая банку с колеблющимися на длинных стеблях гвоздиками посреди письменного стола. — Пусть будет так, ладно? Видишь ли, маман уже начала постепенно упаковываться и в первую очередь, конечно, упрятала все вазы... Ну, так будешь скучать?

"Буду ли... Да я уже сейчас тоскую по тебе... Для меня и теперь тебя уже нет. Мне легче так... Поймешь ли ты меня? Пожалуй, поймешь, если я все это тебе скажу. Но ведь нет, никогда, никогда не скажу... Ни тебе, ни кому-либо другому. Кто у меня лучший друг, Сережа Курилов? И Сережа не скажу..."

— Что молчишь?

— И без меня найдется достаточно сучальщиков... Хватит на твою долю страдателей. Я не из их числа...

"Нет, Рита, нет... Даже намека я тебе не дам, даже махонького намека... Что же, пустить все насмарку? Всю мою игру талантливую, изощренную, которой я хотел принести в жертву Бабкину, — слава богу, что не получилось! — притворство, которое даже ясновидящая Петракова не разоблачила, не сумела раскусить? Нет, моя тайна умрет вместе со мной..."

— Грубить хозяйке! Воспитанные люди так себя не ведут... Однако и хозяйка хороша, до сих пор гостя не посадила! Где же тебе будет удобнее... Да, пожалуй, вот здесь.

Снова, как маленького, за руку, она подвела меня к тахте, покрытой клетчатым пледом, и шутливо, но сильно толкнула на нее. Я так и плюхнулся, растянулся поперек этого персидского изобретения, угодив локтем в маленькую думку, на которой была пестро вышита не то жар-птица, не то колибри в масштабе тысяча к одному. Ноги-то у меня буквально подкашивались от усталости...

— Во-от, — приняла мое падение как нечто естественное.

— Во-от, сию минуту и угощение будет... Ты что предпочитаешь, чай или кофе? Ну выбирай!

"Чай, кофе... Да из твоих рук я бы с благодарностью принял даже починкинское пойло, от которого потом чуть не умер..."

— Не надо ничего, Рита, спасибо... Мне уже правда нужно идти, я ведь только...

— Нет, нет, нет! — она положила руки мне на плечи, не давая подняться. — Я же сказала: ты — мой пленник! Значит, что? Значит, подчиняйся!

"Подержи свои руки подольше вот так, Рита, пожалуйста... Да, сердце мое от этого замерло, и я боюсь, что может оно и совсем остановиться... но пожалуйста, пожалуйста..."

— Ты извини, Рита... Не нравится мне это слово — пленник. От плена и до рабства рукой подать...

— А-а! Не хочешь быть рабом? — она тряхнула головой, и волосы ее чуть не задела меня по лицу.

Впервые так близко я их увидел. В школу она приходит гладко причесанная и на затылке такой узелок закручивает, как балерина. А тут — свободны, только схвачены округ головы золотистой тесемкой, чтобы не лезли в глаза...

— Не хочу.

— Даже моим? — сверкнула черными, опасными глазами капризная шамаханская царица, из-за которой брат может убить брата, и отец забудет, кто виновница смерти, едва увидит ее...

Все есть у Пушкина, все. И то, что было, и что будет...

— А разве ты любишь рабов?

Она не ответила и отошла к противоположной стене, где рядком стояли пианино и стереоустановка, шикарная техника, не наша, кажется. Порылась в пластинках.

— Что тебе поставить, чтобы ты не скучал? Ты как, любишь негр-тянских певиц?

— А Зыкина у тебя есть?

— Кто?

— Людмила Зыкина...

— А кто это?

— Ну это наша, белая певица.

— Не-ет... — растерялась Рита. — Такой нету...

— Тогда ничего не нужно. Я только Зыкину и слушаю.

— Хорошо, тогда вот тебе... — она взяла из книжного шкафа несколько больших альбомов. — Посмотри пока живопись, а я мигом Советую начать с импрессионистов...

И она выбежала на цыпочках из комнаты.

"Так вот где ты живешь, Рита... Или, как ты сказала, доживаешь? Не говори так больше никогда о себе! Доживают дряхлые старики, это не твое слово — доживаю... Ты — живи! Ходи, дыши, разговаривай, смейся... От этого многим делается хорошо, от того, что ты живешь. У людей в жизни смысл появляется... Ведь ты не задавака, хоть и красивая, очень красивая, по-настоящему красивая... Ты простая, добрая, веселая, юморная девчонка — я таких никогда не встречал за всю свою жизнь, вряд ли встречу... Да точно — не встречу! Нет больше таких. Вот все"

очаровываются тобой, а ты никого не отталкиваешь, всем, даже тем, кто и ногтя твоего не стоит, все равно даешь какую-то надежду, и это очень правильно, хоть и делаешь ты это бессознательно. Ведь любовь придает смысл и самой серой, ни на что не годной жизни, так что все верно, все правильно... Живи, Рита, слушай музыку, рисуй, ходи в музеи, читай стихи и вообще умные, полезные книги — может, кто-то научится тоже так жить, глядя на тебя, и станет на тебя похожим, станет чуточку лучше, чем был до того, как узнал тебя... Что ты читаешь, Рита, можно я посмотрю? Что должен прочесть человек, чтобы мог он с тобой разговаривать и не было тебе с ним скучно? Ремарк, Мопассан, Александр Грин... Бунин, Цветаева... И "Декамерон" у тебя есть? Читали, читали, как же... "Королева Марго"? Больше всего у Дюма я люблю этот роман... А рядом что? Михаил Булгаков... Ну-ка, ну-ка... Правильно, "Мастер и Маргарита", еще бы тебе не иметь этой книжки, ты ведь сама — Маргарита... Говорят, страшно интересная вещь, вот только жаль, нигде не достать... Я слышал, в Москве и других больших городах ее продают за бешеные деньги на черном рынке, ну что поделаешь, у нас такого нет... Но я найду, обязательно отыщу, во что бы то ни стало! Надо будет, и в Москву поеду, подумаешь, ночь в поезде..."

— А вот и чай! — вошла Рита с разрисованным алыми цветами черным подносыком. — Растворимый кофе у нас, оказывается, кончился, а обыкновенный я варить не умею... Ничего, что чай?

— Мне идти надо, правда, Рита...

— Ну вот, попьешь чаю, и тогда я тебя отпущу. Что же я, зря старалась?

Она поставила поднос на журнальный столик, придвинутый к тахте, потом выбежала из комнаты и тут же вернулась, осторожно ступая с носка на пятку, прижимая к животу полную пригоршню конфет. Высыпала их на столик, взяла чашку и уселась напротив меня на ковер, поджав ноги, как все шамаханские царицы и делают. И еще ей так, должно быть, удобнее смотреть исподлобья и улыбаться краешками губ...

— А ты очень похудел за каникулы, — заметила Рита. — У тебя сейчас прямо какое-то аскетическое выражение... Но тебе идет.

"Говори, говори еще, Рита... Хоть что-нибудь говори, мне голос твой запомнить нужно, чтобы в себе его держать долго-долго, вот этот голос, я прежде и не слышал его, в школе он совсем другой..."

— А почему бы тебе не зачесывать волосы вот так... Ой, ты знаешь, так тебе гораздо больше к лицу!.. Хочешь, я зеркало принесу?

— Нет, нет, не нужно...

"И еще это прикосновение запомнить... Эту теплую, сухую ладонь, узкую и нежную... Запомнить, потому что больше ты никогда не дотронешься до меня, не погладишь по голове..."

— Нравится тебе чай?

— Лучше не бывает...

— Ну, слава богу! Один комплимент удалось выудить.

— Ты любишь, чтобы тебя хвалили?

— А ты разве нет?

— А за что меня можно было бы похвалить, милая Рита... Я ведь знаю себя, вижу сам — не за что. Может быть, это моя беда, но я выучился смотреть на себя со стороны и отказаться от этого уже не в силах... Это — счастье, вот так сидеть с тобой, только с тобой, пить чай, просто беседовать, видеть тебя, лицо твое, волосы твои сказочные, тяжелые каштановые, золотую тесьму, что их стягивает, этот веселый оранжевый апельсин у тебя на майке, на который и глядеть-то неловко, и в то же время глаза трудно отвести... Дышать воздухом этой комнаты — счастье... Но я не заслуживаю, не имею права... Не заслужил я и глоток вот этого остывшего чая и не имею права, как Горшок, подарить тебе цветы... если бы я хоть что-то мог тебе дать! Если бы меня хоть покалечили из-за тебя! Но я сбежал в окно... А не смылся бы тогда, приняв все, что мне грозило, — не от Горшка, от себя принес бы... не гвоздики Рита, не казенные гвоздики... Но и только. Когда я понял, что... люблю тебя... я тут же понял, что никогда не посмею в этом тебе признаться. Потому что заранее известно, что я — не тот, кто тебе нужен, а раз так... Понимаешь, мне легче отказаться, чем перенести твой отказ, а я в нем не сомневаюсь, мне смешно рассчитывать на другое, мне, такому, какой я есть... Ведь если я тебе хоть капельку интересен, так это потому, что я закрыт, и не знаешь ты, что мне совершенно нечего тебе дать, у меня мало что есть, и то — слишком серо, убого и примитивно, а ты... Просто ты человек добрый..."

— Ну мне пора! — поднялся я бодро с тахты. — Спасибо за угощение, все было очень...

— Ну почему ты так торопишься? Ведь еще рано...

— Я ведь сразу сказал тебе, меня во дворе ждет... один человек. Это он, кстати, и цветы просил тебе передать... Так что пойду я...

"Все, Рита, хватит! А то ведь чем дольше я сижу здесь, тем труднее мне с тобой распрощаться. Да и тебе завтра предстоит выслушать обо мне такое, что... Кто же первым тебе поведаст мою починкинскую одиссею? Впрочем, какая разница... Ну прощай, Рита..."

— Как глупо... — сказала она. — И довольно пошло...

Я быстро вышел в прихожую и начал одеваться.

— Рита! Открой мне, пожалуйста, дверь!

Она появилась с цветами в руках, бледная, сунула мне букет и, не глядя в глаза, поджимая губы, произнесла каким-то усталым голосом:

— Передай тому, кто тебя прислал... Извини, чуть не вырвалось — у кого ты на побегушках... Передай, что я от таинственных незнакомцев ничего не принимаю.

— Ну, Юрец! Тебя только за смертью посылать! Чего ты там валандался?

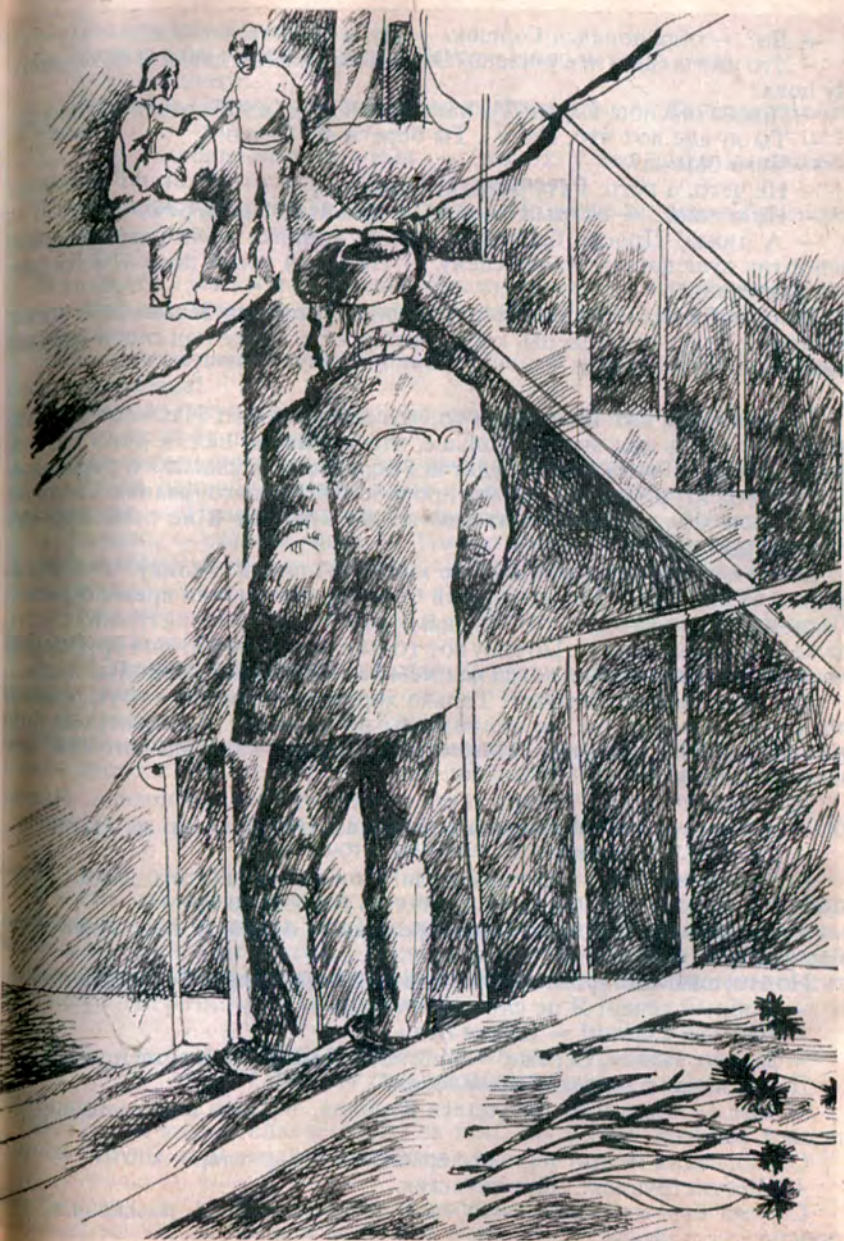
— Так получилось...

— Ну как, все нормально? Взяла?

— А куда она денется... Роскошные такие цветы, да еще от тебя!

— А ты что, сказал ей...

— Да нет, нет, — успокоил я его, а может, наоборот — огорчил. — Пока что ты для нее — таинственный незнакомец. Что-то вроде графа Монте-Кристо...

— Да? — обрадовался Горшок. — Ну, а как она вообще...
— Это уж ты сам у нее узнаешь. Это уж вы, ребята, давайте без меня...
Ну пока?

— Пока! Спасибо, Юрец! Ты настоящий друг, я тебе этого не забуду!
— Ты лучше вот что, Витя... Ты береги ее. Понял?
— Чего беречь?
— Не чего, а кого. Риту береги, Завьялову...
— Не понял... — открыл он рот. — Как это? Как беречь-то?
— А никак! Просто береги, и все! — крикнул я, не сдержавшись, испортив душещипательную сцену. — Ну давай топай домой, а то еще нос застудишь...

Должно быть, я здорово его огорошил. И предки Завьяловой тоже, наверное, будут огорошены, когда увидят на коврик под своей дверью рассыпанные гвоздики...

Крепкий чай, вот это как раз то, что сейчас нужно. Нахлебаться так, чтобы не спать как можно дольше, чтобы завтра целый день ходить полусонным... Тогда проще будет все перенести: и классного руководителя, и директора школы, все эти проработки, пропесочивания... Можно будет вяло пропускать все из одного уха в другое и не особенно нервничать...

Мама с отцом смотрят вместе кинокомедию по телику. Они сблизилась за эти дни... Это из-за моей болезни, вспомнили время былое... Господи, да ради этого я готов годами валяться с температурой... Пусть даже меня парализует... Почему вот только не понимают они друг друга, когда жизнь идет ровно, когда не о чем беспокоиться? Странные люди...

Как мама весело хохочет! Только хорошие люди так могут, только те, кто не помнит зла, не таит обиды ни на кого... А может, все еще наладится? Нет, правда... Может, и на Савалу даже мы вот так, все вместе летом...

Да... Размечтался... Завтра такая мне будет Савала в школе... Ладно бы мне одному, это полбеды, а вот мама... Обязательно же вызовут...
— Дз-зынь! — звонок.

Кого еще нечистая сила принесла! Пол-одиннадцатого ночи... Чтонибудь с бабушкой? Она все жаловалась последнее время...

Мы выбежали открывать одновременно с отцом. У него тоже лицо было встревоженное.

Но это, слава богу, был всего лишь мой лучший друг Сережа Курилов.

— Добрый вечер! Я не слишком поздно?

— Что ты, Сергей! — сказал отец.

— Заходи, заходи, Сережа! — пригласила мама. Она тоже прибежала.

— Да ты никак с музыкой пожаловал?

— Вот, — счастливо потупился Курилов. — Папа из командировки привез.

Он погладил нежно черный дерматиновый футляр.

— Шестиструнная... Классическая...

Сережа бережно прислонил свою ношу к стене и, раздеваясь, попросил:

— Покажешь мне аккорды?
— Нашел кого просить! Я их и сам-то всего четыре знаю...
— А я ни одного...
— Покажет, покажет, — пообещал за меня отец. — Раз друг просит — закон!
— Ага! — обрадовалась мама. — Значит, у нас будет маленький концерт! Тогда прошу всех в большую комнату!
Только мне сейчас на гитаре играть... Но разве не подло будет испортить настроение сразу стольким людям?

— Айда!
В комнате я уселся в отцовское кресло, телевизор выключили, и все устроились на диване и стали на меня любоваться, как я настраиваю инструмент.

— Нет, уж ты давай садись поближе, учись, — велел я Сереже. — Бери стул и иди сюда!

Я пощипал струны и взял по очереди все аккорды, что знал.

— Что же тебе показать...

— Что-нибудь простенькое для начала, — попросил Курилов.

— Давай попробуем начать вот с этой... — выбрал я песню под настроение. — Правда, она как бы немножко блатная... Ничего?

— Ничего, — сказала мама. — Только чтобы не скабрезную!

— Валей! — махнул рукой отец. — Русскую народную, блатную, хорошеющую!

— Ну смотри, Сереж, — показал я. — Вот с этого аккорда начинаем... Вот так пальцы ставим, видишь?

— Да ты исполняй песню-то свою, а он пускай приглядывается, — сказал отец.

— Давай так, — согласился Курилов.

Песню я припомнил ту, что слышал несколько раз летом. Пел ее у нас во дворе, в беседке, паренек один приезжий... Наивная такая песня...

*Искры в камине горят, как рубины,
И улетают с дымком голубым...*

У меня нет своей гитары, потому что не продаются они в наших магазинах, и те аккорды, что мне знакомы, я выучил урывками — там один запомнил, там другой... И очень редко приходится мне держать гитару в руках, поэтому пальцы меня плохо слушаются и аккомпанемент хромает... Ничего, возьмем чувством...

*Искры в камине горят, как рубины,
И улетают с дымком голубым...*

И Сережа внимательно следит за тем, как я беру аккорды и перебираю струны, и подпевать пытается даже...

*Из молодого, цветущего, юного
Стал я угрюмым, больным и седым.*

Маме очень трудно сдерживать улыбку, но, как это ни смешно, мне кажется, что эта песня — про меня. Потому что я чувствую себя сейчас и вправду пожилым, усталым человеком, у которого все, все позади... Может, и у других так бывает, кто пережил что-то важное для себя, что-то грустное и большое? Такое, после чего приходится как бы снова начинать жизнь... Не то чтобы заново родиться, но наподобие этого.

*Лучше пойдем мы дорогами разными,
Ты свое счастье с другими найдешь,
А я пойду по тропинке проторенной...*

Да, Рита... Именно по тропинке проторенной. Это у тебя загадочное и манящее будущее, а уж я...

Окончу восемь классов, получу свидетельство... И напрямую в техникум, учиться на строителя. Буду строителем, как отец. Это самая мирная профессия... Может быть, со временем дослужусь до прораба. Ты когда-нибудь задумывалась, какое некрасивое слово — прораб? Прораб... раб... раб... Слышишь? Скорее всего, ты такого слова просто никогда и не встречала... И не встретишь.

А я вот выучусь на прораба и, кто его знает, глядишь и построю дом, в котором, быть может, поселишься ты. Я буду строить его и не зная, что ты будешь в нем когда-нибудь жить, а ты потом будешь в нем жить-поживать, добра наживать, и в голову тебе никогда не придет мысль, что это я строил твой дом...

*Может, найдешь себе в жизни товарища,
Больше полюбишь его, чем меня...*

Конечно, Рита, найдешь. Да тебе и не нужно будет никого искать. Твое дело — выбирать. Сидеть на троне и выбирать из многих, многих, многих...

Больше полюбишь его, чем меня...

Можно подумать, кто-то меня любил... И за то спасибо, что хоть внимание обращала...

*Искры в камине горят, как рубины,
И улетают...*

Но даже если бы и не замечала ты меня, если бы в упор не видела даже не знала, что я — есть... Я много раз слышал и думаю, что так оно и есть, что правда это: не тот счастлив, кто любим, а тот, кто любит.

И улетают с дымком голубым...

Ну, что ж... И я был счастлив. И я любил...

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Наташа ИВАНКОВА,

15 лет
г. Анапа

ВОРОНА

Желтое на черном — листья на асфальте.
Осень смотрит в лица мельком и без зла.
Серая ворона на небесной кальке
Что-то долго чертит грифелем крыла.

В воздух хриплый ветер кашляет бесцельно...
Крик вороний резок, слышен только он.
Ах, какая гордость в этих черных крыльях
И какое горе в карканье сквозь стон!

Ты живешь так долго. Что ж ты повидала —
Кладбища в жасмине, замки колдунов?
Как луна по-песьи синеву лакала,
Как закат на небо проливал вино?

Может, то, что было, не совсем поблекло?
Может, то, что будет, не один лишь сон?..
Дым сожженных листьев — белый и жестокий.
Издали доносит колокольный звон.

Где-то там лампада блещет в полумраке,
Здесь же — только небо, только грай ворон...
Черное на желтом, листья на асфальте —
Все перечеркнется грифельным крылом.

* * *

В желтой лодке уплывает осень,
Унося холодных листьев звон.
Хрупкие безмолвные березы
Наклонились к ней со всех сторон.

Задрожал свечой лилово-белой
Над пустынной улицей фонарь.
Дождь шумит о высохшие стебли,
Ничего дождю тому не жаль.

Что жалеть?

В дорогах — верность линий?
Или в звездах — вечную печаль?
Синий вечер... До чего же синий...
Лунным светом залитая даль.

Что в тебе? Что ждет на повороте?
Для чего дается людям жизнь?..
То, что время забирает в осень,
Мы уж никогда не повторим.

Рано или поздно все уходит,
Напоследок полыхнув огнем:
Синий вечер, даль и даже звезды,
Словно листьев мутно-желтый звон.

А пока — фонарь глядит
с насмешкой,
Будто знает — что там, впереди...
Ну а осень одиноко в вечность
Улетает с пасмурной земли.

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Монгуш ЧОЙГАНЫ, 16 лет, г. Кызыл

★ ★ ★

Да кто ты вообще такая?
Затасканная вся до дряни,
Строишь с виду умную и гордую,
Хотя внутри тебя — дерьмо.
Да кто ты вообще такая?
Пьешь, гуляешь с парнями,
А в школе такая примерная,
И улыбка редка на лице.

Да кто ты вообще такая?
Ведь готова унижить других
И матом ругаешься на них,
Не думая, что им — больно.
Да кто ты вообще такая?
У твоей души два лица:
Добрую маску надеваешь на время,
Темная маска — почти всегда.

Марат МАМОНОВ,
17 лет
г. Омск

★ ★ ★

Осень. Ночь. Дождь за темным окном.
Время нежной любви, время грустных стихов.
Чистый лист на столе. Дом, опутанный сном.
Вереницы забытых мелодий и слов.

Скоро утро — холодная, хмурая муть.
Светло-серое небо, как чьи-то глаза:
В нем и радость, и боль, и тревога, и грусть,
И печаль, и тоска, и обиды слеза...

Тихо. Свет в одиноком окне.
И осенняя ночь, как глухая стена.
И слезинки дождя на холодном стекле.
Чистый лист на столе. Станный мир из окна

★ ★ ★

Я ушел от людей, я покинул тебя, я забыл о своей тоске,
И отныне я сам для себя верный спутник и друг.
Стук колес, разговоры людей и звезда полуночная в темном окне
Мне заменят теперь нашей первой любви светлый круг.
Я не знаю, что ждет меня там, на другом берегу, за высоким холмом.
Мой билет в никуда, я бегу от себя и от всех.
Может быть, где-то там впереди я найду новый город и новый дом
И уже никогда не услышу твой голос и смех.
Время выпечит нас, я забуду тебя, ты забудешь о наших днях.
Будет больно и грустно, но скоро тоска пройдет.
Через многие годы увидим друг друга в забытых, нечаянных снах.
А пока в неизвестность я мчусь, скорый поезд — не ждет...

Ирина ИВАНОВА, 15 лет
г. Мурманск

* * *

Все уходит, все уходит,
Чтоб внезапно вновь нагрянуть.
А за дверью кто-то ходит,
Завернувшись в плащ багряный.
Я дрожу от нетерпенья,
Веки медленно смыкая;
Вот он входит, дверь не тронув
И небесно улыбаясь.
Вдруг загадочные тени
Танец начинают странный —
То по кругу чинно ходят,
То летят, как луч в тумане.
Пусть я в горе не рыдаю
И смеюсь, когда не надо, —
Это роли не играет
В танце медленном и ладном.
Все уходит, все уходит,
Но не ближе и не дальше.
Все вернется, все вернется —
Только не таким, как раньше.

Анетта КРЫЖАНОВСКАЯ,
15 лет
г. Тернополь

ГОРОД

Утренняя, я
Выходила в зори.
Улыбалась мне заря,
Улыбалось горе.
И этот утренний холод,
Ведь он мне не верил и спал...
Я так любила свой город,

А город меня не узнал.
И мне никто не поверил.
Важна ли одежда и вид?
Я к вам пришла вашей дочерью!
Ну, кто меня удочерит?..
Как я спешила сродниться
С людьми и со стенами — всем...
И я кричала: "Не снится!
Не снится вам это совсем!"
Но мне никто не поверил,
Лишь холодом в душу мою.
Я молча скрылась за дверью,
В квартиру удушливую.

...Но мне в природу спастись
Пора, чтоб хандра — позади.
Я буду всем улыбаться,
Я знаю, что все впереди.
Утренняя, я
Одолею холод.
Улыбнется вновь заря,
Улыбнется город.

РАССТАВАНИЕ

Книги-души содержание
Перелистнуть и закрыть.
Я влюблена в расставание.
Мне на рассвете — уплыть

По морю, нету которого,
Лодкою, хрупкою пусть.
Не говорите: "До скорого!"
Я не вернусь. Не вернусь...

Мне на рассвете отчаливать.
Я не из слабости, нет!..
Я не хочу опечаливать
Ваш легкомысленный свет.

Не посчитайте за гордую:
Взглянете — не отвернусь.
Но не твердите: "До скорого!"
Я не вернусь, не вернусь...

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ВЕЛИКИЙ ПОСЕВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

х х х

Идея Зерена была столь же проста, сколь и неожиданна. Она получила окончательную завершенность после того, как Атагельды, находясь в оазисе, руками показал размер кузнечного молота, который необходим.

Теперь Зерен знал подлинные размеры предметов, которые необходимы Курбану для кузницы.

Форму он тоже умеет выдерживать — это подтвердил сделанный им из атомов стального ножа молоток, который дед и внук единодушно сочли точной копией кузнечного молота.

Суть замысла Зерена была такова. Он хочет получить предметы для кузницы. Но для этого нет необходимости плавить, строгать, обтесывать другие предметы, как, по всей вероятности, поступают эти примитивные существа где-то там, вне зоны видимости Зерена. Для этого есть гораздо более простой путь...

Ведь что такое предмет, рассуждал Зерен, любой материальный предмет? Это застывшее расположение определенного сорта атомов в определенной конфигурации пространства.

Пусть одна из конфигураций имеет форму кузнечного молота, другая — наковальни, третья — мотыги, четвертая — кетменя и так далее. Остается заполнить эти формы атомами определенного сорта, задача будет решена.

Нужную форму можно будет получить из силовых полей, соответствующим образом искривив их и задав достаточную интенсивность. Тогда атомы будут описывать необходимые траектории, прежде чем каждый займет ту точку пространства, то единственное место, которое ему положено.

Оставалась, правда, еще одна загвоздка. Не было металла, который

Окончание. Начало в № 2.

нужен был для осуществления замысла. Нигде больше вещей, подобных стальному ножу, Зерен не обнаружил. Не было в окрестности ни железа, ни прочих металлов.

Правда, на большой глубине неподалеку от колодца поисковые корни Зерена наткнулись на кумган из обожженной глины, в котором оказались плоские кругляши из желтого металла, который не взяла даже ржавчина. Зерен решил было его использовать, однако счетная система рассудила, что металла слишком мало, и космический пришелец велел подвижным корням оставить сосуд в покое.

Имелась еще одна возможность. Погружаясь все глубже, все те же подвижные корни, снабженные чувствительными анализаторами, обнаружили вслед за поясом глины залежи железной руды. В принципе можно было бы ее использовать для получения металла, но Зерен подсчитал, что энергии на выплавку и синтез не хватит: нужно было выбирать что-то одно. И он выбрал второе.

В качестве рабочего вещества для синтеза Зерен решил выбрать собственные листья, конечно, опавшие, предварительно измельчив их и уплотнив образовавшуюся массу. При надлежащем воздействии, Зерен проверил экспериментально, получалось вещество, не уступающее по твердости железу.

Этот опыт Зерен провел, когда реципиент находился неподалеку, на поверхности.

Для осуществления своего замысла Зерену пришлось с помощью корней создать под оазисом пустое пространство, похожее на сферическую пещеру. Песчинки из этого пространства отсасывались по полым трубкам, пролегающим внутрь корней и стволов растений.

Когда помещение достигло нужной величины, Зерен велел пропитать его стенки тягучим соком, который схватил их намертво, предотвращая осыпи и оползни.

После этого иногалактический мозг приступил к монтажу хитроумных силовых полей...

Все это время Зерена беспокоила одна вещь. Хотя он залечил рану, нанесенную стволу местным существом с помощью ножа, боль от нее все время возвращалась.

...Это, разумеется, была вовсе не та боль, которой порой подвержены человек или прочие существа Земли. Болевые разряды, отделенно напоминающие электрические, пронизывали все невероятно разветвленное тело Зерена, от верхушек растений и до кончиков корней. Да, все это было единое тело, которое все еще продолжало разрастаться...

Боль возникала в том месте, где была глубокая рана, нанесенная безжалостной сталью. Рану Зерену удалось заткнуть, зарастить слоем клетчатки, но, видимо, нож Анартая перерубил важный нерв, срastить который полностью Зерену не удалось. Потому-то внезапно и вспыхивали болевые разряды, которые заставляли тихо трепетать листья, еле заметно раскачивали верхушки растений, а главное, мutilовали сознание Зерена, туманили его, заставляли ошибаться в расчетах.

Происходило, увы, и то, чего с самого начала опасался Зерен. Как

только его пронизывал разряд от не до конца залеченной травмы болевой приступ охватывал и Атагельды.

Мальчик стойко переносил свалившееся на него несчастье, хотя не в силах был понять, откуда оно взялось. Помогал деду по дому, играл на улице с ребятами, строил с Анартаем песчаную крепость — в нечестные часы, когда они не враждовали, — и вдруг дикая боль схватывала левую руку, словно огненный обруч сжимал ее. Однако проходила минутка-другая — и боль постепенно отпускала.

Больше всего он боялся, чтобы дед не заметил его внезапного недуга, но Курбан, поглощенный своей кузницей, казалось, ничего не замечал вокруг.

Он натаскал во двор из оазиса листьев, выбрав пошире и попрочнее, и надумал сшить из них мехи. После нескольких неудачных попыток работа получилась. Внешне, правда, мехи выглядели неуклюже, напоминая чешуйчатое доисторическое животное. Когда Курбан с внуком попробовали качать воздух, животное зашевелилось, зашуршало, словно даже приподнялось с утрамбованного земляного пола. Но работа было приспособление хорошо, а это было главное. Правда, воздух пока качать было некуда, но, как говорится, лиха беда начало.

Атагельды с дедом вырыли во дворе яму, размесили в ней глину, приготовили кирпичи и выложили в углу кузницы печь. Протопленная сухими стеблями и листьями, которые Атагельды собрал на краю оазиса, печь показала неплохую тягу и тепло хорошо хранила, не остывая до конца в течение холодной ночи.

— Славный материал, — заметил Курбан однажды, разглядывая сухой стебель. — И гибкий, и прочный. Его бы в дело пустить, а не печь заталкивать.

— Разве печь топить — не дело? — спросил Атагельды и посмотрел на деда.

— Таким добром — не дело.

— А что из него можно сделать?

Курбан задумался, стоя перед потрескивающим пламенем, которое весело полыхало в печи.

— Даже не знаю, — признался он. — Я, видишь ли, с таким материалом сталкиваюсь впервые...

— Дедушка, а что если плетеную мебель из этих стеблей делать? — предложил вдруг Атагельды. — Нам ведь сидеть и спать не на чем.

— А что? — Курбан попробовал стебель на изгиб. — Материал крепкий. И упругий. Давай попробуем сплести скамейку...

Через короткое время весь кишлак обзавелся мебелью, сплетенной из засохших стеблей, которых было достаточно в разросшемся оазисе. Была она хоть и примитивной, но служила людям верой и правдой.

Старый кузнец тосковал по оборудованию для кузницы. Часто, когда в доме не было гостей, он просил Атагельды проверить, не стоит ли кто-нибудь за окном, после чего доставал из потайного места завернутый в тряпицу небольшой молоток — точную копию молота, которым он некогда орудовал.

— Ты посмотри, Ата, — не уставал он повторять, — вот даже за

зубрина на обухе, я ее посадил, когда ты был совсем крохотным... Как мог ведать о ней тот неведомый мастер, который выковал эту блестящую вещицу? Как хочешь, это похоже на колдовство, — добавлял он, снова завертывая в тряпку их таинственную находку.

Атагельды обычно помалкивал.

Многое, многое было необъяснимо, и число загадок, с тех пор как они жили в оазисе, все время увеличивалось. Так прежде опавшие листья, да и стебли, сгорая, почти не давали тепла, но начиная с какого-то момента все переменялось. Нет, внешне листья и стебли не изменились, но, казалось, кто-то пропитал их особым составом: они горели теперь долго и давали отменный жар, и люди в кишлаке перестали мерзнуть по ночам.

Однажды Атагельды проснулся от боли в руке. Казалось, кто-то ткнул раскаленным прутом в локтевой изгиб. Боль, однако, как пришла, так же внезапно и ушла. Он потрогал пальцем руку, но боль не возобновилась.

Циновка из листьев при малейшем движении немилосердно шуршала, но они с дедом привыкли к этому шороху.

С бьющимся сердцем Атагельды несколько мгновений лежал в неподвижности, пытаясь разобраться: вскрикнул он спросонья или это только ему показалось?..

Из угла доносилось ровное дыхание Курбана. С тех пор как сердце его перестало болеть, старик и дышать стал легче, исчезла одышка, прежде мучившая его.

Атагельды перевел дух. Похоже, деда не разбудил. Он все еще переживал диковинный сон, четкий до реальности. Жаль, досмотреть не удалось — он был прерван вспышкой боли в руке.

...Он шел по залитой солнцем пустыне. Шел легко, а точнее сказать — летел. Под ним, глубоко внизу, проплывал песок, источавший жар, и какая-то мягкая, но властная сила несла Атагельды.

Внезапно пустыня под ним, словно по мановению волшебного жезла, сменилась кишлаком. Мальчик узнавал в нем каждую хижину, каждую из тростинок, растущих вдоль улицы. Вот дом Ахметхана. Его легко узнать, он самый большой в кишлаке, хотя живут в нем только двое — караванбаши и его сын. Дом выглядит богато, островерхая крыша состоит из нескольких слоев аккуратно, один к одному сложенных листьев. Атагельды помнит, как ее складывали все люди из каравана, а Ахметхан, поглядывая, как идет работа, стоял посреди двора и изредка стегал по песку камчой.

...Вон старик из каравана ведет на поводу скакуна благородных арабских кровей, о котором дед знает такие дивные стихи...

...А вон их хижина, с плоской, как у всех, кроме Ахметхана, кровлей, а рядом кузница, которая никак не начнет работать. Во дворе — ямы, в которых они месили саман для построек.

Атагельды, никем не замеченный, пролетел над улицей, и вскоре кишлак скрылся из виду. Под ним потянулись заросли тростника. Желто-зеленое море стеблей и листьев...

Мальчик увидел, что путь его лежит к колодцу. "Сейчас напьюсь и

проснись", — мелькнуло в голове. Но он ошибся: колодец остался позади, а полет продолжался. Высота, однако, резко падала, и он стал бояться, что упадет и расшибется. Либо напорется на острые копыта стеблей, которые угрожающе раскачивались внизу. Самые высокие из них уже начали доставать его, и вскоре он плыл в шуршащем море камыша, непрерывно снижаясь.

Хорошо, что скорость полета была невелика и он успевал отводить руками листья, которые лезли в лицо, и каким-то образом избегал встречных стеблей.

Атагельды вздрогнул, и цепочка картин его недавнего сна прервалась: Курбан тяжело вздохнул.

— Не спишь? — спросил мальчик.

— Ты опять кричал во сне, — произнес Курбан. — Что у тебя болит, малыш? Клянусь священной памятью Абу Али ибн Сины...

— Ничего не болит, дедушка, — поспешно перебил Атагельды. — Просто мне сон необычный приснился...

— Да? Что же тебе приснилось? — В голосе старика сквозила не доверчивость, плохо прикрытая ворчливым тоном.

Атагельды начал рассказывать. Старик слушал не перебивая.

— А потом я начал снижаться и наконец опустился на землю, — заключил мальчик.

Дед спросил:

— Значит, ты в оазисе опустился?

— Да.

— А в каком месте?

— Неподалеку от колодца.

— Ну что ж, — подвел итог Курбан. — Зря ты переполошился. Сон как сон. Мне тоже в детстве снились полеты. Ученые люди говорят, это к росту. — Он помолчал немного и спросил: — И это все?..

— Что ты, дед, — листья под Атагельды зашуршали, — самое интересное впереди! Едва я опустился на землю, растительность вокруг меня исчезла, та, которая составляет оазис. Куда ни глянь, простиралась степь, поросшая ковылем. Не успел я подивиться такой перемене, как издали послышались ржание коней, крики всадников. Я едва успел спрятаться за холм и принялся из-за него наблюдать.

— Дальше.

— Всадники ехали на мохноногих крепких конях, их сбруя позвякивала серебром. Посреди отряда восседал на белом скакуне богато одетый человек в остроконечной шапке с лисьим хвостом.

— На скакуне, говоришь? — перебил Курбан. — Ясно, откуда попал он в твой сон. Я тоже всегда люблю конем, который...

— Не в коне дело. — Голос Атагельды зазвенел от волнения. — Вот послушай, что было дальше. Один из всадников держал огромный кумган из обожженной глины. Отряд спешил перед самым холмом. Ветер доносил до меня слова на незнакомом языке, запах разгоряченного лошадиного пота. Я осторожно выглянул из-за холма. К счастью, пришельцы меня не заметили. Бросив на песок луки и колчаны со стрелами, они рыли маленькими заступами, привезенными с собой.

какую-то яму, подчиняясь указаниям начальника в остроконечной шапке.

Когда яма оказалась достаточно глубокой, лисий хвост дал им команду остановиться. Кто-то расстелил перед ним ковер, и начальник высыпал на него содержимое. Дед, о таком богатстве я слыхивал только в сказках Шехерезады! На ковер, звеня, хлынул поток золотых монет. Каждый из желтых кружочков сверкал, словно маленькое солныце. Сверху на эту грудку упало несколько драгоценных камней, каждый из которых был достоин украсить корону магараджи...

— Что же ты умолк?

— Ничего, в руку кольнуло...

— И потом?

— Богато одетый начальник упал на колени, поцеловал каждый камень, затем ссыпал все богатство обратно в узкогорлый кумган и тщательно запечатал его.

— Ты так подробно рассказываешь, словно это не сон, а подлинное событие, в котором тебе довелось участвовать, — произнес задумчиво старый кузнец. — Ну а потом, наверно, кумган, как всегда бывает в снах бедняков, растаял в воздухе?

— Не угадал, дед! Человек в остроконечной шапке опустил запечатанный кумган в яму, и всадники засыпали ее, сровняли с землей. Затем, став в кружок, прокричали какую-то клятву, вскочили на коней и помчались по степи. Я провожал их взглядом, пока маленький отряд не скрылся за горизонтом. Пока я наблюдал за уменьшающимися фигурами всадников, местность вокруг меня быстро изменялась. Степь исчезла, образовалась пустыня. Холм уменьшался в размерах, пока не пропал. А затем из песка в мгновение ока выскочили камышинки с широкими листьями, образовав оазис, близ которого мы живем.

— Ты дурачишь меня, — сердито сказал старик. — Помнится, когда мы копали колодец, я наткнулся неподалеку на заброшенный шурф, засыпанный землей, и решил, что это пустыки, не стоящие внимания. Говорил я тебе о нем?

— Не помню.

— Может, бросил вскользь, ты не обратил внимания, а в памяти отложилось. И так бывает. Но сны у тебя яркие, ничего не скажешь, — заключил Курбан.

— Это не сон.

— А что же?

— Ну, видение наяву... Я не могу объяснить... — голос мальчика прервался.

В окна хижины начал пробиваться рассвет. Смутные предметы в комнате приобретали все более явственные очертания.

— Дед, — нарушил долгое молчание Атагельды, — а ты помнишь то место?

— Какое? — сонным голосом спросил Курбан, успевший снова заснуть.

— Тот заброшенный ствол, забитый землей, рядом с колодцем.

— Думаю, помню.

— Пойдем туда?
— Зачем?
— Кумган поищем.
— Глупости, — отрезал дед, переворачиваясь на другой бок. — Дело надо делать, а не чепухой заниматься. Не мешай спать.

Атагельды вскочил с матраса, подбежал к Курбану и затормошил его.

— Ну пойдем, дедушка! Я чувствую, что мы найдем клад, вот увидишь.

Старик медленно поднялся и сел — листья под ним жалобно закрипели.

— Ата, послушай, — медленно произнес он, — ты уже большой и многое можешь понять. Мы живем здесь не одни — нас окружают люди каравана. И не все к нам относятся одинаково. Как относится к нам Ахметхан — знаешь сам, а в его руках власть. Ты вечно ссоришься и дерешься с его сыном...

— Я слежу, чтобы Анартай не проник в центр оазиса, — перебил Атагельды. — Он может накликать на всех большую беду.

— Какую беду?

— Не знаю.

— Вот видишь, не знаешь, а лезешь в чужие дела! — рассердился старик. — Кто дал тебе такое право? Да и что случится, если кто-то срубит самый старый стебель? Весь кишлак топит стеблями печи.

— Люди пользуются только засохшими стволами, — напомнил Атагельды, что еще больше разозлило Курбана.

— Ну и зря! — закричал он. — Вон сколько выросло этого тростника — ни проехать ни пройти. Если срубить дюжину-другую — от него, думаю, не убудет.

— Значит, не покажешь мне это место? — В голосе Атагельды зазвенели слезы.

— Забудь о своем сне, — сказал старик. — И запомни: бедняку золото ни к чему. От него одни несчастья...

х х х

Зерен, как и его погибшие в катастрофе собратья, слишком хорошо знал, что такое война. Он был свидетелем многих конфликтов, жестоких единоборств, в которых не было победителей и побежденных: удел всех был один — гибель, но это не останавливало участников. Гибли не только отдельные особи — гибли целые континенты, планеты, цивилизации, миры.

Эта бессмысленная агрессивность представляла собой величайшую загадку. Может, причина воинственности разумных существ — некий до сих пор не обнаруженный вирус войны, путешествующий из галактики в галактику? Лучшие медики искали его, но найти не смогли. Оставалось одно: в меру собственных сил гасить военные пожары, в какой бы части Открытого пространства они ни вспыхивали.

Такая задача стояла и перед теми, кто участвовал в грандиозном

эксперименте под названием "Великий Посев", в том числе и перед Зереном — так сказать, рядовым солдатом программы.

Во время биосеансов с молодой особью — единственным каналом связи с местными разумными существами — Зерен пытался вывести, ведома ли им война.

К счастью, Атагельды о войне никогда не думал, как и его дед. Драки, стычки к войне, естественно, не относились. А то, что мотыга оказалась мирным орудием для обработки почвы, окончательно успокоило Зерена, и он принялся за реализацию задуманного проекта.

Сферическая пещера, которую он сделал накануне, по размерам подходила для задуманного. Своды ее не рухнули, даже не дрогнули — выдержали испытание, когда он сделал пробную модель — миниатюрный молоточек, копия того молота, который отпечатался в мозгу Атагельды.

Теперь предстояло создать предметы для кузницы в натуральную величину.

Подходящего металла в достаточном количестве не было, и Зерен в качестве рабочего вещества после долгих раздумий остановился, как было сказано, на собственных листьях, рассудив, что их атомы в конечном счете не хуже других. Правда, энергии на их перестройку уйдет больше, но тут уж ничего не поделаешь. Придется использовать собственное защитное поле...

Команды, отданные центральным стволом, разбежались по ближним корням, обладающим способностью перемещаться, и те принялись за дело. Множество гибких трубок, которые отсасывали песок из сферической полости, теперь подавали в нее измельченные в порошок листья.

Из крохотных отверстий со всех сторон в глубь пещеры начала сеяться пыль, и всю полость вскоре заволочло туманом. Туман становился все гуще, одновременно повышалась и его температура. В однородной смеси образовывались горячие вихри, время от времени ее пронизывали световые разряды, отдаленно похожие на молнии.

"Если опыт закончится удачно, это будет достойным завершением Великого Посева на этой планете, — думал Зерен. — Оазис, направляемый главным стволом, будет разрастаться все дальше, становиться гуще, служа аборигенам верой и правдой".

Туман, образованный мельчайшими частичками перемолотых листьев, достиг звездной плотности, и гибкие трубки продолжали нагнетать его.

Когда искры начали пронизывать пространство пещеры почти непрерывно, Зерен понял: пора!

Иномозг включил вокруг сферы силовые поля, сложная конфигурация которых, отвечающая форме предметов, которые нужно было получить, была им рассчитана заранее.

Движения частичек материи, прежде полностью хаотичные, мгновенно изменились. Теперь атомы двигались по строго предназначенным для них траекториям, перемещались вдоль невидимых силовых линий, прихотливо изогнутых.

Загрохотал, нарастая, подземный гром, почва на поверхности задрожала. Но там не было никого из кишлака: люди опасались ходить в середину оазиса — место пользовалось неважной славой. Некоторую лепту в это мнение постарался внести и Атагельды.

Несмотря на давление и быстро меняющиеся силовые поля, своды пещеры, загодя обработанные, выдержали, даже не потрескались.

Подземный грохот, дойдя до немыслимой точки, вдруг прекратился, и воцарилась тишина.

Кромешный туман внутри полого шара начал оседать, в нем образовывались светлые проплешины. Наконец он полностью рассеялся.

Над вогнутым дном пещеры удерживаемый стационарным силовым полем висел кузнечный молот. По форме это был самый настоящий молот, но вещества, из которого он сделан, земляне не знали. Это не было железо, не был и другой металл, во всяком случае, из тех, которые известны людям.

По тяжести вещество не уступало стали, а по прочности намного его превосходило.

Черный полблескивающий массивный молот слегка покачивался вокруг положения равновесия.

С помощью подвижных корней-исполнителей Зерен доставил его наружу и приступил к созданию следующего предмета, который двуногие существа именовали мотыгой.

Когда вся работа была завершена, Зерен велел предметы для кузницы сложить в ямку неподалеку от центрального ствола, густо присыпав их листьями: он не хотел, чтобы вещи попали не по адресу.

Теперь необходимо было сделать так, чтобы их получили Курбан и Атагельды.

х х х

Люди, живущие в кишлаке, давно привыкли к тому, что время от времени над оазисом собираются тучи, идет дождь. С каждым разом дождь становился все интенсивнее и продолжительнее. Но такого, который собирался сегодня, еще не бывало.

Небо начало хмуриться с утра.

Вскоре над кишлаком закурчавились облака, повеяло сыростью. Дождь все не шел, и люди, задирая головы, подолгу вглядывались в небо: они истосковались по ласковой влаге, не обладающей сладковатым привкусом.

Облака продолжали сгущаться, вскоре слившись в тучу круглой формы, которая зависла над оазисом.

— Видно, что-то разладилось там, на небе, — заметил Ахметхан и хлопнул камчой поперек дороги, подняв облачко пыли. Он стоял на улице, окруженный кучкой людей.

Кто-то добавил:

— Такие большие тучи, а дождя нет.

К стоящим присоединились и Курбан с внуком.

— Курбан, у тебя есть рифмованные строчки про всякий случай, —

дружелюбно обратился старик к безработному кузнецу, — прочитай что-нибудь про дожди!

— А дашь коня?.. — вырвалось у Курбана.

— Скорее жизнь отдам.

— Мне только прокатиться, — сказал Курбан в кулак свою бороду.

— Катайся сколько хочешь, — улыбнулся старик. — Я ведь не сле-
пой, вижу, какие взгляды ты бросаешь на него. А стихи нам все-таки
прочитай. Так редко видно тебя, живешь отшельником...

Анартай исподтишка ушипнул Атагельды, но тот не дал сдачи, за-
смотревшись на деда. Тот нахмурился, посмотрел в грозовое небо и
негромко прочел, ни на кого не глядя:

*Набухшие тучи сосцами волчицы
По хмурой и влажной земле волочатся.
Тяжелые капли на почву ложатся,
И чудится — осень на землю сочится.*

— Мне кажется, Курбан, прежние стихи об арабском скакуне, ко-
торый роднее сына, получились лучше, чем эти, — сказал осторожно
старик, нарушив неприязненное молчание.

— Да? А что в них плохо? — оживился Курбан.

— Ну, во-первых, ты говоришь — осень, — загнул старик грязный
палец. — А у нас здесь осени вообще не бывает, сплошное лето.
Во-вторых, — загнул он следующий палец, — тучи у тебя волочатся. Но
посмотри на небо: когда тучи возникают, они неподвижно висят над
кишлаком...

Кузнец хотел что-то сказать, но промолчал.

— Не стыдно тебе, Курбан, чепухой заниматься? — вступил в раз-
говор кто-то из дехкан. — Словами играешься, словно мальчишка
камешками. А тут нельзя верблюда подковать, кетмень отбить... Одна
слава, что кузнец, — заключил он и сплюнул.

— У нас же кузница пустая, — воскликнул Атагельды, потрясенный
несправедливостью обвинения. — Нет ничего — ни молота, ни нако-
вальни.

— Молчи, внук, — оборвал его Курбан. — Мудрец сказал: кто не
хочет видеть, тот не видит.

— У нас даже кусочка железа нет! — не унимался Атагельды.

— Молчи, щенок! — ударил его кто-то по затылку. — Как ты смеешь
вмешиваться в разговоры почтенных людей?

Мальчик умолк, глотая слезы обиды. Курбан положил ему руку на
плечо.

— Гордецы! — сказала какая-то женщина. — Никогда в общих ра-
ботах не участвуете.

— Как плоды собирать, камыш сухой или листья — так вас нет! —
добавил стоящий рядом с ней верзила.

— Но ведь каждый в кишлаке собирает для себя, — начал слабо
оправдываться Курбан, ошеломленный этим внезапным взрывом не-
нависти, но только подлил масла в огонь.

— Колдуны!

— С шайтаном знаетесь.

— А зачем ходите в гущу оазиса? — разобрал Атагельды голос Анартая. — Почему от всех таитесь?

— С нечистой силой знаетесь! — завопил истощный голос. — Всех старый ствол бьет, а вас не бьет!

Общий шум покрыл эти слова. Только когда упали первые капли, страсти немного приутихли. Взоры людей обратились на небо — дождь был для них желанным и редким гостем.

Прежде слегка ущербный, круг, образованный облаками, приобрел теперь идеальную форму. По краешку обвода он розовато просвечивался, а посреди был черным, как безлунная ночь. Такого облачного круга отродясь еще никто не видел.

— Дедушка, он возвращается! — воскликнул Атагельды, внимательно присмотревшись.

И впрямь, черный с розовым подбоем диск медленно кружился, словно колесо едущей арбы.

— Разогнали дождь! — взвизгнула женщина. — Сами наколдовали, а теперь удивляетесь.

— Чем же я наколдовал, почтенная? — поинтересовался Курбан, продолжавший сохранять спокойствие.

— Чем? Да стихами своими проклятыми, — сверкнула глазами женщина. — Думаешь, мы не знаем, что это не стихи, а заговоры? И теперь вот, как про дождь прочитал, так облака и закружились...

Облачный круг вращался все быстрее, а начавшийся было дождь прекратился.

После слов женщины толпа вокруг Курбана и Атагельды угрожающе сдвинулась, снова посыпались угрозы.

— Почтенные, стихи не могут влиять на погоду, — сказал Курбан. — Так могут думать только темные люди. А что касается общих работ, то мы с внуком готовы принять в них участие, если нас пригласят.

— Ждите, пригласим! — произнесла женщина. — Чтобы вы всех нас погубили.

Атагельды с дедом медленно отступали вдоль улицы, увертываясь от затрещин, которые сыпались со всех сторон.

Как на грех, круг облаков, вращаясь, светлел и уменьшался в размерах, так что надежды на дождь не было.

— Верни дождь, кузнец, — с угрозой в голосе произнесла женщина. — Верни по-хорошему, иначе тебе несдобровать, слышишь?..

Курбан вздохнул:

— Это не в моих силах.

В то же мгновение просветлевший диск, который висел над кишлаком, двинулся в сторону. Удаляясь, он истончался, как бы таял в ослепительно синем небе. Солнце, до этого скрытое облачным кругом, принялось жечь с удвоенной яростью.

Ахметхан до поры до времени молчал, не вмешиваясь в свару, хотя одного слова его было достаточно, чтобы утихомирить страсти. Когда

облачный диск превратился в белое пятнышко, караванбаши щелкнул камчой и произнес, обращаясь к кузнецу с внуком:

— Вы прогнали тучи. А мы прогоним вас. Ступайте прочь, вам нет места в кишлаке. — И он хлопнул плетью у самых их ног. Следующий удар пришелся по изгоям. Атагельды схватился за щеку, которую обожгла резкая боль. Курбан взял его за руку и сказал:

— Пойдем.

Перед ними нехотя расступились.

— Убирайтесь, колдуны, — неслось вслед. Каждый считал своим долгом толкнуть их или ударить. Исключение составлял только старик — владелец коня. Он подошел к ним и что-то хотел сказать Курбану, но только скорбно улыбнулся. Кое-кто отводил глаза, предпочитая не смотреть на деда и внука, медленно бредущих в сторону оазиса.

Анартай догнал идущих. Он хотел ударить на прощание Атагельды, но натолкнулся на его колющий взгляд и ограничился тем, что крикнул:

— Берегись! Я сделаю такое... такое... что все твои чары развеются!

Когда они вошли в заросли оазиса, облачный круг полностью растаял над горизонтом.

Они шли долго, не чувствуя усталости. Этому способствовало нервное возбуждение. Уже давно скрылись хижинки кишлака, их обступали все более высокие стебли, покачивая листвой.

— Чем тебе угрожал этот негодный мальчишка? — спросил Курбан. Атагельды пожал плечами:

— Не знаю.

— Не бойся. Мы заберемся в такую чащу, что нас не найдут, — сказал кузнец.

— Дедушка, почему они такие злые? — спросил мальчик. На глазах его показались слезы.

— Не злые они, а темные, — покачал головой Курбан. — Это разные вещи. Когда-нибудь поймешь.

— Пить хочу, — произнес Атагельды через некоторое время, замедляя шаг.

— Придется потерпеть. Моя баклажка осталась в хижине, как и все остальные вещи.

— Давай, я ночью проберусь туда, возьму что нужно, — предложил Атагельды.

— Не нужно, — решил старик, — я боюсь за тебя. Ладно, не впервой нам начинать на голом месте. А к колодцу попробуем пробраться, когда там никого не будет. Там и напьемся.

х х х

Задача Великого Посева, которую Зерен поставил перед собой, разрешалась успешно.

Стебли с листьями, его настойчивые посланцы, шаг за шагом оживляли пустыню, делая ее пригодной для жизни разумных существ. Немногочисленная популяция выстроила собственные жилища, хотя и примитивные, но спасающие от холода и всяких неожиданностей. Ко-

подец, ежедневно пополняемый влагой до уровня, намеченного Зереном, давал двуногим достаточно воды для питья и прочих нужд.

У некоторых существ оказались болезни, вызванные несовершенством их биологической природы. Зерену удалось их исцелить, хотя это оказалось совсем непросто и в отдельных случаях отняло много времени и усилий.

Организм двуногого оказался не таким примитивным, как могло показаться с первого взгляда. Он состоял из клеток, количество которых, по прикидкам Зерена, превышало пятьдесят триллионов. Клетки были нестабильны: каждая представляла сложную структуру, нечто вроде комбината, в котором каждую секунду происходило две тысячи биохимических реакций.

Как определить, что для организма двуногого норма, а что — отклонение? Задача усугубилась тем, что ни на одной из планет Зерен подобных существ прежде не встречал. Изучать их, подвергая вивисекции, гуманный инопланетянин, ясное дело, не мог. Значит, необходим был другой путь.

Зерен, используя свой опыт, решил исходить из того, что органы любого существа связаны между собой. Это явилось путеводной нитью в изучении странных двуногих.

В первом приближении Зерен решил рассматривать человеческий организм как совокупность компьютеров. Какой же из них является самым главным, на который выводятся результаты жизнедеятельности всех остальных?

Поначалу Зерен обратил внимание на головной мозг человека: судя по всему, именно он управлял действиями организма, а значит, к нему стекались сведения от всех остальных органов. Значит, если какой-то орган болен, это найдет отражение в головном мозге.

Как, однако, добраться до мозга? Ведь он упрятан в черепную коробку. Нарушать целостность организма двуногих, разрушать его, как уже говорилось, не входило в задачу Зерена. Значит, нужно было искать другой путь определения болезни.

Занимаясь этими поисками, Зерен обратил внимание на необычайно выразительные органы зрения двуногих. Первые существа, попавшие в его поле зрения, вернее, в зону действия анализаторов, были молодой и пожилая особи. Пожилое существо шло медленно, часто останавливалось: у него со здоровьем явно было не в порядке.

Глаза... Глаза пожилого были необычайно выразительны. Зерену чудилось, что в них затаилось страдание. Почему? Он и сам не сумел бы объяснить. Черные, подвижные, они блестели, как два искусно ограненных минерала.

Глаза молодой особи казались такими же — видимо, они были родственниками. И в то же время они чем-то неуловимым отличались. Чем именно — предстояло выяснить.

Зерен обратил внимание на то, что молодой прыгал и бегал, глаза его жизнерадостно блестели. Это говорило о том, что со здоровьем у него все в порядке.

Пожилой, останавливаясь, издавал жалобный звук и хватался за

левую половину груди. Там, Зерен знал уже, находился мышечный орган, который, ритмично сокращаясь, заставлял питательную жидкость циркулировать по сосудам тела. Это был некий аналог мощного и гибкого насоса.

Логично было предположить, что у пожилой особи этот самый мышечный насос не в порядке.

Если считать, как решил Зерен, что глаза являются как бы экраном, на который головной мозг подает всю информацию об организме, то оставалось тщательно исследовать выражение глаз пожилой особи.

...Могли ли думать дед и внук, бродящие среди чахлах оазисных зарослей странного тростника с разлапистыми листьями, что эти самые листья — не что иное, как чуткие анализаторы, проще говоря глаза и уши Зерена, которые сообщают нужные сведения центральному стволу?..

Зерен долго рассматривал глаза Курбана и Атагельды, сравнивая их, пока не обнаружил на радужной оболочке Курбана крохотную, еле заметную дужку. Видимо, именно она и говорила о пороке сердечной мышцы.

Теперь оставалось насытить воду, которую пьют существа, нужными соединениями и солями, которые Зерен умел синтезировать.

Когда появился караван, листья обследовали один за одним всех прибывших — от караванбаши до последнего погонщика. У многих органика была нарушена: у того язва, у этого рана, полученная в течение долгого пути.

Зерен всех излечил, раз за разом меняя состав воды, которую пили люди.

Но вот все язвы зарубцевались, все раны затянулись. В термоионной памяти Зерена накопился длинный список изменений в глазах, в радужной оболочке, отвечающих различным заболеваниям и дефектам двугогих.

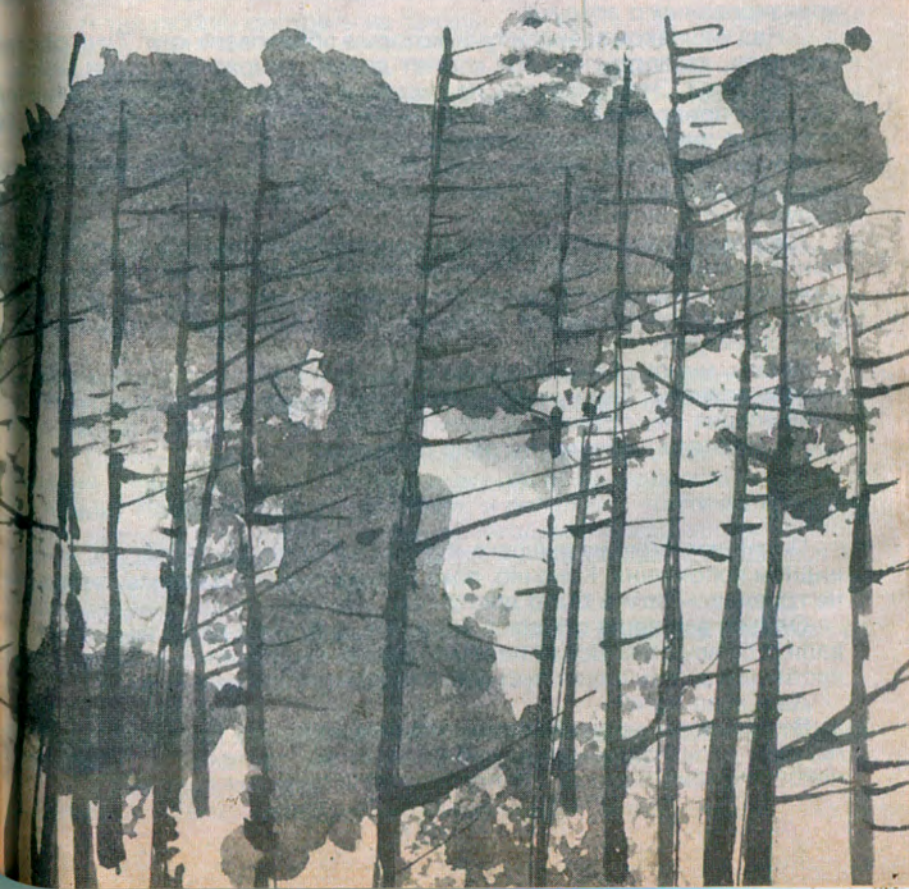
Как передать людям этот бесценный опыт? Поначалу Зерен пытался сообщить его по биосвязи маленькому Атагельды. Но из этого ничего не получилось. Видимо, информация для внука Курбана оказалась слишком сложной. Мальчик плохо спал, кричал по ночам, но усвоить того, что передавал Зерен, не сумел.

Тогда иногалактический мозг нашел другой выход. После того как была использована для задуманного им эксперимента сферическая полость, он решил использовать ее стены как площадку для живописи.

Тончайшие кисти, по капиллярам которых подавалась разноцветная краска, выводили крупным масштабом глаза. Кисти — верхушки растений — двигались медленно, со скоростью вращения часовой стрелки, так что человек, каким-то чудом оказавшись он здесь, посчитал бы их неподвижными.

Человеку, впрочем, суждено было попасть сюда только спустя несколько долгих столетий. И образцы наскальной живописи даже тогда так и не были полностью разгаданы. Но это уже другая история...

Рядом с глазом, изображенным разными красками, схематически изображался человек, и соответствующая линия показывала связь

между больным органом и изменением в глазном дне.

Нужно сказать, что рисунки на стенах пещеры — не единственное послание Зерена, дошедшее до нас сквозь толщу времен. Осталось еще нечто, чего не сумел размыть поток бурливых лет.

Но если рисунки на стенах Зерен оставил сознательно, то другое получилось у него непроизвольно.

Дело в том, что с изменением климата у Зерена не ладилось. Тучи, которые он вызывал над кишлаком, затрачивая на это немалую энергию радиации, не давали нужного эффекта. Дождя получалось мало, облака, вызванные ионизацией воздуха, быстро расходились, таяли в бездонном небе без следа. Видимо, слишком мало было влаги над пустыней.

Зерен так и этак варьировал интенсивность лучей, но толку было мало. Тогда Зерен решил несколько мощных корней, залегающих близко к поверхности, использовать в качестве проводников электрического тока, кратковременного и сильного. Корни расположились по кругу, и движение тока должно было вызвать над почвой круглый столб ионизированного воздуха.

...Над кишлаком зависли тучи, которые образовали круг. Тучи росли, набухали, казалось, вот-вот хлынет дождь, разразится гроза неслыханной силы. Этого, однако, не произошло. Кольцо облаков каким-то образом превратилось в гигантский аккумулятор, который без конца поглощал энергию, не торопясь собирать влагу.

Почуввав неладное, Зерен прекратил подачу энергии наверх, но было поздно: облачный диск превратился в самостоятельную, саморегулирующуюся систему. Слишком много энергии накопилось в нем.

Диск начал вращаться, сначала медленно, потом все быстрее, что придало ему устойчивость. И затем, уже не связанный никакими нитями с оазисом, не спеша двинулся прочь от того места, которое его породило. В пути он сжимался, уплотнялся, перестраивая пространственные структуры.

Много, много времени спустя люди будут наблюдать его в разных частях планеты, именуя по-всякому — летающее блюдо, корабль пришельцев, неопознанный летающий объект и прочее в том же духе.

Но до этого протечет не одно столетие.

х х х

После изгнания из кишлака Курбан и Атагельды очутились в незавидном положении. Конечно, пока они оставались в оазисе, гибель им не грозила — здесь было достаточно и воды, и пищи в виде плодов.

Однако все вещи остались в хижине, а без них дед и внук чувствовали себя неуютно. Все их перемещения были ограничены оазисом: как пуститься в путь через пустыню без всякого снаряжения?

Да и куда идти?

В первый вечер они выбрали в оазисе местечко, где растительность погуще, перевязали между собой верхушки растений — получилось некое подобие шалаша. На пол нагребли опавших листьев.

— Что ты все оглядываешься? — спросил Курбан. — Не думаю, чтобы за нами пустились в погоню.

— Мне все время кажется, что за мной наблюдают, — пожаловался Атагельды.

— Слишком много тебе кажется... — проворчал дед, — ладно, довольно об этом.

Они съели по плоду, прилегли на листья. Сквозь ветки просвечивало звездное небо.

— Дедушка, это правда, что я умру? — неожиданно спросил мальчик.

— Правда.

— Я не хочу умирать!

— Все люди смертны, — вздохнув, погладил бороду Курбан. — Тут уж ничего не поделаешь.

— А звезды?

— Что звезды? — не понял старый кузнец.

— Звезды тоже умирают?

— Да.

— Я так люблю смотреть на звезды... И гадать, где среди них моя звездочка.

Они помолчали.

— Скажи, а как звезды разделились на созвездия? — нарушил паузу Атагельды.

— Это сделали не звезды, а люди.

— Для чего?

— Чтобы лучше ориентироваться в безбрежном звездном океане, — сказал Курбан.

— Когда вырасту, я стану астрономом и пересчитаю все звезды на небе!

— Всех звезд не перечесать, — задумчиво произнес кузнец, глядя вверх сквозь переплетения стеблей. — Люди будут открывать все новые и новые небесные светила.

Атагельды пошуршал листьями, укладываясь поудобнее.

— Дедушка, а правда, что звезды влияют на судьбу? — уже сонным голосом спросил он.

— Святая правда, — откликнулся Курбан, — да и как может быть иначе? Ведь звезды — это очи вселенной, ее сущность и душа. А человек? Разве он сам по себе? Нет, и он тоже — частичка космоса. Вот и выходит, что человек связан со звездами неразрывными нитями.

— И моя судьба зависит от звезд? — Атагельды приподнялся на локте, пораженный этой мыслью.

— И твоя.

— А как узнать ее, мою судьбу? — Голос мальчика зазвенел от волнения.

— Что тебя волнует?

— Мое будущее!

— Этого я, к сожалению, не знаю, — тяжело вздохнул старый Курбан.

— А кто может узнать?

— Ученые люди, астрологи.

— Как они это делают?

— Им открыта книга судеб, — уважительно произнес кузнец. — А я знаю только то, что всех созвездий на небе — 88. Но не все они влияют на человеческую судьбу. Солнце в течение года проходит через двенадцать созвездий, которые называются зодиакальными.

— Зодиакальный? — повторил Атагельды незнакомое слово.

— Зодиак в переводе означает "животный круг", — пояснил Курбан. — Кроме зодиакальных созвездий, существует еще семь главных светил: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн... Светила эти обладают большой властью. Так, например, им подчиняются земные металлы. Луне — серебро, Меркурию — ртуть, Венере — олово, Юпитеру — медь...

Как зачарованный слушал Атагельды рассказ деда, сон улетел от него. Подумать только, далекие светила, которые по ночам равнодушно сияют на небе, оказывают влияние на земные дела, на судьбы людей!

— А какой металл подчиняется Солнцу? — спросил Атагельды.

— Золото, конечно, тут никаких сомнений нет: достаточно взглянуть в полдень на это ярчайшее светило, чтобы понять, что оно — родной брат благородного металла.

— Золото... — задумчиво повторил мальчик. — Оно приснилось мне недавно.

— И верно, нам с тобой оно может только сниться, — заметил старый кузнец.

— Ну а каким металлом распоряжается Марс? — продолжал расспросы Атагельды.

— Железо.

— Железо! — повторил внук. — Ведь все оборудование для кузницы делают из железа.

— И что?

— Давай помолимся Марсу, попросим его помочь нам.

— Не так все просто, мой милый. Когда и как обращаться к Марсу, знают только астрологи.

— Ты не назвал еще Сатурн, — напомнил Атагельды.

— Сатурну подчиняется свинец.

— Но ведь это все металлы, — заметил Атагельды. — А при чем здесь судьбы людей?

— Семь главных светил управляют не только металлами. Им подчиняется еще многое. Кое-что я позабыл, стар стал... Но помню, например, что Сатурн управляет жизнью, а кроме того, знаниями и наукой. Юпитер — честь, желаниями, богатством. Марсу — войны, браки, еще что-то... Солнцу подчиняются счастье, надежда, доходы и наследство. Венера — это дружба и...

— Любовь.

— И любовь, — подтвердил старик. — Что касается Меркурия, то в его ведении находятся прежде всего торговля, затем болезни и долги.

— Болезни? — перебил Атагельды.

— Ну да.

— Выходит, дедушка, это Меркурий вылечил твое сердце?
— Не знаю. Может быть, и так, — согласился кузнец.
— Ты еще о Луне не сказал.
— У Луны тоже дел хватает, — произнес Курбан. — Она отвечает за сны, грабежи и раны.
— Раны! — воскликнул мальчик. — Но это значит, что...
— Ладно, хватит. Пора спать, — перебил его старик.
— Дедушка, миленький, но ты еще ни слова не сказал о созвездиях зодиака, — взмолился Атагельды.

— Тут мне и самому мало что известно. Ученые люди полагают, что каждое зодиакальное созвездие служит пристанищем для определенной планеты. Скажем, Козерога и Водолея — для Сатурна, Тельца — для Венеры, Овна и Скорпиона — для Марса. А больше не помню. Когда планета находится в своем прибежище, ее влияние на человека усиливается.

— погоди, дед, у меня голова пухнет, — пожаловался Атагельды. — Ты мне скажи в двух словах, как узнать судьбу человека?..

— Для астролога нет ничего проще, дружочек. Для этого нужно только знать точную дату рождения человека, а затем записать расположение светил на этот момент. Это и будет, как его... гороскоп.

— А если...

— А теперь спать. И никаких разговоров! — С этими словами Курбан демонстративно захрапел, отвернувшись к зыбкой стенке импровизированного шалаша.

Анартай проснулся на рассвете. В окошке саманной хижины еле брезжил рассвет. Бросил взгляд на отца: тот спал сторожко, мог проснуться от любого шороха. Ему почудилось, что Ахметхан шевельнулся, и Анартай замер, вглядываясь в лежащую фигуру. Нет, обошлось.

Он опустил босые ноги на пол, искусно устланный листьями. Женщины из каравана трудились над ними несколько дней, сшивая бархатистые края.

В это утро он решил прогуляться в середину оазиса. Широкая дверь, сделанная из переплетенных стеблей, отворилась без скрипа, выпустив его.

На единственной улице было пустынно.

Проходя мимо убогой хижины Курбана, он вспомнил вчерашнюю сцену, закончившуюся изгнанием деда и внука. Люди каравана давно поговаривали, что они знакомятся с нечистой силой. И все-таки какое-то щемящее чувство не оставляло Анартая.

Зачем он шел в заросли? Спроси его — Анартай и сам, пожалуй, не сумел бы ответить. Его влекло туда какое-то смутное чувство, то ли ожидание неведомого чуда, то ли вина перед изгнанными.

Чем дальше, однако, он углублялся в заросли, тем больший страх и неуверенность охватывали его. Припомнились рассказы о таинственных ударах, которые наносила невидимая сила, когда человек пытался прикоснуться к центральному стволу или к другим, расположенным неподалеку. Срубить бы этот проклятый ствол, чтобы не мог приносить

людям вреда. Но чем? Хорошо бы отыскать нож, оброненный когда-то в драке с Атагельды. Место он запомнил.

Анартай пробирался медленно, часто останавливался, прислушивался. Не обнаружив ничего подозрительного, двигался дальше.

Странное дело: ему казалось, что листья как бы оборачиваются ему вслед, словно следя за идущим. Но Анартай счел это игрой расстроенного воображения.

В зарослях было сумрачно, солнечные лучи сюда пробивались с трудом. Но глаза Анартая привыкли, и он ориентировался неплохо.

Вот оно, место, где у них произошла баталия с Атагельды. Вот сюда его противник, исхитрившись, отбросил нож, отменный нож из стали, которая не тупится.

Анартай опустился на колени и приступил к поискам. Нож, однако, не находился. Он обследовал пядь за пядью, перевернул каждый лист. Странно, ведь нож не иголка. Или, может, Атагельды вернулся и забрал его?

Отчаявшись в поисках, Анартай отломил острый кусок засохшего стебля и принялся копать почву: вдруг нож воткнулся острием в землю? И снова странность: в некоторых местах стебель наткнулся на что-то твердое, пока в конце концов не сломался. "Видимо, глина слежалась и закаменела", — подумал Анартай. Он отбросил сломанный стебель и зашагал прочь.

Вдали замаячил главный стебель, окруженный густым подростом молодых растений. С шумом их раздвигая, Анартай сделал несколько шагов. В первое мгновение он не поверил своим глазам — настолько толще стал ствол. А верхушка его уходила высоко в небо. Старый стебель походил теперь на стройное дерево средней толщины.

Мальчик подошел к нему вплотную. Если раньше растение было полупрозрачным и можно было наблюдать токи, которые пульсировали внутри, то теперь внутреннюю жизнь растения скрывала гладкая, глянцевиная кора красноватого оттенка.

Несколько раз Анартай протягивал руку и тут же отдергивал ее, боясь коснуться. Наконец, решившись, потрогал кору. Ничего не произошло. Зловредное растение утратило свою силу!

Осмелев, Анартай похлопал его, затем изо всей силы ударил кулаком. Потом попытался потрясти, но ствол не шелохнулся.

Только тут он обратил внимание, что растение под руками слегка вибрирует. Он приник к нему ухом — от ствола исходило еле слышное гудение. Скверное растение! Ясно же, что дело здесь нечисто.

Он посмотрел вверх. Небо, еще недавно ясное, начало хмуриться. Прямо над головой появилось белое облачко, оно росло, увеличивалось на глазах.

Попасть в грозу совсем не улыбалось Анартаю. Ударив напоследок ногой в ствол, он повернул обратно, к кишлаку.

Ясно, что свалить старое растение без какого-либо орудия нечего и думать.

— Я еще вернусь сюда, — проговорил Анартай, раздвигая листья, заслоняющие дорогу.

Ветка царапнула щеку, он машинально отломил ее. Рука коснулась легкого шрама, который остался после страшной язвы, столько лет мучившей его.

Когда он вернулся в кишлак, жизнь здесь была в разгаре. По распоряжению Ахметхана люди очищали новые участки под посев, обрабатывали их. Освобождали от листьев, убирали засохшие стебли. Перепревшие листья успели образовать слой перегноя, скрывший песок пустыни.

Не было, увы, почти никаких земледельческих орудий, без них приходилось трудно.

— Зря кузнеца прогнали, караванбаши, — осмелился бросить старик, когда Ахметхан проходил мимо участков, поигрывая плеткой.

— А что с него толку? — презрительно усмехнулся караванбаши, замедляя шаг.

— Кузнец есть кузнец.

— Кузнец без кузни! — махнул камчой Ахметхан, снова пускаясь в путь.

— А надо, так отыщем его в два счета, — угодливо заметил кто-то. — Никуда он из оазиса не денется.

— Оазис так разросся, что его не обойдешь, — возразил старик и крахтя поднял с земли охапку листьев.

х х х

Курбан и Атагельды жили, скитаясь среди зарослей оазиса, благо, проблем с едой и питьем не было. Ночевали, где их застигала ночь, на скорую руку соорудив шалаш с крышей из связанных верхушек растений. Наутро Атагельды их развязывал, бережно расправляя стебли.

Поначалу Курбан сгоряча решил было покинуть оазис и продолжить давным-давно прерванный путь. Однако вскоре понял, что предприятие это без всякого снаряжения обрекло бы их на верную гибель.

Горечь обиды на жителей кишлака со временем улетучилась.

— Может, они и правы? — сказал однажды Курбан, когда они сидели у крохотного костерка, готовя печеные плоды.

— Что ты такое, дед, говоришь? — возмутился Атагельды и, с хрустом переломив засохший стебель, подбросил его в огонь, вызвав целый сноп золотистых искр.

— А что? Мы для них чужаки, зачем мы нужны им? — грустно улыбнулся Курбан.

Мальчик палкой помешал плоды, доспевающие среди пышущих жаром угольев.

— Но ведь мы первые нашли оазис, еще когда он был крохотный, — нарушил он долгую паузу.

— И что?

— Значит, мы хозяева его!

— Хозяева, говоришь? — усмехнулся кузнец. — Запомни, дружок: кто сильнее — тот и хозяин. Так уж повелось на этом свете.

— Закон зодиака?

— Не шути с этим, — посуровел Курбан.

Костер догорел и погас. Бархатное небо, казалось, опустилось еще ниже, почти задевая верхушки стеблей. Совсем рядом, протяни руку, висели таинственные звезды и созвездия, о которых рассказывал Курбан. Не они ли влияют на судьбы людей? И какая из них руководит его, Атагельды, действиями, предопределяет его судьбу?

Старик ловко разгреб угли, подернутые пеплом, и выкатил пропеченные плоды на траву, густо пробивающуюся сквозь палые листья.

Пища получилась отменной. Они очищали кожуру и ели, обжигаясь, сочную мякоть. Курбан и Атагельды привыкли, что плоды каждый раз имели другой вкус, причем именно такой, какой тебе хотелось.

— Нас, наверно, скоро забудут в кишлаке, — негромко сказал Атагельды.

— Мы там не нужны, — откликнулся Курбан. — А дом наш и кузницу, наверно, конюшней сделают...

— Сколько же нам жить здесь, дед, скитаясь в зарослях? — задал Атагельды вопрос, давно мучивший его.

Старик пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Давай вернемся в кишлак, — предложил Атагельды, поднимаясь с земли. — Может, нас примут?

— Едва ли, — покачал головой кузнец. — Слишком по-плохому мы расстались.

Мальчик направился в заросли.

— Ты куда? — спросил дед.

— Листьев наберу на постель.

— Жаль, даже баклажки у нас нет, — произнес Курбан и сжал бороду в кулаке, что служило у него признаком нерешительности.

— Хочешь пить? — обернулся и посмотрел на него Атагельды. При свете гаснущих углей лицо деда показалось ему необычно бледным.

— В горле пересохло, — сказал Курбан. — Пойдем поищем воду?

— Я пить не хочу, — ответил Атагельды. — Сходи сам. Колодец здесь недалеко. Вот за этой лужайкой возьмешь вправо...

Курбан продолжал сидеть, скрестив ноги, словно факир.

— Ты что, боишься?

— Боюсь, — признался кузнец и виновато улыбнулся. — Когда-то меня ударило...

— Да когда это было!

— А я до сих пор помню. Такхватило — еле жив остался. А в темноте немудрено задеть ствол.

— Эх, дед, — укорил Атагельды, — знаешь звезды и знаки зодиака, а сам темный, как эта ночь. Как люди кишлака.

— Темный, — покорно согласился старый кузнец. — Так проводишь меня?

— Пойдем, — согласился мальчик.

Старик поднялся:

— Шагай, я за тобой.

Листья, воздетые, словно ладони, казались вырезанными на фоне

неба. Стояло новолуние, и среди зарослей было темно. Мальчик шел безбоязненно, нарочно брался руками за стволы, чтобы показать деду, что опасаться нечего, хотя сердце его при этом и екало.

Колодец открылся перед ними неожиданно. Вода в нем тускло поблескивала, как всегда, на одном уровне. Поверхность жидкости казалась слегка выпуклой. В глубине ее отражалась одинокая звезда.

Курбан пил воду пригоршнями. Пил долго, отдыхал и припадал снова к живительной влаге. Поверхность колебалась, шла кругами, звезда исчезла.

Наконец кузнец поднялся с колен, вытер ладонью капли с бороды.

Внук спросил:

— Вода сладкая?

— Как всегда, — ответил Курбан и добавил: — знаешь, Ата, каждый раз, как попью из колодца, чувствую себя получше.

Атагельды ограничился тем, что, зачерпнув воды, омыл лицо и руки.

Где бы по зарослям ни бродили кузнец и внук, они неизменно возвращались к самому старому стволу. Так уж получалось потому, что обычно впереди шел Атагельды, выбирая путь, и к центральному стволу его каждый раз влекло смутное чувство, некий внутренний компас.

— Мы живем, как птицы, — сказал однажды Курбан. — Не сеем, не жнем, а сыты бываем.

С едой все было в порядке, а вот одежда поистрепалась, и они выглядели двумя оборванцами: хламиды их были сшиты из листьев, на эти одеяния постепенно перешли многие жители кишлака. Листья истерлись, взлохматились от постоянных блужданий по зарослям, а иголки с ниткой, чтобы сшить новую одежду, у Курбана не было.

День сменялся днем, время струилось, как песок из горсти.

Однажды вечер застал их на поляне, подарившей когда-то неожиданную находку — молоточек из металла, который не ржавеет.

— Какая вещь была: точная копия моего кузнечного молота, — в который раз удивился Курбан.

— Будет тебе, дед.

— Больше всего жажду о молоточке, — не успокаивался старик. — Наверно, его забрал себе Ахметхан.

— Да уж, нужны ему твои игрушки.

Курбан покачал головой.

— Это не игрушка.

— А что же? Таким молоточком и паршивого гвоздика не забьешь.

— Дело разве в гвоздике? — возмутился старик. — Ведь это была точная копия моего кузнечного молота! Как будто кто-то подсмотрел мои сны и воплотил их наяву...

— Ладно, давай ночлег готовить, — прервал его Атагельды. Он знал по собственному опыту, что дед, сев на любимого конька, мог не слезать с него долго, очень долго.

Мальчик принялся привычно связывать верхушки растений, а Курбан стал разравнивать пол будущего шалаша.

— Нагреби-ка побольше листьев, — попросил старик.

— Я собрал, — показал Атагельды на охапку.

— Этого мало. Почва здесь, понимаешь, какая-то твердая, словно каменная, — пожаловался кузнец. — Да еще углы какие-то торчат острые!

Атагельды швырнул собранную охапку листьев на землю и опустил ся на колени рядом с Курбаном.

Солнце еще не успело погрузиться за горизонт, его раскаленный ободок посылал прощальные лучи. Световые пятна лежали на земле, словно пролитая жидкость.

— Да, здесь что-то твердое, — подтвердил Атагельды. — Гладкая поверхность. А знаешь, дед, ты можешь не поверить, но прошлой ночью мне приснилась эта поляна. Будто у меня выросли крылья, и я лечу к ней, гляжу — а земля прозрачная, я вижу ее на большую глубину, а там плавают туманные сгустки, они становятся все плотнее, а потом... — Мальчик перевел дух, мучительно подыскивая слова.

— Довольно с меня твоих выдумок, — сердито оборвал его Курбан, — сколько раз говорил: оставь свои сны.

— Да что же я могу сделать, если они мне снятся! — вырвалось у Атагельды.

— По крайней мере держи их при себе. Не рассказывай никому. Сам видел, к чему это приводит.

— Но тебе-то я могу...

— И я не хочу об этом слушать.

Бросив эту фразу, старик снова принялся разгребать слежавшиеся листья. Вдруг он ойкнул, отнял руку и затряс в воздухе, словно ожегшись.

— Ты что, дед? — спросил мальчик.

Старик внимательно оглядывал руку.

— Порезался, — буркнул он и сунул палец в рот. Но тут же вытащил палец и, осененный внезапной мыслью, с удвоенной энергией принялся разрывать листья. Наконец, ухватившись за острый край, он с торжеством вытащил какой-то длинный предмет.

— Мотыга! — вырвалось у Атагельды. — Откуда она здесь взялась?

Что касается кузнеца, то он в эти мгновения вообще потерял дар речи. Мальчик потянул к себе мотыгу, чтобы рассмотреть ее, но старик ни за что не хотел расставаться со своей находкой, словно боялся, что она исчезнет, растает в вечернем воздухе. Он то подносил ее к самым глазам, то оставлял в вытянутых руках, чуть ли не обнюхивал, стараясь уразуметь свершившееся чудо.

Да и было чему удивляться. Начать с того, что это не была мотыга в обычном смысле слова, из тех, к которым он привык за долгие годы работы в кузнице. Это не был наточенный кусок металла соответствующей формы, насаженный на деревянную ручку.

Нет! Это странное орудие казалось сработанным из цельного куска материала, однородного по составу.

Сам же материал был неведом кузнецу. Это не было ни железо, ни дерево. А что — неизвестно.

Атагельды удалось наконец овладеть мотыгой. Он тщательно очистил ее от земли, налипшего сора и песчинок.

Вещество напоминало антрацит. Плотное, какое-то слежавшееся. Вдруг это хрупкая игра природы, причуда, которая расколется от первого удара?

— Может, эта мотыга — просто кусок угля? — произнес Курбан, словно угадав мысли внука.

— Может, — ответил Атагельды и осторожно провел пальцами по гладкому черенку.

— Пачкается?

— Нет.

— Дай-ка сюда!

Мальчик с неохотой вернул тяжелую мотыгу. Курбан взял ее в руки и решительно размахнулся.

— Не надо! — закричал Атагельды и бросился к деду.

— Испытать ее хочу.

— А вдруг на куски разлетится?

— Значит, туда ей и дорога, — сказал кузнец, окидывая взглядом находку. Теперь ему показалось, что мотыга вырезана из куска черного гранита.

— Жалко, — прошептал мальчик. — Красивая такая...

— Отойди! — велел Курбан и, коротко развернувшись, ударил мотыгой о землю, усеянную листьями.

После этого оба осмотрели оружие: на нем не было ни единой трещины. Атагельды издал торжествующий вопль, а Курбан с сосредоточенным лицом принялся яростно молотить землю. Он бил по ней мотыгой изо всей силы, представляя, возможно, что перед ним наковальня или кровный враг, доставивший ему и внуку столько бед.

Атагельды смотрел на него, прикусив губу: ему еще не доводилось видеть деда в таком состоянии.

Наконец, задохнувшись, Курбан опустил мотыгу, распрямился.

— Сердце схватило? — с тревогой спросил Атагельды.

— Про сердце я и думать забыл. Давно не работал, притомился немножко, — смущенно улыбнулся старик.

Бросив на деда взгляд, мальчик подумал, что Курбан с растрепавшейся бородой и неведомым оружием в руках напоминает джинна из страшной сказки. Только вот была ли у джиннов мотыга?..

Атагельды переступил с ноги на ногу.

— Тяжелая, понимаешь, очень, — оправдывался старик, опираясь на мотыгу. — Будто вся даже не из железа, а... сам не знаю из чего. У ног Курбана темнело сделанное им углубление.

— Дай-ка и я, — попросил Атагельды и протянул руку к мотыге.

— Поработать хочешь?

— Хочу.

— Это хорошо, — похвалил старик и отдал ему оружие.

Бить мотыгой оказалось нелегко. Слишком тяжелая, она к тому же оказалась скользкой и все время норовила выскочить из рук. Но

Атагельды держал ее цепко, старался действовать истово, не спеша: не мог же он опозориться перед дедом!

Для начала он подровнял края ямы, выбитой Курбаном, а затем решил углубить ее. Постепенно приунылся к мотыге, вроде даже она полегче стала, чего быть, конечно, не могло. Острый клык ее, и не думая притупляться, исправно вгрызался в почву, взрыхляя ее.

Вскоре показался песок.

Мальчик остановился, вытер пот со лба.

— Что это за наваждение напало на нас? — удивился старик. — Наверно, просто руки по работе истосковались. Давай шалаш закончим, скоро ночь наступит...

— Дед, я еще немного поработаю, — возразил Атагельды, повинувшись необъяснимому импульсу.

Курбан что-то проворчал про упрямых ишаков, но отошел в сторону.

Еще несколько ударов по песку — и мотыга глухо звякнула, задев какой-то твердый предмет. Атагельды отбросил мотыгу в сторону, и оба одновременно нагнулись, стукнувшись лбами, и принялись руками разрывать почву.

х х х

Возвращение Курбана с внуком в кишлак стало общим праздником, и после они часто вспоминали о нем.

Куда девались общая недоброжелательность, подозрительность! Отношение людей к Атагельды и его деду коренным образом изменилось. Дом — и кузницу! — быстро привели в порядок. Теперь их подворье не обходили стороной. Наоборот, здесь с утра толкся народ, и не только язык почесать. Большинство приходило по делу — им нужен был кузнец.

Да, у Курбана появилась возможность работать, и это наполнило смыслом и радостью жизнь старика. Он просыпался на рассвете и спешил совершить омовение, и руки уже сладостно ныли в предвкушении тяжести кузнечного молота.

Хватало занятий и Атагельды — по кузнице всегда много работы, особенно когда желаешь постичь все тонкости серьезного ремесла.

В разговорах дед и внук частенько возвращались к первой после изгнания встрече с жителями кишлака.

— Мы же с тобой, дед, не изменились, остались прежними, — удивлялся Атагельды. — А они, которые прежде готовы были растерзать, бросились к нам, словно к братьям родным...

— Людям свойственно меняться, — замечал Курбан, задумчиво поглаживая бороду.

— Только не этим людям! — перебивал Атагельды. — У меня до сих пор перед глазами свирепое лицо Ахметхана, когда он стегал тебя и меня камчой. А Анартай? Он бросался на меня, словно цепной пес. Да и все они, кроме одного... И ты хочешь сказать, что они изменились?

— И верно, здесь есть над чем поразмыслить, — соглашался старик.

кузнец. — Но к тому же не забывай, что мы возвратились из зарослей не с пустыми руками...

Вот это была святая правда! Курбан и Атагельды с помощью мотыги отрыли в оазисе все предметы, составляющие оборудование кузницы: здесь были и массивный горн, и щипцы разных размеров, и клещи для вытаскивания инструментов из пламени, и молот, и многое, многое другое, что могло им только грезиться в мечтах.

Все предметы были сделаны из одного и того же вещества, из которого состоял первый обнаруженный ими предмет — мотыга. Тяжелый, плотный, надежный материал.

Когда схлынула первая волна удивления и радости, они проверили каждый инструмент — ни один не подвел, не сломался, не дал даже трещинки.

Вытащив со дна ямы маленький гвоздодер, Курбан добавил его к груде инструментов, уже отрытых и лежащих неподалеку, прислонил к ним мотыгу, вытер лицо и произнес:

— Все!

— Давай еще покопаемся, — предложил Атагельды.

— Едва ли там еще что-нибудь есть, — кивнул Курбан в сторону ямы. — Очень просто, — пожал плечами старик. — Мы достали со дна все, что составляет оборудование кузницы. Тот неведомый человек, который, на наше счастье, зарыл этот клад, не мог больше ничего закопать.

— Ты уверен?

— Я бил кувалдой по наковальне, еще когда ты на свет не народился, — обиделся Курбан.

Атагельды, казалось, колебался. Он смотрел то на деда, то на яму, вырытую ими, а то и вовсе в сторону старого ствола, который, подобно дереву-патриарху, возвышался поодаль. Похоже было, мальчик к чему-то прислушивался.

— Давай рыть, — сказал он просто.

— Ох упрямец, — покачал головой старик. — Ну объясни хотя бы, с чего ты взял, что мы не все выкопали?

— Дед, не спрашивай лучше, — в голосе мальчика зазвенели слезы, он помотал головой, словно отгоняя наваждение. — Начну говорить — опять станешь ругаться, что я не от мира сего. Не хочешь копать — не надо! — крикнул он и ткнул ногой мотыгу.

— Успокойся, малыш, — погладил его по голове старик. — Я не против. Давай покопаемся еще и тогда увидим, кто из нас прав.

И они рылись в духоте зарослей еще добрый час, пока не достали со дна ямы порядочную глыбу того же материала, из которого были сработаны кузнечные инструменты.

— Что это? — удивился Атагельды, разглядывая глыбу, которую они не без труда выкатили на поверхность.

— Материал для работы, — пояснил старик. — Вместо железного лома. Первое дело для кузнеца. Уж не знаю, как нам благодарить неизвестного благодетеля.

Потом, когда они присели отдохнуть на груду листьев, Курбан по-

ложил голову мальчика себе на колени и, ласково почесывая ее, произнес:

— Твоя взяла, малыш. Как это все-таки получилось, просвети старика.

— Откуда я знаю, — прошептал Атагельды и вдруг заплакал.

— Что с тобой, малыш? — встревоженно спросил кузнец и потрогал его лоб: тот был горячим.

— Голова...

После красочных видений, похожих на сон наяву, голова мальчика раскалывалась. Кто-то невидимый вбивал в нее огненные клинья, и каждый удар болезненно отзывался во всем тщедушном теле.

Курбан смочил ему лицо и грудь остатками воды, которую они умудрялись хранить в свернутом воронкой листе, и Атагельды стало полегче.

Назавтра после находки Курбан один отправился в кишлак, как он говорил, — на разведку. Атагельды остался на месте — он чувствовал себя еще слишком слабым.

Да, отношение к ним в кишлаке изменилось, как изменился за эти месяцы и сам кишлак. Растения, которые раньше редкой цепочкой росли только вдоль улицы, теперь заполнили едва ли не все свободное пространство. Молодые побеги бесстрашно тянулись навстречу жгучему солнцу, и листья отбрасывали тень.

Дошло до того, что кое-где по улице приходилось протискиваться сквозь зелень, а уж о том, чтобы побегать, и речи быть не могло.

Однажды Атагельды встретился с Ахметханом, который спешил куда-то в сопровождении сына. Атагельды хотел уклониться в сторону, но Анартай окликнул его.

Поздоровались.

— Почему играть не приходишь? — спросил Анартай, приветливо улыбнувшись.

— Занят в кузнице... Деду помогаю... — пробормотал ошеломленный Атагельды. Прежде их игры сводились к стычкам и жестоким потасовкам.

— А что же меня не приглашаешь? — продолжал Анартай с той же улыбкой. — И я бы помогал.

Атагельды на всякий случай сделал шаг назад, ожидая подвоха.

— Приходи... — сказал он.

— Видишь, как кишлак зарос за то время, что вас не было? — вступил в разговор Ахметхан. — Ни пройти ни проехать. Благодать!

— Что же вы не вырубите лишнее? — спросил Атагельды, постепенно смелея.

Караванбаши шевельнул камчой, которая, как всегда, висела на руке:

— Сам же запретил.

— Я?

— А кто говорил много раз: зеленые растения трогать нельзя. Ни ломать, ни рубить. Только те, что засохли. Вот мы и слушаемся, — произнес Ахметхан то ли в шутку, то ли всерьез.

Атагельды хотел пояснить, что речь шла только об одном растении —

самом старом, патриархе, возросшем в центре оазиса, но вместо этого сказал:

— Так ведь ходить трудно.

Ахметхан усмехнулся:

— Зато тени много.

...Нужно ли говорить о том, что общее удивление вызвала как находка изгнанников, так и материал, из которого были сделаны орудия кузнечного труда.

Аульчане разглядывали предметы, вертели их, а кто-то даже попытался попробовать на зуб. Но постепенно происшествие забылось, и жизнь вошла в привычную колею.

Работы, о которой Курбан прежде мечтал, теперь хватало, и даже с избытком.

Обычно уже с утра во дворе кузнеца выстраивалась небольшая очередь. Тому выючную скотину подковать, подкову поправить, этому — косу заточить... Да мало ли дел?

Ежели требовался материал, Курбан брал его от глыбы, валяющейся в углу кузницы. Отбивал кусок и пускал в дело. Вещество хорошо плавилось и еще лучше поддавалось закалке.

— Если придется уходить отсюда — все брошу, а глыбу заберу, — сказал однажды Курбан внуку. — Это не материал — золотое дно.

(Мог ли тогда старый кузнец подозревать, как близки его слова к истине?)

Однажды дехканин из соседнего дома попросил сделать для него кетмень. Курбан отбил от глыбы кусок материала и вдруг заметил в нем какое-то вкрапление червонно-желтого цвета. Иностранное тело было размером с грецкий орех. Что бы это могло быть? Медь? Бронза? Или...

Кузнец неплохо разбирался в металлах. Он отнес отбитый кусок в кузницу и занялся его исследованием. Через короткое время сомнения исчезли: это было золото высокой пробы.

Старика захлестнули противоречивые чувства. Никогда еще не держал он в руках такого богатства: на это золото можно было бы, пожалуй, купить весь кишлак.

Он подошел к двери, осторожно приоткрыл ее. Двор был пуст. Не было даже Атагельды — он усакал куда-то вместе с Анартаем, они в последнее время подружились.

Сердце Курбана забилося, кажется, он впервые почувствовал его с тех пор, как поселился в оазисе. Спрятать золото? Но куда? В доме ничего не запирается, и потом здесь всегда бывает много народу. А найдут — этот поблескивающий обломок может стать причиной множества смут и раздоров, а то, чего доброго, и убийства. Выбросить? Опять-таки жалко. Да и глупо. И куда?

От беспокойных мыслей старика прошиб пот. Он входил и выходил из кузницы, заглядывал в дом, метался по подворью. Наконец надумал. Завернул обломок в тряпицу, бросил на дно холщовой сумки и, независимо походкой выйдя со двора, направился в сторону оазиса. Шел сквозь молодые заросли растений, и от сердца отлегло: кто его здесь увидит?

Но на выходе из кишлака повстречался старик — владелец скакуна.
— Куда путь держишь, Курбан? — спросил он приветливо.

Кузнец остановился:

— В оазис. Хочу сухих стеблей набрать.

— Разве мало тебе их здесь, на улице?

— Эти тонкие, не дают никакого жара. Мне для горна нужны по толще, — пояснил Курбан.

— Послушай, — оживился старик, — подожди меня здесь, я приведу коня, и мы навьючим его.

Кузнецу насилу удалось отвязаться от непрошенных услуг доброго приятеля. С изрядно подпорченным настроением забрался он туда, где заросли погуще, и зарыл поглубже золотой обломок. Затем сровнял почву, насыпал сверху листьев и в качестве ориентира воткнул сверху кусок засохшего растения, которое раздваивалось на манер бараньих рогов. Вдали возвышался центральный ствол — Курбан подумал, что это дополнительная примета. Что ж, настанет нужда — он достанет самородок. Здесь по крайней мере он будет в целости и сохранности.

В кишлак кузнец возвращался с облегченной душой. На выходе из оазиса набрал охапку стеблей потолка.

Дома уже дожидался Атагельды.

— Где был? — спросил он деда. Тот указал на охапку.

— Время свое не жалеешь, — заметил внук. — И себя тоже. Сказал бы, мы б с Анартаем принесли тебе самые отборные стебли!..

— Отколи от глыбы кусочек, — сказал Курбан. — Заказ есть.

— Сегодня на что?

— Кетмень будем делать.

Потом, когда они отдыхали, сидя рядом на глинобитной завалинке, Атагельды сказал:

— Дед, сажай вымазался.

— Где сажа?

— На бороде.

Курбан провел по бороде рукой, но она осталась чистой.

— Выдумываешь, — сказал он.

— Не выдумываю. Посмотри сам.

Старик скосил глаза. И впрямь борода вроде почернела. Во всяком случае седины в ней поубавилось.

— Въедливая сажа, — заметил кузнец. — Вечером приготовлю мытье с золой.

...Но это была не сажа.

х х х

"...Работа успешно идет. Фронт растений продвигается по пустыне. Со временем они вместе с искусственными облаками должны изменить местный климат".

"С молодой особью налажена стабильная биосвязь, которая становится двусторонней".

"Насторожила вспышка агрессивности, которую проявила попу-

ляция по отношению к двум особям. В результате две последние, по показаниям датчиков, были изгнаны в заросли.

Пришлось синтезировать — на молекулярном уровне — соединение, подавляющее воинственные инстинкты, и добавить его к колодезной воде. Результаты оказались хорошими. Убедиться в этом, однако, я сумел только много времени спустя, потому что обе особи ни за что не хотели возвращаться в поселение к остальным, видимо, опасаясь повторения инцидента.

Впрочем, я не настаивал на немедленном возвращении, воздействуя на мозг молодой особи: опыт научил меня в подобных случаях не фиксировать события. Тем более мне еще нужно было, чтобы они отыскивали примитивные орудия труда, синтезированные мной.

Эта операция прошла успешно. Мне быстро удалось их вынести на нужное место.

Попутно отмечу любопытное явление. Они оба каким-то образом ощущали зарытые предметы, хотя те находились под слоем почвы. Я слышал их реплики о "каких-то твердых плоскостях и острых углах". Это говорит о большом внутреннем потенциале двуногих: их органы чувств могут еще развиваться и совершенствоваться. Но этим займусь позже, когда будет время".

"Орудия, форму которых я узнал у Атагельды, получились удачно. Остался еще материал в виде глыбы, которую я решил прибавить к инструментам, также с помощью корней вытолкнув поближе к поверхности.

К глыбе в последний момент решил присоединить металл в виде небольших кружочков, содержащихся в узкогорлом глиняном сосуде, зарытом неподалеку от колодца. Металл этот, правда, был довольно мягок, но его имелось немного, и потому, думаю, качеству материала не повредит. Между прочим, имелись в сосуде и минералы с довольно любопытной пространственной структурой кристаллической решетки. Я оставил их в сосуде, чтобы после исследовать".

"Могу с удовлетворением отметить: несмотря на то что прошло уже много месяцев, ни один из двуногих, даже самого преклонного возраста, не умер. Это говорит о том, что я правильно разгадал их биологическую природу — пока, насколько мне известно, единственную во Вселенной — и в своих опытах нахожусь на верном пути.

Путь этот неблизок, но он ведет к великой цели, имя которой — бессмертие".

"Между тем занятости прибавляется с каждым днем, и растительные компьютеры работают с полной нагрузкой. Где они, те блаженные времена, когда я, Зерен, один из тысяч и тысяч дремал в анабиозе!..

Это ведь только беспечному и невежественному аборигену кажется, что растения растут сами по себе, лезут из песка как попало.

Ростом каждого я управляю, и каждый росток подчиняется мне. По сути дела вся растительность, весь гигантский оазис, все, что выросло в кишлаке и вокруг него, — это единый куст, выращенный мной. И жизненная сила, которой питается каждый стебель, каждый лист, исходит от меня, генерируется мной".

"Беспокоят меня облака.

Я задумал вызывать их, чтобы люди получали влагу и с неба в виде дождя. Конденсировал, сгущал над оазисом тучи с помощью ионизационных лучей, создавая центры для капель. Но здесь меня постигла серьезная неудача: видимо, слишком большую энергию передал я наверх. Круговое облако приобрело вращательный импульс и уплыло в неизвестном направлении, хотя по замыслу оно должно было постоянно висеть над оазисом, периодически снабжая его дождем.

Придется всю работу делать наново.

Утечка энергии оказалась столь большой, что на какое-то время я оказался без энергетической защиты. Придется подождать, пока снова аккумулируется ее запас. А пока я остаюсь беззащитным перед всякой случайностью.

Впрочем, надеюсь, опасность невелика. Слишком маловероятно, чтобы двуногие наткнулись на меня и вдруг вздумали уничтожить один-единственный стебель. Кроме того, обладая начатками памяти, они должны еще помнить защитные силовые поля..."

Сферическая пещера, в которой Зерен сотворил орудия труда для двуногих, стояла теперь пустой. Только на дне валялись остатки измельченных в прах листьев, а также застывшие капли расплава песка.

Инфразор Зерена, позволявший ему видеть в абсолютной темноте, скользил по стенам пещеры. Они были опалены адским огнем направляющих полей, из которых, подобно Афродите из пены морской, возникли орудия кузнечного производства.

На стенах, однако, остались рисунки и схемы, выведенные перед этим Зереном. Теперь он добавил к ним еще кое-какую информацию. Из нее люди многое смогут почерпнуть, но не сейчас.

Потом, через сколько-то поколений, взойдя на новую ступень цивилизации и разума, они узнают с помощью этих надписей в пещере о том, как определять болезнь организма самым простым и безошибочным образом — по изменениям в радужной оболочке глаза, о новых технологиях, о том, как можно создавать самые замысловатые машины не сборкой и подгонкой деталей, а компоновкой атомов и молекул с помощью соответственно подобранных силовых полей, о том, какое соединение и как синтезировать для каждого из заболеваний, и многое, многое другое.

Придет время, думал Зерен, и эти существа, ныне бродящие в одишьях, которые шиты из листьев, враждующие без всякого повода, совершающие поступки, лишенные всякой логики, — эти самые существа будут формировать в мощных силовых полях из кварков и прочих элементарных частиц космические корабли, которые понесут их в иные галактики.

И тогда две цивилизации, их и его, породнятся — а почему бы и нет? — в крепком рукопожатии равных.

Конечно, сейчас эта информация для двуногих — за семью печатями, если бы даже им и удалось расшифровать ее. Как, например, получать им звездные температуры, необходимые для синтеза?..

Однажды у Зерена мелькнула мысль: а хорошо бы ему дожить до времени, когда племя людей сумеет расшифровать и освоить информацию, которую он записал для них на стенах сферической пещеры.

Долго ждать? Что же, это повод подумать о проблеме бессмертия. Зерен начал размышлять о том, как можно увеличить время жизни, и задача увлекла его...

На этой планете он принял форму растения. Растение состоит из растительных клеток. Значит, начинать необходимо с клетки. В земных условиях такая клетка — сложнейший живой комбинат, где одновременно проходят тысячи химико-биологических реакций. Если эти реакции стабильны — клетка может жить до тех пор, пока получает энергию от светила. Желтое Солнце, прикинул Зерен, может существовать еще не меньше десятка миллиардов лет. Значит, клетка практически бессмертна.

Вывод: если научиться сменять в растении пораженные или умирающие клетки, можно существовать сколь угодно долго.

С каждым днем Зерен все лучше понимал слова — звуковые сигналы в акустическом диапазоне, которыми обменивались двуногие особи. Эти сигналы, как и прочую информацию о существах, до него доносили листья, образно говоря — глаза и уши Зерена.

Как-то он уловил жалобы старика, который был при смерти. Тогда-то Зерен и создал эликсир для живых клеток, который, будучи добавленным к колодезной воде, спас старика, да и на остальных оказал неплохое воздействие. Так, например, за несколько дней седины у Курбана в бороде заметно поубавилось.

После этого сведения об эликсире, который дает новую жизнь клеткам, также были начертаны на стене подземной шаровой пещеры.

Ребята шли долго. Шли молча: о чем говорить, когда обо всем переговорено? Сегодня они решили выполнить замысел, который лелеяли давно: дойти до края оазиса. Вернее, пересечь его из конца в конец.

Сначала они шли рядом, а потом, когда кишлак кончился и заросли начали становиться все гуще, как-то так само собой получилось, что впереди очутился Атагельды. Он шагал уверенно, ловко обходя толстые стволы и раздвигая листья. На боку его болталась сумка с баклажкой, полной воды.

Позади, отстав на несколько шагов, шел Анартай.

— Жаль, нет у меня ножа или тесака, — нарушил он молчание.

— Зачем тебе? — не оборачиваясь, спросил Атагельды.

— Отец рассказывал, что в джунглях люди не ходят без ножа: а вдруг хищник встретится?

— Здесь зверей не бывает.

— Все равно нужен нож: дорогу прорубать, — возразил Анартай. — Я и взял бы, да у меня нет.

Собеседник его промолчал.

— Выкует мне твой дед тесак, как думаешь? — озабоченно спросил Анартай.

— Нужно было раньше попросить. Ты же ходишь к нам в кузницу помогать.

— А что случилось?

— Позавчера Курбан последний кетмень выковал. Материал кончился.

Анартай присвистнул.

— Есть у тебя дома какой-нибудь металлический предмет? — спросил Атагельды. — Дед из него в два счета нож сделает.

— Найти-то можно... — на ходу почесал в затылке Анартай. — Да отец не позволит. У него все предметы на счету.

Главный ствол, возвышающийся над остальными, они оставили немного в стороне. Миновали и колодец, к которому вела узкая тропа. Атагельды подумал, что нынче здесь по-особенному душно.

Вышли ранним утром, а сейчас уже было за полдень. Оба устали, хотя и делали небольшой привал, но ни один не хотел признаться в этом первым. Вода, которой оставалось меньше половины, побулькивала в сосуде.

— Наберем в колодце на обратном пути, — решил Атагельды.

Наконец заросли начали редеть, растения стали пониже. Листья нежно просвечивали на солнце. Одни были совсем юные, другие уже готовились отмереть. Опавшие листья тихо шуршали под ногами.

Еще несколько шагов — и оазис кончился. Граница была резкой. Мальчики остановились перед ней. Позади были тень, пусть и не сплошная, подрагивающие без всякого ветра листья, нежный, все с тем же сладковатым привкусом запах перегной, удивительные полупрозрачные стебли, к которым и за год невозможно привыкнуть. Впереди — безбрежная песчаная пустыня, залитая беспощадным солнечным светом. Ребристые спины барханов, убегающих к горизонту, и на них ни кустика, ни травинки — ничего.

Крупинки кварца слепили глаза, и Анартай невольно зажмурился.

— Пойдем обратно, Ата, — произнес он и повернулся к чахлым зарослям.

— Подожди, — ответил Атагельды. — Я хочу выяснить одну вещь...

— Какую?

— Посмотреть, как оазис наступает на пустыню.

Атагельды медленно прошелся вдоль границы, внимательно глядя под ноги. Затем удовлетворенно кивнул и лег на живот, так что туловище было в тени, а голова осталась на солнце.

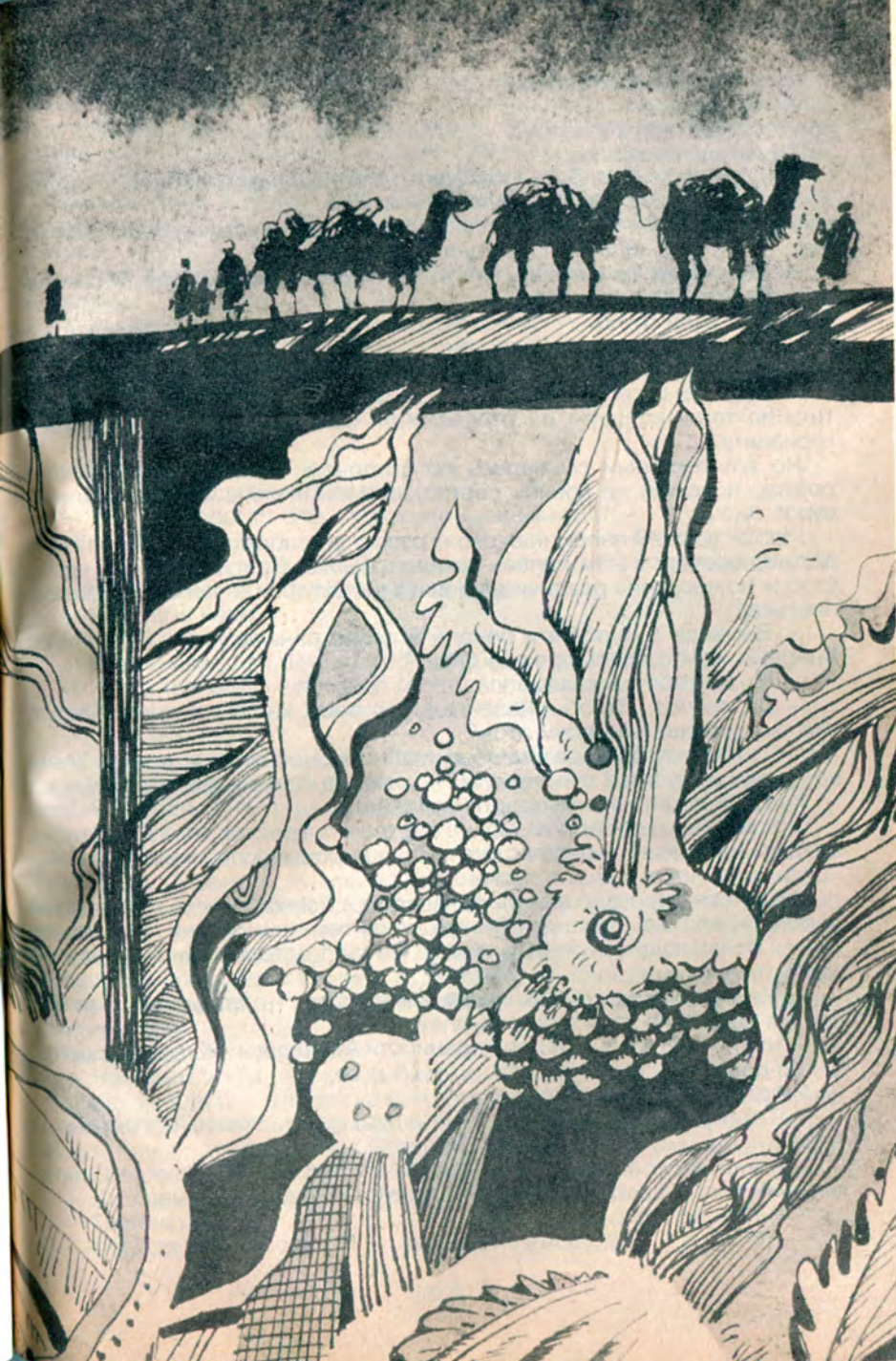
— Отдохнуть решил? — спросил Анартай, с интересом наблюдая за приятелем.

— Ложись рядом и смотри, — сказал Атагельды, не отрывая взгляда от крохотного, еле заметного песчаного бугорка.

Несколько минут Анартай выдержал, затем начал ерзать.

— Долго еще так лежать? — спросил он и толкнул Атагельды в бок.

— Я тебя не держу.

- А что должно произойти?
- Увидишь сам.
- Росток проклюнется? — догадался Анартай.

Приятель промолчал.

Анартай протянул руку к бугорку, но Атагельды отвел ее.

- Помочь ему хочу, — пояснил Анартай.

— Не надо, — покачал головой Атагельды, почему-то понижая голос. — Он сам должен пробиться.

— Ну откуда ты можешь знать?! — возмутился Анартай, и сам невольно переходя на шепот.

— А я и не знаю, — спокойно ответил Атагельды. — Я чувствую, — еле слышно добавил он.

Приятель хотел что-то ответить, но посмотрел на него и промолчал.

Между тем бугорок как будто стал повыше. Это можно было заметить по тени, которую он отбрасывал: солнце начало склоняться к горизонту.

Но вот песчинки ссыпались по сторонам, и под ними показался росток, похожий на кончик светло-зеленой иголки. Это напоминало чудо.

Росток во всем напоминал своих взрослых собратьев: он был так же полупрозрачен, в нем билась какая-то жилка. Приглядевшись, вдоль стебля можно было различить крошечные бугорки — наметки будущих листьев.

— Вы ведь с Курбаном попали в оазис раньше нас, — произнес Анартай. — Что здесь прежде было?

- Я уже тебе рассказывал.

— Да, помню... Необыкновенные растения, как быстро они растут. Что ты думаешь обо всем этом?

— Чтобы разобраться в необыкновенном, необходимо время. Только глупец торопится с выводами, — заметил Атагельды.

Анартай подивился мудрости его ответа.

Отвлечшись разговором, они не смотрели на росток, а когда глянули, он был уже с палец. А рядом с ним пробился новый, совсем крохотный..

Мальчики поднялись с песка.

Обратная дорога показалась Анартаю более легкой. Некоторое время он молчал. В памяти стояли удивительные ростки, чуть не на глазах появляющиеся из-под земли. Он шел осторожно, стараясь не задеть растения.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — вдруг спросил он, следуя какому-то ходу своих мыслей.

— Что? — вздрогнул от неожиданности Атагельды, сбившись с шага. Он по-прежнему шел впереди.

Анартай повторил вопрос.

— Я стану кузнецом, как дед, — не задумываясь, сказал Атагельды. — А ты?

— Я мир хочу посмотреть, — медленно произнес Анартай. — Сколько можно жить здесь, на зеленом острове посреди пустыни...

- Здесь неплохо.

— Неплохо, — согласился Анартай. — Но иногда мне кажется, что

кто-то следит за мной. Только не смейся!.. Наблюдает, даже когда я один. Слушает мои мысли, пытается командовать. Тогда мне хочется все крушить, вопить от ярости. Мой отец много путешествовал, — добавил он. — Мир повидал, разные страны... Ты не думай, Ахметхан только кажется таким суровым. Он добрый. И любит меня.

Солнце било в спину, идти было удобно. К тому же заросли становились все гуще, растения — выше, и листья ласково укрывали их тенью.

— А правду говорят в кишлаке, что ты колдун? — нарушил молчание Анартай.

Атагельды отрезал:

— Чепуха.

— Как же ты орудия для кузницы под землей обнаружил? — не унимался Анартай.

— Говорю же тебе: я их почувствовал.

— Сквозь почву?

— Ну да.

— Вот и выходит колдовство.

— Не колдовство это, а просто угадывание! — повысил голос Атагельды.

— Слушай, Ата, а ты угадай еще чего-нибудь, а? — заговорщически прошептал Анартай и схватил его за руку.

— Что тебе надо?

Анартай подумал:

— Найди нож, что ты когда-то забросил.

— Ножа там нет, — покачал головой Атагельды.

— Ты нашел его? — живо спросил Анартай.

— Нож пропал.

— Откуда знаешь? Ладно, пропал, — согласился Анартай, не дождавшись ответа на свой вопрос. — Тогда другое отыщи, если видишь сквозь землю на полтора аршина!

— Попробую.

Чем ближе к центральному стволу, тем чаще останавливался Атагельды. словно вслушивался во что-то, нюхал воздух, полный запахов, кружащих голову. Разглядывал почву под ногами, обильно усыпанную пожелтевшими листьями. Затем делал несколько неожиданных шагов вперед, назад либо в сторону.

Анартай следовал за ним в отдалении, ни слова не говоря, лишь поглядывая с испугом на побледневшее лицо приятеля и его полузакрытые глаза.

Так они вышли к колодцу.

— Наберем воды, — сказал Анартай.

— Какой воды? — глянул на него Атагельды, в глазах его мелькнуло безумие. Пройдя несколько шагов, он остановился и произнес: — Сосуд из глины... узкогорлый... Странно, я когда-то его уже видел...

— Где сосуд?

— Вот здесь, — указал Атагельды себе под ноги.

— Глубоко?

— Порядочно.

— А что в сосуде?

Атагельды напрягся, застыв, словно изваяние. Лицо его напоминало маску.

— В прошлый раз сосуд был полон... золотыми монетами... старинными...

— А теперь? — нетерпеливо спросил Анартай и переступил с ноги на ногу.

— Теперь он пуст...

— Тьфу!

— Только на дне... вижу какие-то камешки... Углеродистые соединения...

— Обойдемся без камешков, — решил Анартай, — и без пустых глиняных горшков.

Он достал из сумки неподвижно стоящего Атагельды баклажку, вылил из нее остатки нагретой за день воды, затем сбегал к колодцу и набрал свежей. Потянул за руку приятеля — тот пошел за ним безучастно, глядя прямо перед собой невидящими глазами.

Так они миновали яму, в которой было найдено оборудование для кузницы. Края ее были искромсаны мотыгой, на дно успели нападать листья. Казалось, сама земля мечтает поскорей залечить свои раны.

Внезапно Атагельды замедлил шаги, затем остановился. Анартаю показалось, что даже волосы приятеля зашевелились — жесткие, курчавые.

— Вот... здесь... — показал Атагельды рукой на ровную площадку.

— Глубоко? — в голосе Анартая явственно сквозило недоверие.

— Нет...

— А что тут? Опять черепки глиняные?

— Нет... не глина... металл... бесформенный... — казалось, каждое слово дается Атагельды с трудом.

— Металл, говоришь? — глаза Анартая блеснули. — Давай-ка проверим твои чудесные способности.

Он первый опустился на колени и принялся рыть руками землю, предварительно вытащив из почвы и отбросив в сторону сухой стебель с раздвоенным верхом, похожим на рога барана.

Атагельды к нему присоединился.

— Долго еще ковыряться? — через некоторое время с недовольством спросил Анартай. — Если обманешь, смотри...

Вместо ответа Атагельды вскочил и принялся ходить вокруг приятеля, все время уменьшая радиус.

— Земля все горячее... горячее... жжет ступни... Копай здесь! — крикнул он.

Анартай снова принялся рыть и через короткое время с радостным возгласом вытащил какой-то тяжелый предмет, обернутый в тряпицу.

Ребята долго разглядывали свою находку. Атагельды медленно приходил в себя, словно после долгого бега или тяжелой физической работы. Несколько раз он глубоко втягивал воздух, выравнивая дыхание.

— Я знаю этот материал, — сказал Атагельды. — Это тот самый, который мы нашли вместе с инструментом для кузницы. Вещество хорошо куется и закаливается, дед делает из него отменные инструменты.

— А это что? — указал Анартай на желтое вкрапление размером с большой грецкий орех.

Ата пожал плечами:

— Не знаю. Глыба, которая в кузнице, однородная...

— Ну посмотри получше, — не отставал Анартай. — Может, это золото?

Но Атагельды выглядел совершенно обессиленным. Лицо хранило сонное выражение, словно его только что разбудили и он не успел прийти в себя. Он только тупо таращился на находку, едва ли соображая, где находится.

— Э, с тебя проку сейчас мало, — махнул наконец рукой Анартай. — Спрошу-ка я у отца, он в таких делах разбирается.

В глазах Атагельды что-то блеснуло.

— Не трогай отца, — произнес он. — Спросим у Курбана. В металлах лучше всех разбирается кузнец.

— И верно, он всю жизнь имеет с ними дело, — кивком согласился Анартай.

Старый кузнец едва не грохнулся в обморок, когда увидел в руках ребят обломок вещества, который он несколько дней назад подверг самому тщательному захоронению. В голове промчался рой тревожных мыслей. И первая среди них была — золото!.. Если ребята узнают, что в материале содержится немалый золотой слиток, новость так или иначе мгновенно распространится по кишлаку: если такого рода вещи знает больше чем один человек — они станут известны всем. И один аллах ведает, к каким последствиям может это привести. Раскол, поножовщина, междоусобица, убийства...

Курбан прожил достаточно долгую жизнь, всякого насмотрелся и понимал, что кровавым делам легко вспыхнуть, но очень трудно сойти на нет.

Все это пронеслось в его мыслях, пока он с деланным безразличием рассматривал находку мальчиков.

— Знаю, знаю этот материал, — произнес он, вертя глыбу перед ярко пылающим горном. — Молодцы, спасибо, что принесли. Славно с ним работать...

— А это что? — ткнул Анартай пальцем в червонно-желтое вкрапление.

— Медь, обычная примесь, — сказал Курбан, попробовав металл на зуб. — Не бойся, она не помешает.

— Я и не боюсь, — пожал плечами Анартай, сбитый с толку. — Мы-то думали с Атагельды, что это золото.

— Золото нам, конечно, не помешало бы, — вздохнул старик... — Только где его найдешь? Разве что в сказках про Али-Бабу. Если вам

надо, забирайте свою находку, — протянул он обломок Анартаю.

Анартай взял его, и сердце кузнеца упало. Толкнув дверь, мальчик на пороге обернулся:

— Курбан, ты можешь мне сделать тесак?

— Не могу, — выдавил старик. — Материал кончился, разве не знаешь?

— А из этого? — показал Анартай находку.

Курбан оживился.

— Разве что из этого куска, — согласился он. — Должно, пожалуй, хватить. Ну-ка, дай сюда.

— Только медь не выбрасывай, — сказал Анартай. — Она красивая.

— Красивая, — согласился старик, поглаживая бороду, — да негодная: лезвие мягкое получится.

— А ты сделай ручку из меди, — произнес Анартай.

— Ладно, сделаем тебе ручку из меди, — согласился Курбан. Больше ему ничего не оставалось.

х х х

"...Сегодня — великий день. День, когда я, Зерен, могу быть собой доволен, а такое случается редко. Мне, кажется, удалось решить проблему бессмертия живых существ, обитающих близ оазиса.

Может быть, нет смысла говорить о бессмертии — это понятие достаточно метафизическое. Во всяком случае, особи смогут жить неограниченно долго. Прежде мне удалось нескольких из них спасти от смерти. Теперь я научился продлевать их существование, причем на достаточно высоком энергетическом уровне клеток".

"Предварительный опыт проделал на нескольких экземплярах. Лучше всего получилось с кузнецом. Не могу, конечно, напрямую задать ему вопрос о самочувствии, но достаточно и информации о его внешнем виде, которую приносят анализаторы. Он распрямился, исчезла сутулость, бицепсы налились силой. Даже походка изменилась — стала уверенной и упругой, как у молодых особей. А в последнее время длинные волосы, идущие из подбородка, доселе белые, как полярный снег, начали приобретать темный оттенок, характерный, как я уже усвоил, только для молодых существ.

Возврат молодости?!"

"Конечно, нужно провести еще множество опытов, но главное я уже сделал. Метод воздействия на живую клетку — моя гордость. И как просто! Впрочем, это представляется простым только после того, как достигнута полная ясность, когда позади долгие часы бесконечных экспериментов и прозрения чередуются с провалами.

Так или иначе, открытие завершено. Изложение его — даже в интегральных символах — займет достаточно много места. К счастью, на стенах пещеры есть еще достаточно свободного места.

Сейчас приступлю к записи. И кто знает, через сколько тысячелетий расшифруют ее двуногие?..."

С помощью микроросковой системы строка за строкой наноси на

вогнутые стены пещеры, недавно опаленные звездным пламенем, информацию, ценнее которой нет, вероятно, в космосе.

Бессмертие живого! Именно оно запрятано в эти структурные формулы, схемы, биохимические реакции...

"Увы, сам я лишен возможности передать открытие своим братьям в родную галактику. Какой парадокс! Остается одна надежда на то, что когда-нибудь, в необозримом будущем, местные существа, ныне столь примитивные, поймут и усвоят мой формулы и сообщат их моим дальним потомкам... Что ж, такова диалектика космоса".

"Ну вот, дело сделано, записи завершены. Теперь пещера от пола до потолка покрыта мельчайшими письменами".

"На мгновение представил себе, как в пещеру, сделав подземный ход, проник кто-то из существ, живущих в кишлаке, которых я опекаю.

Вот он входит с пылающим факелом, сделанным из отмерших коммуникаций, которые он считает засохшими стеблями тростника. Входит с опаской, недоумевающий, в одежде из листьев — так именует он мои внешние анализаторы, которые за ненадобностью опадают.

Он останавливается у проломленного люка, оглядывается. Факел коптит, по стенам пляшут тени. И здесь он увидит неведомые письмена, странные символы, загадочные знаки. Что будет дальше — экстраполировать нетрудно.

Либо он не придаст им значения, станет обитать в пещере, и стены закопятся, записи пропадут.

Либо решит, что знаки оставлены нечистой силой, и разрушит, уничтожит их.

Либо... Но что толку выстраивать бесконечные варианты из того, что есть ныне? Ясно и так, что остается уповать только на будущее".

"Долго думал, кого из популяции первым наделить бессмертием. Сначала думал кузнеца, потом — Ахметхана. Потом окончательно мой выбор остановился на Атагельды. Решено, начну с мальчика, перестрою его клетки. Может быть, именно ему суждено когда-нибудь проложить ход в пещеру. У него пылливый разум, светлая голова..."

"Опыт начну завтра, с первым лучом светила. Осталось пережить ночь".

"...Что это? Что случилось? Катастрофа. Земля и небо поменялись местами. Огненные струи боли и замешательства бегут по моему телу. Они туманят сознание, приводят в ужас.

Землетрясение? Солнце погасло? Неведомые импульсы — удар за ударом — сотрясают меня.

Я гибну, гибну..."

х х х

День за днем Ахметхан чувствовал, как власть ускользает из его рук. Происходило это незаметно и в то же время столь же явственно, как песок утекает из наклоненной горсти.

Нет, внешне все оставалось по-прежнему: и почтение к караванбаши, и внимание к его словам, размеренным и строгим, и готовность выполнить приказание.

И в то же время что-то изменилось — Ахметхан чувствовал это кожей. Не то чтобы люди стали стропами, нет. Но они как бы распрямились, словно трава после грозы. Они смели разговаривать с ним, как с равным, чего прежде никогда не бывало.

А самое неприятное — то, что сам Ахметхан ничего не мог с этим поделать. Он разговаривал, улыбался, словно так и надо, и уже не решался пускать в ход свою грозную камчу.

Когда, например, Ахметхан однажды попытался распорядиться порядком в кузнице, Курбан взял на себя смелость возражать ему. И аульчане, находившиеся там, что самое обидное, взяли сторону кузнеца. А он всего-то, минуя очередь, хотел подковать молодого ослика, необходимого для домашних работ. Кузнец при этом пошучивал, говорил, что по возрасту Ахметхан ему в сыновья годится, а может быть, и во внуки.

Последнее особенно больно задело караванбаши. Дело в том, что Ахметхан странным образом с каждым месяцем чувствовал себя моложе и легкомысленнее, в чем сам не смел себе признаться. Он украдкой бросал на женщин пламенные взгляды, а Анартай временами казался ему чуть ли не ровесником. Вот и старался он держать себя с сыном поостроже.

— Почему так поздно? — спросил он, когда скрипнула дверь и на пороге появился Анартай.

— Совсем не поздно...

— Запомни, если еще когда-нибудь... — грозно начал Ахметхан.

— Брось, отец, — перебил его Анартай (прежде такого отродясь не бывало). — Посмотри-ка лучше, что Курбан для меня отковал.

Он издала помахал ножом.

— Покажи, — оживился отец. Он долго рассматривал закаленное лезвие, потрогал его пальцем, похвалил. Рукоятка из желтого металла не привлекла его внимания.

Анартай протянул руку, забрал обратно нож и небрежно сунул его за пояс.

— Нужная вещь, — похвалил Ахметхан. — Пойдешь завтра за водой, заодно и сухостоя нарубишь. Дома запасы кончаются.

Анартаю показалось, что оазис встретил его встревоженно. Ветра не было, но листья слабо шевелились, словно поворачиваясь в его сторону.

Он нарочно прошел мимо места, где они с Атагельды раскопали обломок. "А все-таки он колдун, хотя и не хочет признаваться", — подумал Анартай о своем приятеле, припомнив, как точно вышел он к нужной точке.

Мальчик не испытывал сегодня обычной робости, которая охватывала прежде, едва он ступал под сень высоких разлапистых растений. Может, потому, что видел, как они появляются из-под зем-

ли, робкие, беззащитные? Или оттого, что новенький нож торчал за поясом?

Задумавшись, он налетел на тоненький ствол, который наклонился над тропинкой, ведущей к колодцу. Сколько раз задевал его, да вот поди ж ты, не уберется. Сгоряча решил было срубить его, но злоба, вспыхнув, тотчас погасла. Он только ударил кулаком по упругому стволу, отчего листья мелко задрожали.

Набрав в кувшин воды, он присел отдохнуть, привалился спиной к куче листьев, а сосуд с капельками влаги на боках поставил рядом.

В голове лениво шевелились мысли. Атагельды хочет стать кузнецом. Глупец, зачем дышать копотью в кузнице, если обладаешь такими чудесными способностями?! Ведь он сквозь землю видит на два аршина! Надо его уговорить, и вместе они отправятся путешествовать, вот только подрастут немного. Столько дальних и прекрасных стран на свете!

Ничего, не пропадут. Станет туго — наймутся подмастерьями к кузнецу. Но это на крайний случай. А лучше всего — искать клады. Есть же потайные места, где они хранятся — и благородное золото, и драгоценные металлы прочего рода, и удивительные камни, каждый из которых стоит целое состояние...

Атагельды будет разыскивать клады, Анартай — продавать, и они станут страшными богачами, богаче самого эмира. Тогда можно будет и домой вернуться, в кишлак, с богатыми подарками для каждого сородича.

Анартай с удивлением поймал себя на мысли о том, что возвратиться он мечтает не куда-нибудь, а в оазис. Да, похоже, кишлак стал их домом.

Небо, которое поначалу было чистым, начало хмуриться — над оазисом стала собираться туча. Для Анартая не было уже ничего удивительного в том, что туча, сначала бесформенная, начала приобретать все более округлые очертания, пока ее кромка не образовала идеальную окружность.

Подсвеченная по краям солнца туча напоминала огромную лепешку из серой муки. "Только бы пролилась дождем, не улетела прочь, как в прошлый раз", — подумал Анартай с легким беспокойством.

Отдохнув, он поднялся, взял кувшин, показавшийся гораздо более легким, и двинулся по тропинке, выискивая глазами валежник. Но попадались только тонкие тростинки сухостоя, возиться с которыми не хотелось: наберешь полную охапку, а топить нечем.

Ему нравилось рассматривать листья, но не опавшие, а те, которые висели на растениях. Мягкие, чуткие, они, казалось, ощущают и реагируют на каждое его прикосновение. А еще Анартаю казалось, что листья в оазисе следят за каждым его шагом. Впрочем, он ни с кем не делился своими наблюдениями, даже с Атагельды: боялся, что засмеют.

Вот и теперь, там, где тропинка делала крутой поворот, он подошел к стройному растению, напоминавшему ему тополек в родном селении. Лист на уровне лица развернулся к нему — может быть, оттого, что с него слетел мотылек, трепеща на солнце прозрачными крыльями.

Анартай прижался щекой со шрамом к бархатистой поверхности, потерся о нее. Так ласкала его в детстве рука матери. Он давно уже забыл о муках, которые причиняла ему страшная язва на щеке, приобретенная в бесконечных караванных переходах.

"Надо было ослика взять, дрова на него навьючить", — подумал мальчик.

Еще одна петля тропинки — и за поворотом показалось главное растение. Атагельды уверял, что оно самое старое в оазисе, что оно выросло у бархана первым, когда вокруг ничего, кроме пустыни, не было. Но Атагельды — фантазер, известное дело... Еще он однажды сказал Анартаю: "Это растение — словно эмир среди подданных".

— Разве эмир — самый старей? — спросил Анартай.

— Нет, эмир — самый главный, — поправил его Атагельды.

Он удивился:

— Как это растение может быть главным?

Однако Атагельды, как это частенько случалось, ушел от ответа...

Теперь, глядя на величественное растение, верхушка которого была нацелена в зенит, в сгущающуюся над оазисом тучу, Анартай невольно подумал, что оно и впрямь напоминает эмира, которого окружают приближенные.

Растение прежде всего было намного выше, да и потолще всех своих соседей. Но главное даже не в этом. От растения, казалось, исходила какая-то невидимая сила. Быть может, такое впечатление складывалось потому, что листья окрестных растений были слегка повернуты в его сторону, словно чуткие уши.

Вокруг стояла тишина, плотная, слежавшаяся. Анартай попробовал петь, но звуки замирали в сыром воздухе. Ему стало не по себе.

— Еще под дождь попадешь, чего доброго, — пробормотал он, глядя на облако, которое быстро наливалось чернотой.

Пристроив, чтобы не опрокинулся, кувшин, он принялся собирать валежник. Но дело продвигалось туго. Стебли попадались слишком тонкие, он успел взмокнуть, а охапка все еще была тощей, как овца на голодном выпасе у нерадивого хозяина.

Нож так ни разу и не удалось пустить в ход — пересохшие стебли ломались даже от слабого усилия. "Что же, так я его и не испытаю?" — подумал он, поглаживая нагретую от тела рукоятку.

Он выхватил нож, нагнувшись, подобрал лист и в воздухе разрубил его, ловко подбросив. "Острее меча... Нет, это я молодчина, рублю, словно батыр", — мелькнула мысль.

Анартай огляделся, выискивая, на чем бы еще попробовать свое приобретение. И тут в глаза ему бросилось самое старое растение. А что, если?.. Он помотал головой, отгоняя привязчивую мысль, но она прочно засела в мозгу.

Ну а почему бы, собственно, не срубить этот старый ствол? Вон их сколько кругом, растений — глаза разбегаются. Да и новые появляются что ни день, что ни час. Сам видел, своими глазами.

Разве убудет от оазиса?

А ствол действительно старый. Небось засох внутри. И валежник собирать не нужно: три-четыре полена — и вязанка готова. Он нарочно распял себя, глядя на ствол и поигрывая ножом.

Подойдя к стволу вплотную, Анартай остановился. Преодолевая внезапную робость, завопил во все горло:

— Эй, эмир! Кровопийца! Трепещи, изгоняющий праведных, мучитель угнетенных!.. — с этими словами он размахнулся и изо всех сил ударил ножом по стволу.

Атагельды в первую минуту не понял, что произошло.словно легкое дуновение пронеслось по двору и нежной паутинкой коснулось его лица. Он поднял глаза: воздух был неподвижен, но что-то определенно изменилось.

Мальчик возился в яме, в которой они когда-то с дедом месили саман для дома и кузницы. Они давно собирались сделать посреди двора бассейн.

— С золотыми рыбками, — поддразнивал Курбан. — Хочешь с золотыми рыбками?

— Зачем? Ничего золотого у нас нет, — отшучивался Атагельды. — Мы сами будем барахтаться в нем вместо рыбок.

— И соседей пригласим, кто пожелает, — добавлял старый кузнец.

Сегодня с утра небо хмурилось, над кишлаком собирались тучи, гуртуясь, как всегда, в круг, и можно было ожидать, что прольется дождь. Атагельды сначала почистил яму, выбросив опавшие листья, а теперь подравнивал края. Теперь оставалось набрать сюда дождевой воды, и бассейн готов.

Из кузницы вышел Курбан.

— Как идут дела, малыш? — спросил он, сделав несколько шагов и остановившись.

— Еще надо углубить немного, — сказал он и яростно погрузил лопату в податливое дно.

Кузнец полюбовался на лопату — дело своих рук.

— Где же твой дружок? — спросил Курбан. — Когда не нужно — целый день крутится в кузнице, а как помочь — его нет.

— Ты об Анартае?

— О ком же еще?

— Я видел, как он прошел с кувшином за водой.

— Туча-то не кружится? — спросил озабоченно Курбан, вглядываясь в небо.

Атагельды посмотрел вверх:

— Вроде нет.

— Авось на этот раз не улетит!

Мальчик присел на край ямы — будущего бассейна, поболтал ногами.

— А славно будет искупаться в жару, — улыбнулся он. — Заживем, как эмиры.

При упоминании эмиров старик помрачнел.

— Поменьше болтай. Надо до дождя успеть. Видишь, как туча набухла?

В этот самый момент и почувствовал Атагельды странное дуновение. Видно, и старик что-то ощутил. Он умолк на середине фразы с недомынным выражением.

Глухой негромкий звук вывел их из оцепенения. Близ калитки торчало растение, на которое Атагельды водрузил для просушки глиняный горшок. Теперь без всякой видимой причины стебель надломился и горшок хлопнулся наземь, разлетевшись на мелкие осколки.

Атагельды выскочил из ямы, подбежал к старику:

— Дедушка, мне страшно!

— Нечего бояться. Отвык ты от грозы, — погладил он внука по голове.

Между тем круглое облако, так и не подарив аульчанам ни единой капли, начало редеть, истончаться, и вот уже кинжальные лучи безжалостного солнца начали дырявить его.

— Знаешь, эти тучки вроде миража, — вздохнул кузнец. — Опять не дожидаться нам дождя.

Хотя ветра по-прежнему не было, с растений, образующих живую изгородь, дружно посыпались листья, словно под внезапным ураганым порывом. Торопливой стайкой прошелестели они по подворью.

— Дедушка, посмотри, они не пожелтели, они зеленые! — закричал Атагельды. — Первый раз вижу, чтобы со стеблей опадали зеленые листья, — добавил он негромко.

Кузнец молчал, только с беспокойством поглядывал то вокруг, то на небо.

Туча, еще недавно казавшаяся столь грозной, теперь превратилась в белесую пленку.

— Ну, что ты, глупыш!..

— Дедушка, пойдем в дом.

Кузнец сделал шаг и, охнув, схватился за грудь.

— Что с тобой?

— Сердце схватило... — Дед тихонько постанывал, лицо его покрылось мелкими капельками пота. — Я уж думал, избавился от своей хвори... Выходит, нет... — проговорил он с перерывами.

Атагельды схватил деда за руку:

— Тебе помочь?

— Не надо.

Курбан попытался идти, но тут же упал на колени. Лицо его посерело.

— Дедушка, дедушка, — тормозил его не на шутку перепуганный Атагельды.

— Воды... — прохрипел Курбан.

Мальчик метнулся в дом, дрожащими руками налил в пиалу воды. Когда он выскочил, дед лежал навзничь. Атагельды приподнял его, поднес к губам пиалушку. Старик пил жадно, отдыхал и снова пил. Нет, он не испытывал жажды. Просто накрепко запомнил, что оазисная вода с первого глотка помогала ему, приносила отраду и облегчение. Серд-

це билось ровнее, боль утихала и даже дышать становилось легче. За многие месяцы жизни в оазисе Курбан свыкся с ее сладковатым привкусом.

И теперь он пил ее как эликсир жизни, как лекарство, приготовленное руками самого Абу Али ибн Сины.

Но, увы, вода не принесла желанного облегчения, старику даже показалось, что она утратила привычный сладковатый привкус.

Кузнец закрыл глаза. Взбунтовавшееся сердце проваливалось куда-то в бездну. Кто-то сжимал его безжалостной рукой, затем отпускал немного, чтобы сжать еще крепче.

— Воздуха мало, — Курбану казалось, что он громко произнес эти слова, но из его горла вырвался лишь еле слышный хрип.

Атагельды с огромным усилием протащил его несколько метров, прислонил к крыльцу.

— Может, соседей позвать? — срывающимся голосом спросил мальчик. Старик никак не прореагировал.

Как оставить деда хоть на минутку в таком состоянии? Он попробовал кричать, но — странное дело! — звук тотчас замирал, терялся, словно Атагельды сидел в тесном погребке. Но ярко светило солнце — остатки тучи успели рассеяться, и привычная обстановка окружала мальчика. Быть может, это и было самое страшное.

Он попытался втащить деда в дом, но сил не хватило. Кузнец оказался неожиданно тяжелым. Мальчик стоял, едва не плача. Неожиданно и он почувствовал себя худо. Заныли, заболели все царапины и ссадины, когда-либо полученные и как будто давно залеченные.

Хотя было по-прежнему тихо, некоторые растения начали покачиваться, клониться к земле. И едва шелестя, опадали с них зеленые листья.

Нестерпимо заныл уголок рта, когда-то разорванный в драке. Атагельды почуял соленый вкус и машинально поднес руку к губам: на ладони была кровь...

Дед пришел в себя, раскрыл глаза. Мальчик наклонился к нему... и едва сдержал готовый вырваться крик: борода деда, в последнее время заметно почерневшая, снова белела, причем буквально на глазах. Казалось, по ней медленно ползет снизу вверх пролитое кем-то молоко.

— Где я? — слабо спросил кузнец.

— Тебе лучше? — обрадовался Атагельды. — Полежи, я позову кого-нибудь.

Дед покачал головой.

— Не нужно никого звать... — Он говорил еле слышно. Чтобы разобрать слова, Атагельды пришлось наклониться.

Где-то рядом послышался треск. Оба замерли, но звук не повторился.

— Помоги мне в дом забраться, — произнес Курбан. — Солнце жжет... Разгневалась на нас природа, чем-то мы провинились перед ней.

В комнате старику стало лучше.

— Такое впечатление, что по мне арба проехала, — пожаловался он внуку, который готовил какое-то питье. Честно говоря, и тот чувствовал себя не лучше, но предпочел об этом не распространяться.

В углу послышался грохот: печь, сложенная из саманных кирпичей, дала трещину.

— Только этого нам не хватало, — сказал Курбан.

Атагельды подошел к печи, сунул палец в образовавшуюся щель.

— Ничего страшного, — заметил он. — Наверно, кирпич был плохо обожжен.

— Грех тебе так говорить, — повысил голос старик. — Мы же вместе обжигали его.

Чтобы согреть питье, Атагельды принялся растапливать печку. Но дело ладилось плохо. Что-то случилось с тягой — возможно, дымоход засорился. Кроме того, из щели немилосердно повалил дым. Мальчик почувствовал, как у него заципало в носу.

— И дым какой-то другой стал, — откашлявшись, проговорил Курбан. — Он горше, чем полынь.

Протопив печку, Атагельды напоил деда и уложил его. Перед этим он тщательно отмыл кровь с лица, чтобы старик ничего не заметил.

— Жестко лежать, — пожаловался кузнец. Атагельды подумал, что старик привередничает. Только позавчера мальчик обновил ложе, уложил в него несколько охапок свежесобравших листьев, мягких, шелковистых, благоуханных. Что же приключилось с этими прочными, при всей их гибкости, листьями? Они стали хрупкими, от малейшего прикосновения крошились и ломались, и через минуту-другую старик очутился не на мягком ложе, а на тонком жестком слое, напоминающем опилки.

— Я сменю листья, потерпи, — произнес мальчик и вышел во двор. Перемены, которые он застал здесь, показались ему разительными. Часть растений попала, а те, которые остались, были совершенно обнаженными: ни одного листика не осталось на них. Все они лежали на земле, густо устилая ее светло-зеленым ковром.

— Наберу зеленых, еще лучше, — подумал Атагельды. — Может быть, они крепче окажутся”.

Он принялся собирать листья, но из этого ничего не вышло: листья, на вид прочные, ломались под пальцами, рассыпались в прах, едва он до них дотрагивался. Только зеленоватая пыль оседала на землю.

Вот когда Атагельды охватил настоящий страх. Он еще больше усилился, когда за глиняным дувалом, разделяющим дворы, мальчик не увидел дом соседа. Он протер глаза, но дом не появился. Чудится ему, что ли? Глаза испортились? Или это мираж? Станный мираж, который... Мысли рвались, убегали, ни одной нельзя было додумать до конца.

Следовало бы, конечно, сбегать к соседу, но как оставить бабушку?

Так и не набрав листьев, он бросился в дом. По пути задел какой-то колышек, торчащий на крыльце, и одеяние с легкостью разорвалось надвое, словно было соткано из тончайшей кисеи.

Кузнец не обратил внимания на то, что Атагельды вернулся с пус-

тыми руками. Ему снова стало хуже, но он старался держаться мужественно. Дыхание с хрипом вырывалось из груди.

— Дед, ты разбираешься в миражах? — спросил Атагельды.

Неожиданный вопрос удивил кузнеца. Он привстал на локте и пристально посмотрел на внука:

— В миражах?

— Ну мы ведь с тобой видели миражи, — заторопился Атагельды. — В пустыне.

— Приходилось.

— Они показывали то, чего на самом-то деле нет. А может быть такой мираж, который... который наоборот?

— Это как же?

— Может быть мираж, который скрывает то, что есть на самом деле?.. — мальчик запутался и умолк.

Кузнец нахмурился:

— У тебя что-то с головой? Только этого нам не доставало!.. Да не прячь, не прячь лицо, выйди из тени. Откуда у тебя кровь на щеке? Я еще раньше заметил.

— Расцарапал.

— Приложи кусок листа, все пройдет. Да, а почему ты листьев не принес?

Атагельды не успел ответить: откуда-то сверху послышался громкий треск.

Оба одновременно посмотрели на потолок: по нему, словно живая, змеилась трещина...

х х х

Толстый ствол, неожиданно для Анартая, оказался податливым. Нож легко входил в него, с каждым ударом делая зазубрину все глубже. Только вот ни одной щепки не удавалось отколоть, как он ни старался.

Потом, когда он прошел верхний слой, дело пошло хуже. Казалось, лезвие ударялось о туго натянутые стальные нити, каждая из которых перерубалась с трудом.

— Ну, эмир! Держись, эмир! — приговаривал Анартай с каждым взмахом.

Из разрубленного ствола брызгали, сочились жидкости разного цвета. Прозрачная, как слеза, капля сползла по стволу и тут же раздулась в огромный шар, наподобие мыльного пузыря. Поверхность шара заиграла всеми цветами радуги.

На какое-то мгновение Анартай охватил страх. Может, бросить недорубленный ствол и бежать отсюда подобру-поздорову, пока ничего страшного не произошло? Но он преодолел робость: в конце концов, джигит он или не джигит?!

Помедлив, Анартай засмотрелся на шар. Его поверхность неуловимо быстро меняла расцветку. Затем на ней начали проступать какие-то письмена. Жаль, Анартай читать не умел. Да полно, письмена ли это? Разнокалиберные кружочки, квадратики и прочие значки соединялись

между собою прямыми и волнистыми линиями, среди них мелькали и параллельные черточки, похожие на след арбы на дороге.

Казалось, от шара исходит сияние, не затмеваемое даже солнечным светом. Анартай с внезапной злобой ткнул его ногой, и шар лопнул, издав долгий мелодичный звук, который некоторое время висел в воздухе.

Мальчик тут же почувствовал изнеможение, упадок сил. На него накатил внезапный приступ сонливости. "Отдохну немного", — решил он и сел, привалившись спиной к недорубленному стволу. Листья перед ним продолжали волнообразно колыхаться, хотя ветра по-прежнему не было.

Откуда-то взялось невероятное количество мотыльков — никогда их столько в оазисе не было. Они беспокойно кружились, перелетали от одного растения к другому, облетали вокруг листьев. Или никаких мотыльков нет, а просто в глазах рябит?

Анартай потер слипающиеся веки. Глаза его закрылись, и он задремал.

...Руки и ноги начали быстро уменьшаться, таять, и скоро он превратился не поймешь во что — то ли в некий кокон, то ли просто в обрубок. Но — странная вещь! — боли при этом не чувствовал. И только, ощущая свою новую форму, мучительно старался припомнить — чем же он теперь стал? Что-то очень знакомое кружилось в мозгу, но догадка не давалась, ускользала, словно золотая рыбка, когда пытаешься ее рукой поймать в бассейне.

Где-то в сознании с калейдоскопической быстротой проносились картины, разобраться в которых было невысказимо. Даже миражи, которые он не однажды наблюдал во время путешествия каравана, не шли ни в какое сравнение с этими удивительными видениями...

Но может, это и не видения вовсе, а самая настоящая действительность?

Он двигался, подчиняясь неведомым силовым линиям, которые пронизывали его, не причиняя боли, летел, словно пушинка, гонимая ветром. Невозможно описать ощущение, доставляемое силовым полем: словно тысячи нежных рук несут по воздуху через пространство, осторожно передавая друг другу.

Он летел над зарослями и вдруг опустился на землю и с такой же легкостью проник в глубину ее, словно почва была такой же эфемерной, как воздух. Землю пронизывали червеобразные отростки. Иные были неподвижны, другие двигались, хотя и крайне медленно, но он угадывал их ход. Это были корни, питавшие стволы растений. Необычные корни и необычные растения. Во всяком случае в прежней, земной своей жизни Анартаю наблюдать таких не доводилось.

Вот круглое отверстие, вертикально прорезающее почву. Его окружает целая паутина корешков. Но вместо того чтобы всасывать влагу, перегоняя ее растению, они перекачивают ее в шахту. И в ней поблескивает водяной круг, застывший на одном уровне. В воде колышется холодная звезда...

А он продолжает двигаться между корнями, не задевая их.

Вот корни, захватив на поверхности земли какой-то предмет, медленно увлекают его в глубину почвы, раздвигая песчинки и опавшие листья. Бледная тень воспоминания скользнула, так и не вспыхнув догадкой. Стальная узкая поверхность... Тонкое лезвие, на котором играет солнечный луч... И письма на стали, загадочные письма... Где же видел он их?!

Огромный шар, пустой внутри. Здесь царит темнота, но каким-то образом он все видит. И снова вязь, бегущая по вогнутым стенам. А эти юркие геометрические фигурки, кружки, квадраты и треугольники, соединенные линиями, он уже видел недавно — или тысячу лет назад — на поверхности хрупкого пузыря, переливающегося всеми цветами радуги.

Движения его внутри шара постепенно ускорялись. Если он влетел сюда со скоростью улитки, то неведомые могучие силы, подхватив, раскачали, закружили его все быстрее и быстрее.

Вместе с ним совершали какой-то сложный танец и силовые линии. Облетая вдоль них, он уловил некую закономерность: линии выстраивались в пространстве, ограниченном сферой, определенным образом. Они повторяли форму мучительно знакомых Анартаю предметов, назначение которых он никак не мог вспомнить. Только вспыхивала в памяти кузница, озаренная пламенем, молот, ударяющий по наковальне, снопы искр, выскакивающие при каждом ударе, и две очень знакомые фигурки...

Нет, это уже не огонь в печи, а ревушая река пламени, которая бесконечным потоком вырывается из круглого отверстия, похожего на колодец. Он глядит в окно — не окно, в нем — черное как сажа небо, немигающие колющие звезды, в мозгу отпечатываются произнесенные кем-то рядом слова:

— Экран внешнего обзора...

Он озирается — кругом тысячи и тысячи таких же, как он. И его осеняет, кем же он стал: не обрубком, не коконом, а зерном! Да, зерном. Но какого неведомого растения?

И куда несется корабль, подобный щепке в бурной реке пламени?

Адский взрыв, огонь охватывает все отсеки, пламя сжигает все подряд. И вот уже он один, совершенно один в открытом пространстве.

Перед ним медленно, как бы тягуче — это связано с вращением вокруг собственной оси — возникают картины страшной, никогда не виданной красоты. Небо стало еще черней, чем оно казалось на обзорном экране, оно напомнило Анартаю бархат, который он видел однажды в богатой лавке заезжего купца. (Когда, в какой жизни это было?..) И звезды стали ярче, они горели теперь, словно виноградины.

А вдали все яснее вырисовывалось, увеличиваясь с каждым днем. желтое, украшенное беспокойными протуберанцами светило, температура поверхности которого — каким-то образом он знал об этом — составляла шесть тысяч градусов.

В долгом полете одна мысль билась в мозгу: ничего нет ужаснее муки одиночества. Он тосковал по себе подобным. Но кто они, ему

подобные? Зерна неведомых растений, каждое из которых таит в себе потенциал, которого достанет на целую планету? Или те двое, в бликах кузнечного огня?..

Анартай очнулся с мучительно быющим сердцем. Станный сон. И до жути реальный. И сколько проспал он — несколько мгновений или целую вечность? Примерное время можно было определить по солнцу, но он был слишком взволнован, чтобы сделать это. Голова все еще полна была тающих, разорванных видений, похожих на бред малярийного больного.

Он поднялся на подгибающихся, ватных ногах. Глаза резанул косой солнечный луч, он, машинально сощурившись, посмотрел на светило.

...Температура солнца? И он знает, какова она? Какая бессмыслица! Разве возможно измерить жар божественного, житнетворного светила?!

Анартай достал из-за пояса нож, на котором запеклись разноцветные капли сока растения, обернулся к матерому стволу... и тихонько ахнул: зарубка, которую он сделал, почти совсем успела затянуться. О ней напоминал только ярко-алый рубец, похожий на шрам.

Еще немного — и от его трудов не осталось бы и следа.

— Проклятый эмир! — пробормотал Анартай. — За жизнь свою презренную цепляешься? Ничего не выйдет! — выкрикнув последние слова, он с удвоенной яростью накинудся на ствол.

Теперь даже щепки отлетали при особенно удачных ударах тесака.

Забрызганный с головы до ног липким, тягучим соком, он дышал тяжело, словно загнанная лошадь.

Наконец верхушка ствола дрогнула, он начал клониться и с шумом рухнул, увлекая за собой соседние мелкие растения. Тяжелый ствол едва не задел его — в последний момент Анартай успел отскочить: ствол должен был упасть совсем в другую сторону, но уже в момент падения круто изменил направление.

Полный радости от того, что счастливо избежал опасности, Анартай несколько мгновений смотрел на поверженного исполина. Только теперь он увидел, каким высоким было растение. Цвет коры его менялся на глазах — или это игра солнечных бликов? Нет, солнце здесь ни при чем. Под снова полупрозрачной кожей, словно за тусклым стеклом, медленно замирали токи, утяжелялась пульсация, застывало таинственное движение внутренних сил.

Вокруг просветлело. Анартай поднял голову. Облако привычной круглой формы, висевшее над оазисом, все утро наливавшееся темнотой — добрым обещанием дождя, — вдруг быстро начало светлеть, таять, растворяться в бездонной сини небес.

— Ладно, проживем и без дождя, — подумал Анартай. — Не привыкать. Воды в колодце и так хватает".

Он медленно прошелся вдоль лежащего растения, которое мысленно называл "эмиром". Листья его уже не тянулись, не поворачивались вслед за идущим. Они успели поникнуть, края их вяло приспустились и свернулись. Он сорвал один — тот, утративший упругость,

отделился от ветки неожиданно легко. От слабого колебания еще несколько листьев оторвались от растения и, кружась, упали на землю.

"Ну, утру я нос Атагельды! — с улыбкой подумал Анартай, стараясь подавить тревожное чувство, растущее в груди. — Больше не будет молиться на этот старый трухлявый ствол!" Он пнул ногой растение, и носок неожиданно легко вошел в ствол, который еще минуту назад — мальчик мог поручиться — был твердым, как ему и положено.

Он опустил на корточки, сунул руку в образовавшееся отверстие: там была пустота, прошитая тончайшей паутиной.

Только тут Анартай охватил страх. Он быстро выпрямился, огляделся.

"С оазисом определенно что-то произошло, видимо, за то время, пока я возился с проклятым эмиром", — подумал Анартай. Листья без видимой причины начали потихоньку опадать, но не желтые, отмеченные увяданием, нет! — а зеленые, полные соков жизни. Слой их становился все толще, а ветви растений обнажались.

Внезапная боль пронзила щеку. Оса, что ли, укусила? Он махнул рукой, отгоняя невидимое насекомое, и бросился бежать, однако после нескольких шагов увяз в гуде листьев, осыпавшихся с кupy растений. Он погрузился в листья по грудь, а сверху продолжали сыпаться новые.

Он прыгнул, словно заяц, и выскочил на поляну, где слой листьев был потоньше. Щека болела все сильнее, однако он не обращал внимания на боль, гонимый инстинктом самосохранения.

Теперь он выбирал путь подальше от растений — так было меньше препятствий в виде опавших листьев, легче бежать.

Вскоре добавились новые препятствия: падали не только листья, но и стволы растений. Неизвестно какая сила заставляла их переламываться у основания и тихо клониться к земле, подобно подкошенной травинке.

Тропинку, которую протоптали аульчане, когда ходили к колодцу за водой, Анартай так и не сумел обнаружить: ее плотно присыпали листья. И он бежал, бежал куда глаза глядят, руководствуясь чутьем, подобно перепуганному зверьку.

А листья все падали, падали, и этому не было конца. Временами они чудились ему зелеными хлопьями, которыми некто вознамерился его засыпать, захоронить.

Несколько раз Анартай попадал в ямы, полные листьев, спотыкался о колдобины. Щеку жгло огнем.

Но вот вдали показалась прогалина, за которой располагался колодец. Значит, он бежит правильно! На душе отлегло. Здесь листьев поменьше, можно будет передохнуть, напиться: у него давно уже пересохло в горле, а язык стал неповоротливым, словно чужим.

Анартай замедлил шаг, с опаской ступил на ступеньку, ведущую вниз, к воде. Он ожидал чего угодно, вплоть до того, что земля разверзнется под ногами и поглотит его. Но ничего не произошло. Глина под ногами была надежной, прочной, слегка пружинила, как всегда, и холодила босые ступни.

Когда, однако, Анартай ухватился за стебель, чтобы поддержать равновесие, тот, обычно гибкий и крепкий, жалобно хрустнул и надломился. Мальчик едва не упал.

Из узкого колодца, как всегда, тянуло сыростью и каким-то ленивым покоем. Анартай остановился посреди лестницы, прислонился к стенке, стараясь прийти в себя. Сейчас он напьется, выберется наружу, и все страхи окажутся дурным сном. Листья? Ну что листья? Одни опадают — другие вырастут. Таков закон природы, который касается даже этих странных растений. Стволы валятся? Их заменят молодые побеги: они наблюдали с Атагельды, как славно лезут из почвы юные ростки!.. Зеленый лист гибнет? Внезапный мор на него нашел, бывает и это. Однажды виноградник осыпался, такая хворь на него напала.

Переведя дыхание, он двинулся дальше. Ему показалось, что он опускается необычно долго. Ступеньки пошли ослизлые, мокрые, приходилось опускаться очень осторожно, чтобы не упасть. Стенки тоже стали влажными. Из них торчали многочисленные корешки, которые слабо белели в полутьме. Но держаться за них было нельзя — они тут же обрывались...

Он глянул наверх и удивился, насколько же глубоко отступила вода, которая всегда держалась на одном уровне. Что могло заставить ее уйти в глубину почвы? А может, ее и вовсе нет, колодец высох?

Рука Анартая случайно коснулась какого-то предмета за поясом. Рукоятка ножа. Он сжал ее — ручка оказалась мягкой, податливой. "Ну да, Курбан так и говорил, что это вещество на лезвие не годится..." — смутно припомнил мальчик. Но мысль скользнула, не задержавшись в мозгу. Машинально он опустил руку и потрогал лезвие — оно, прежде такое твердое, также послушно прогнулось под пальцами.

Однако Анартай к этому моменту уже перестал чему бы то ни было удивляться.

Он пригляделся: глубоко внизу мерцала вода, похожая на око затаившегося зверя. Однако прошло еще немалое время, прежде чем носок Анартая коснулся ледяной влаги. Рискнув свалиться, он нагнулся, зачерпнул ладонкой воды, глотнул... и его едва не вырвало. Вода была горше полыни, от нее несло чем-то тухлым. От резкого движения нож выскользнул из-под ремня и, глухо булькнув, ушел под воду. Ему даже почудилось, что какая-то невидимая сила выдернула нож. "Кажется, схожу с ума", — отрешенно, как о ком-то постороннем, подумал Анартай.

Пить испорченную воду он не решился, ограничился тем, что смочил лицо и губы, морщась от мерзкого запаха. Вскрикнул от боли, коснувшись щеки: на ней снова открылась язва, которая вроде бы давно зарубцевалась...

В шахте колодца начало темнеть, и он заторопился наверх. Ступени успели немного подсохнуть, и подниматься было легче, чем опускаться. И хотя он спешил, подгоняемый неясным чувством страха, пока лестница кончилась, стало совсем темно.

Анартай остановился. Над ним, закрывая небо, возвышался узкий

конус из опавших листьев. Он понял, что это враз опали мощные растения, которые окружали колодец.

— Слово муравья в щели засыпало, — проговорил он громко, но слова умирали в воздухе, едва народившись.

Когда, разбросав груды листьев, Анартай выбрался наружу, оазиса было не узнать. Все листья облетели, растения стояли голые. Со всех сторон его окружал мертвый лес. Зрелище было страшным, но по крайней мере он знал отсюда дорогу в кишлак. И он поспешил туда.

Должен же кто-то разобраться, что, собственно, происходит? Мудрый кузнец Курбан, который столько знает. А отец? Караванбаши обошел полмира...

Анартай шел, стараясь не касаться стволов растений: при первом прикосновении они падали. Впрочем, стволы рушились и без всякого прикосновения — то одно, то другое падало само по себе. Идти стало скользко — листья расползались под ногами, словно жидкая глина.

Джунгли не загоразживали окоем, видно было далеко. Дорога, вильнув, вылезла на пологий холм. Оазис кончился.

Анартай остановился, протер глаза. Что случилось? Кишлак исчез. Вместо улицы, вдоль которой тянулись два ряда аккуратных домиков, он увидел только три-четыре хижинки, которые торчали, словно зубы во рту столетнего старика.

Мальчик побежал к аулу что было духу и остановился, только когда сердце затрепетало раненой птицей.

Медленно подошел он к месту, где стояла крайняя хижина. Теперь здесь была только груды развалин... Землетрясение, что ли, разрушило кишлак? Но как же мог он, Анартай, не ощутить его?..

Он огляделся — вокруг не было видно ни одного человека. Попытался крикнуть, но голос замер, как давеча в шахте колодца.

Едва переставляя ноги, словно на них висели пудовые гири, он приблизился к развалинам, долго вглядывался в них. Попытался поднять целый саман, каким-то чудом не разрушившийся, но тот рассыпался у него в руках, словно сделанный ребенком лепешка из песка.

В следующем дворе размещались кузница и дом, в котором жили Курбан с внуком.

Дом был разрушен, но кузница стояла нетронутой. "Может быть, она в кузнице?" — подумал Анартай с внезапно вспыхнувшей надеждой.

Однако едва он успел сделать несколько шагов, кузница медленно, словно во сне, осела. Провалилась крыша, обрушились стены — все беззвучно, что усиливало впечатление нереальности происходящего.

Над местом, где он провел столько часов, помогая вместе с Атагельды старому кузнецу и слушая его неторопливые рассказы, взметнулось облако пыли, которое долго не хотело оседать.

Нужно было пройти всю улицу, посмотреть, остался ли кто-нибудь в живых, но Анартай почувствовал, что силы оставили его. Он стоял, боясь прислониться к растению, на которое был надет глиняный горшок.

Издали долетел сухой, горячий ветер — дыхание пустыни, о которой Анартай успел позабыть.

УЧЕНИЕ ХРИСТА,

ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Составил Л. Н. ТОЛСТОЙ

36

И спросил один раз Иисус у учеников Своих: — Скажите Мне, как люди понимают Мое учение? — И они сказали: — Одни понимают так, что Ты учишь тому же, чему учил Иоанн, другие говорят, что Ты учишь тому же, чему учил Исаия; еще другие говорят, что учение Твое похоже на учение Иеремии, что Ты пророк. — Хорошо, сказал Иисус. А вы как понимаете о Моем учении?

И сказал ему Симон Петр: — По-моему, Ты учишь тому, что дух Божий живет в каждом человеке и что поэтому всякий человек сын Бога. — И сказал ему Иисус: — Счастлив ты, Симон, что понял это. Человек не мог открыть тебе это, но понял ты это потому, что Бог живет в тебе. Не Я своими словами открыл тебе это, а Бог, Отец Мой, прямо открыл тебе это.

И в это время сказал Иисус ученикам о том, что не миновать Ему в Иерусалиме нападок и оскорблений от людей, неверующих Его учению, но что если и убьют

Его, то убьют тело, но не убьют того духа Божия, какой живет в Нем.

Услыхав эти слова, Петр огорчился, взял за руки Иисуса и сказал Ему: — Ты не ходи в Иерусалим. Иисус же сказал на это: — Не говори так. Если ты боишься за Меня мучений и смерти, то это значит, что ты не думаешь о Божьем, а думаешь о человеческом. В жизни этой люди должны страдать, если живут для царства Божьего, потому что мир любит своих, а Божьих ненавидит. Всегда было так, что мирские люди мучили тех, кто исполняет волю Отца.

И, подозвав народ с учениками, Иисус сказал: — Кто хочет жить по Моему учению, тот пусть откажется от своей плотской жизни и пусть будет готов на все страдания, потому что, кто боится за свою плотскую жизнь, тот погубит истинную жизнь; а кто отдает свою плотскую жизнь, тот спасет истинную. И кто хочет исполнять Мое учение, тот пусть исполняет его не на словах, а на деле.

И сказал на это притчу:

У одного человека было два сына, и отец сказал первому: поди, работай в сад мой, но сын сказал:

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

не хочу, — а после, раскаявшись, пошел. А потом подошел отец к другому сыну и сказал то же. И второй сын сказал: иду сейчас и не пошел. Который из двух исполнил волю отца?

И ученики ответили: — Первый.

И Иисус сказал: — Так-то и Я говорю вам, что мытари и блудницы скорее войдут в царство Божие, чем те, которые говорят, но не исполняют.

37

И тогда ученики сказали Иисусу: — Трудно Твое учение. Умножь в нас веру в то, что нам будет хорошо, если мы будем жить по Твоему учению.

Иисус понял, что ученики желают знать про награду за добрую жизнь. И Он сказал им:

— Вера не в том, чтобы верить в награду, а вера в том, чтобы ясно понимать, в чем жизнь. Если ты ясно понимаешь, что жизнь твоя в духе Божьем, то ты не будешь ждать награды. Хозяин не станет благодарить работника за то, что он сделал то, что должно. И работник, если он понимает, что он работник, не обижается на это, а работает и знает, что получит то, что ему следует.

Так-то и вы исполняйте волю Отца и понимайте, что вы — работники, и если сделали то, что должно было, то не ожидайте награды, а довольствуйтесь тем, что получаете. Не о том надо заботиться, чтобы получить награду, а надо заботиться о том, чтобы не погубить ту жизнь, которая дана нам, исполнять в этой жизни волю Отца. И потому будьте всегда готовы, как слуги, когда они ждут

хозяина. Слуги не знают, когда он вернется, рано или поздно, и всегда должны быть готовы.

То же самое и в жизни. Всегда, всякую минуту надо исполнять волю Отца, не говоря себе: "тогда или там-то я сделаю то-то".

Итак, всегда живите духом в настоящем. Для жизни духа нет времени. Смотрите за собой, чтобы не отягчать себя и не отуманивать пьянством, объядением, заботами, чтобы всегда дух Божий властвовал над вашим телом.

38

И Иисус сказал еще притчу о том, как надо жить людям. Он сказал:

Хозяин посадил сад, обделал, устроил его, все сделал для того, чтобы сад давал как можно больше плодов. И послал в этот сад работников, чтобы они работали — собирали плоды и по уговору платили ему оброк. И вот пришел срок, и хозяин послал работника за оброком, но работники забыли про то, что сад не ими насажен и устроен, что они пришли во все готовое, и отогнали посланца хозяина ни с чем, и жили в саду, как хозяева, не думая о том, что сад не их собственный и что они по милости хозяина живут в нем. Тогда хозяин послал еще старшего приказчика, чтобы напомнить работникам об оброке. Работники прогнали и этого. Тогда хозяин послал сына. Но работники подумали, что если они убьют хозяйского сына, то их совсем оставят в покое. Они и убили его.

Что же делать хозяину? Больше нечего, как выгнать работников и прислать других.

Хозяин — это Отец; сад — это

мир; работники — это люди. Оброк — это жизнь духовная; посланцы хозяина — это святые люди, которые напоминают людям о том, что им надо жить не для тела, а для духа.

Заблудшие люди думают, что жизнь дана им для их телесного блага, а не для исполнения воли Отца, и убивают в себе жизнь духа и потому лишаются жизни.

39

После этого Христос опять пришел в Иерусалим и в храме стал говорить народу о дурной жизни фарисеев. Он сказал:

— Берегитесь учения книжников, самозванных правоверных учителей. Берегитесь их, потому что они заняли место истинных учителей, пророков. Они самовольно взяли на себя власть проповедовать народу волю Бога. Они только говорят, но не делают того, что говорят. Они хотят быть учителями и для этого стараются выказываться: наряжаются, величаются, а сами ничего не делают. Не верьте им. Знайте, что никто не должен называть себя учителем.

Эти самозванные правоверные учителя думают, что можно привести к Богу внешними обрядами, клятвами, а не видят того, что внешнее ничего не значит, что все в душе человека. Они самое легкое, наружное делают, а что нужно и трудно — любовь, милость, правду — оставляют. Им бы только наружно быть в законе и других наружно привести к закону. И от этого они — как гробы крашенные: снаружи чисты кажутся, а внутри мерзость.

Они наружно и святых и муче-

ников чтут. А по самому делу они-то и есть те самые, которые мучили и убивали святых. Они и прежде и теперь враги всего доброго. От них все зло в мире, потому что они скрывают добро и зло называют добром. А этого надо больше всего бояться, потому что вы сами знаете, что всякую ошибку можно поправить, но если люди ошибаются в том, что есть добро, то уже этой ошибки нельзя поправить. А это и делают эти самозванные пастыри.

После этого Иисус сказал: — Хотел Я здесь, в Иерусалиме, соединить всех людей так, чтобы люди здесь жили, любя друг друга и служа друг другу, но эти люди только умеют казнить учителей добра.

И Иисус пошел прочь от храма.

И сказал Иисус: — Верно говорю вам, что весь этот храм и все украшения его, все это разрушится и ничего от этого не останется. Есть один храм Божий, это — сердца людей, когда они любят друг друга.

И спросили они у Него: — Когда же будет такой храм? — И Иисус сказал: — Это будет не скоро. Долго еще людей будут обманывать Моим учением, и будут за это войны и возмущения. И будет большое беззаконие и будет мало любви.

Но когда все люди поймут истинное учение, тогда будет конец зла и соблазнов.

40

И всеми силами старались книжники и фарисеи погубить Иисуса; они собрались в совет и стали судить о том, как бы это сделать. Они говорили: — Надо остановить

этого человека. Он так доказывает Свое учение, что если оставить Его, все поверят в Него и бросят нашу веру. Уже и теперь половина народа поверила в Него. А если все поверят в Его учение о том, что все люди сыны одного Отца и что все братья, что нет в нашем народе еврейском ничего особенного от других народов, то придут римляне и заберут нас, и не будет больше царства еврейского.

И долго советовались книжники и фарисеи. Им хотелось убить Иисуса, чтобы избавиться от Него, но они боялись народа и не решились этого сделать.

Тогда первосвященник ихний, по имени Каиафа, сказал так: — Напрасно вы так боитесь. Бывает, нужно убить одного человека для того, чтобы не погиб весь народ. Так и теперь, — если мы не прекратим этого человека, то весь народ погибнет. Если даже и не погибнет народ, то все-таки он разбредется и отойдет от нашей единой истинной веры, и потому нечего бояться, а надо убить Иисуса.

И когда Каиафа сказал это, все согласились с ним и порешили убить Иисуса. Они бы и сейчас взяли Иисуса и убили Его, но Иисуса не было в Иерусалиме, и они не знали, где Он.

Когда же подошел праздник Пасхи, тогда первосвященники решили, что Иисус с народом верно придет к празднику, и повестили своим служителям, что если кто увидит Иисуса, то привел бы Его к ним.

И точно, еще за шесть дней до Пасхи Иисус сказал ученикам: — Теперь пойдемте в Иерусалим. — Но ученики знали, что первосвященники хотят убить Его, и стали

просить Его, чтобы Он не ходил в Иерусалим. Они сказали ему: — Первосвященники решили побить Тебя камнями. Если придешь, они наверное убьют Тебя.

Иисус же сказал им: — Спотыкается и падает только тот, кто ходит в темноте; если же человек ходит днем при свете, то такой человек не спотыкается. Не может ошибаться человек, если живет в свете воли Божьей, делает то, чего хочет Бог. Такой человек не может ничего бояться. Пойдемте в Иерусалим.

И они собрались и пошли.

41

Когда в Иерусалиме узнали, что идет Иисус, народ вышел Ему навстречу, окружили Его, посадили Его на осленка, и люди бежали перед Ним, срывали с деревьев ветки, кидали на дорогу и кричали: — Вот Он наш истинный царь! Он научил нас истинному Богу. — И так въехал Иисус в Иерусалим. И спрашивали люди: — Кто это такой? — И те, кто знали Его, отвечали: — Это Иисус, пророк из Назарета Галилейского.

Когда подъехал Иисус к храму, Он сошел с осленка, вошел в храм и стал учить народ. И видели все это фарисеи и архиереи и говорили друг другу: — Смотрите, что делает этот человек. Весь народ за Ним идет.

Они хотели бы сейчас взять Его, но не смели этого сделать, боялись народа и все придумывали, как бы сделать это так, чтобы не раздражить народ.

Иисус же без всякой помехи учил народ в храме. В народе, кроме иудеев, были еще язычники, греки. Греки слышали про учение

Иисуса, что оно не для одних евреев, а для всех людей, и хотели слышать Его. Они сказали об этом Филиппу. А Филипп сказал Андрею.

Ученики боялись сводить Иисуса с греками. Они боялись, чтобы народ не озлобился на Иисуса за то, что Он не признает разницы между евреями и другими народами, и сначала не решались сказать Иисусу про то, чего хотели греки, но потом сказали Ему.

Услыхав про то, что греки хотят быть Его учениками, Иисус сначала смутился. Он знал, что если не делать разницы между иудеями и язычниками, то народ озлобится на Него. Но тотчас же оправился и сказал: — Нет различия между иудеями и язычниками, и один и тот же Сын Человеческий во всех людях. Пускай Я погибну за это, но пришло время признать Сына Человеческого, единый дух Божий во всех людях. Пшеничное зерно только тогда приносит плод, когда оно само погибает. Так и человек приносит плод только тогда, когда отдает жизнь свою для исполнения воли Бога. Кто любит свою телесную жизнь, тот умаляет свою жизнь духовную, а кто готов отдать свою жизнь телесную, тот получает духовную.

Душа моя борется теперь, отдамся ли Я расчетам временной жизни или исполню волю Отца. И что же, неужели теперь, когда наступил тот час, когда Я должен сделать то, для чего послан в мир, Я скажу: — Отец, избавь меня от того, что Я должен делать? — Не могу Я сказать этого, а говорю одно: — Отец, прояви Себя во Мне так, чтобы Я мог возвеличить Сына Человеческого и соединить всех людей воедино.

И на эти слова иудеи сказали Ему: — Мы знаем, что должен прийти Христос, но не понимаем, что такое значит возвеличить Сына Человеческого?

И Иисус сказал: — Возвеличить Сына Человеческого значит жить светом духовным. А свет духовный есть во всех нас. Возвеличить Сына Человеческого над земным значит верить в то, что дух Божий живет в каждом человеке. Кто верит в Мое учение, тот верит не Мне, но духу Божьему; а дух Божий дает жизнь миру и живет в каждом из вас. И тот, кто понимает Мое учение, знает этот дух, потому что дух этот живет в нем и дает жизнь миру. Если же кто слышит слова Мои и не понимает их, Я не виню его, так как Я пришел не обвинять, а спасать. Тот, кто не понимает моих слов, тот не верит в дух Божий, потому что то, что Я говорю, Я говорю не от себя, но от духа Отца. А дух Отца живет во Мне. То, что Я говорю, это то, что сказал Мне этот дух.

И, сказав это, Иисус ушел и опять скрылся от первосвященников.

42

И из тех, которые слышали эти слова Иисуса, многие из сильных и богатых людей поверили в учение Иисуса, но боялись признаться перед фарисеями, потому что из фарисеев ни один не признавал учения Иисуса. Они не признавали истины, потому что привыкли верить учению человеческого, а не божескому.

И сошлись опять первосвященники и книжники во дворе Каиафы. И стали придумывать, как бы им тайно от народа взять Иисуса и убить. Явно же они боялись

схватить Его. И к ним на совещание пришел один из первых учеников Иисуса, Иуда Искариотский, и сказал им: — Если боитесь взять Иисуса явно, при народе, я найду время, когда с Ним будет немного народа, и покажу, где Он, и тогда возьмете Его. Что дадите мне за это? — Они обещали ему за это тридцать сребреников. Иуда согласился и с тех пор стал выбирать время, когда можно будет навести на Иисуса первосвященников, чтобы взять Его.

Между тем Иисус опять ушел из Иерусалима, и были с Ним только ученики Его. Когда же подошел первый праздник "Опресноков", ученики говорят Иисусу: — Где же мы будем справлять Пасху? — Иисус и говорит: — Подите куда-нибудь в деревню и зайдите в первый дом и скажите, что у вас нет времени готовить Пасху, а что вы просите пустить вас к себе справлять праздник.

Ученики так и сделали, пошли в деревню, попросились в деревне в первый дом, и хозяин пустил их. И когда они пришли — Иисус и двенадцать учеников, в том числе и Иуда, — то все сели за стол, чтобы справлять Пасху. Иисус же догадывался о том, что Иуда Искариотский обещал фарисеям выдать Его на смерть, но Он не хотел злом за зло отплатить Иуде и при всех учениках обличить его, а как всю жизнь учил учеников любви, так и теперь хотел только любовью смягчить сердце Иуды.

И вот, когда Он и все двенадцать учеников уже сидели за столом, Иисус взял хлеб, разломил его на двенадцать частей, дал каждому из учеников по куску и сказал: — Это Мое тело, берите и ешьте его. — И потом налил в чашу вина,

подал ученикам и сказал: — Пейте все из этой чаши, это кровь Моя.

И когда они один за другим выпили вино из чаши, Он сказал: — Да, это кровь моя. Я проливаю свою кровь за грехи мира. — И, сказав это, Иисус встал из-за стола, снял верхнюю одежду, опоясался полотенцем, взял кувшин воды и сказал, что Он теперь будет всем ученикам мыть ноги. И к первому подошел к Петру, но Петр отстранился и сказал: — Разве можно учителю мыть ноги ученикам? — Иисус же сказал ему: — Тебе странно, зачем Я хочу мыть твои ноги, но ты сейчас узнаешь, почему Я делаю это. Я делаю это потому, что хотя вы и чисты, но не все.

Иисус словами этими намекал на Иуду.

И Иисус перемыл ноги всем ученикам, также и Иуде. И когда Он окончил это и оделся, Он обратился ко всем ученикам и сказал: — Поняли ли вы теперь, зачем Я это сделал? Я сделал это затем, чтобы вы то же сами всегда делали друг другу. Я, учитель ваш, делаю это, чтобы вы знали, как надо поступать с теми, которые делают вам зло. Если вы это поймете и будете делать так, то вам всегда будет хорошо.

И, сказав это, Иисус опечалился и сказал: — Да, да, один из тех, кому Я мыл ноги, предаст Меня.

И стали ученики оглядывать друг друга и не знали, про кого Он говорит. Один ученик сидел близко к Иисусу. Симон Петр кивнул ему, чтобы он спросил Его, про кого Он сказал. Тот спросил.

И Иисус сказал: — Это тот, кому Я подам кусок хлеба. — И Он подал кусок хлеба Иуде Искариотскому и сказал ему: — Что хочешь делать, делай скорее. — Никто

сначала не понял, что значили слова Иисуса, но Иуда понял их и, как только взял кусок, сейчас же встал и вышел, и когда ученики поняли, в чем дело, уже было поздно и нельзя было гнаться за ним, потому что была темная ночь.

И когда ушел Иуда, Иисус сказал: — Дети! Еще не долго мне быть с вами. Не мудрствуйте о Моем учении, а как Я говорил фарисеям, делайте то, что Я делаю. Даю вам одну новую заповедь: как Я, всегда и до конца любите друг друга и всех людей. В этой заповеди все Мое учение. Только исполняя эту заповедь, вы будете Моими учениками. Любите друг друга и всех людей.

43

И еще сказал Иисус Своим ученикам: — Жизнь в том, чтобы все больше и больше приближаться к совершенству Бога. Это путь. Я иду по нему, и путь этот вы знаете.

Тогда Фома сказал Ему: — Нет, мы не знаем, куда Ты идешь, и потому не можем знать путь.

Иисус сказал: — Я иду к Отцу, и учение Мое — это путь к Нему. Нельзя соединиться с Отцом жизни иначе, как только через Мое учение. Исполняйте Мое учение любви, и вы познаете Отца.

Филипп сказал: — Покажи нам Отца.

И Иисус сказал: — Как же ты не знаешь Отца? Мое учение в том, что Я в Отце и Отец во Мне. Кто будет жить по Моему учению и исполнять Мои заповеди, тот узнает Отца. Я умру, и мирские люди не будут Меня видеть, но дух Мой не умрет, и вы будете жить им. И тогда вы поймете, что Я в Отце и

Отец во Мне.

И сказал Ему опять Иуда, не Искаротский, а другой Иуда: — Почему дух Твой войдет только в нас, а не во всех людей?

И в ответ сказал Иисус: — Кто исполняет Мое учение, того любит Отец и в том живет дух Мой. Кто же не исполняет Моего учения, того не любит Мой Отец, и дух Его не живет в том. Учение Мое не Мое, а Отца.

Вот все, что Я могу сказать вам теперь. Но дух Мой, дух истины, вселится в вас после Меня и откроет вам все, и вы вспомните тогда и поймете многое из того, что Я говорил вам. И когда поймете это, то будете покойны не мирским спокойствием, как бывают спокойны люди мирские, но спокойствием духа таким, что уже ничего не будете бояться. Вы напрасно огорчаетесь тем, что Я ухожу от вас. Я иду к Отцу и от Него, как дух истины, опять приду к вам и вселюсь в ваше сердце. Вам надо не печалиться, а радоваться Моей смерти, потому что вместо Меня, Моего тела, с вами будет дух Мой в вашем сердце, а это лучше для вас.

44

Если вы будете жить по Моей заповеди любви и исполнять ее, то вы будете иметь все, чего желаете, потому что воля Отца в том, чтобы вы имели то, чего желаете. Как Отец дал Мне благо, так и Я даю вам благо. Если заповедь Мою соблюдете так же, как Я соблюдаю заповедь Отца, то будете блаженны. Заповедь Моя в том, чтобы вы любили друг друга так же, как Я любил вас, так, чтобы быть готовым ради любви отдать плотскую

жизнь свою. Вы равны Мне, если делаете то, чему Я научил вас. Я не почитаю вас рабами, но считаю вас равными себе, потому что Я разъяснил вам все, что понял от Отца, и вы можете делать то же, что и Я. Я дал вам единое истинное учение. И учение это дает единое истинное благо.

Учение все в том, чтобы любить друг друга. Если мир вас будет ненавидеть и гнать, то не удивляйтесь этому, — миру противно Мое учение. Если бы вы были заодно с миром, то он любил бы вас. Но Я вас отделил от мира, и за то он будет ненавидеть и гнать вас. Если Меня гнали, то будут гнать и вас. Они не могут не делать этого, потому что не знают Отца. Я объяснил им, кто их Отец, но они не хотели слушать Меня. Они не поняли Моего учения, потому что не поняли того, что Я говорил им об Отце. И за то еще больше возненавидели Меня.

Еще многое сказал бы вам, но вам трудно понять теперь. Когда же вселится в вас дух истины, он укажет вам всю правду, потому что он будет говорить вам не новое, свое, а то, что от Бога, и он во всех случаях жизни укажет вам путь. Этот дух будет говорить вам в вас то же самое, что говорю Я.

45

После этого Иисус поднял глаза Свои к небу и сказал: — Отец мой, Ты дал Своему сыну свободу жизни с тем, чтобы Он получил жизнь истинную. Жизнь истинная — это знание истинного Бога. И Я открыл Тебя людям. Они были Твои и прежде, но по Твоей воле Я открыл им истину о том, что Ты в них. И они познали Тебя. Они по-

няли, что все Мое — Твое и все Твое — Мое. Я уже не в мире, а иду к Тебе, но они в мире, а потому прошу Тебя, Отец, соблюди их в истине. Не о том прошу, чтобы Ты взял их из мира, но о том, чтобы Ты избавил их от лжи, утвердил бы их в истине Твоей. Чтобы они все были одно; как Ты, Отец, во Мне и Я в Тебе, так чтобы и они в нас были одно, чтобы все соединились в одно, и чтобы поняли люди, что они не сами родились, но Ты, любя, послал их в мир так же, как и Меня.

Отче праведный! Мир Тебя еще не познал, но Я познал, и они познали через Меня. И Я объяснил им, что Ты, любя их, дал им жизнь с тем, чтобы любовь Твоя к ним от них возвращалась к Тебе.

46

И после этого Иисус поднялся и пошел с учениками на гору Масличную. И дорогой Он сказал им: — Да, пришло время, когда, как сказано в Писании, убьют пастуха и разбегутся овцы. Так и будет с вами. Меня возьмут, и вы разбегитесь.

— Нет, я не убегу, сказал Петр; если и все разбегутся, я-то уж никак не оставлю Тебя. С Тобой готов повсюду, и в тюрьму и на смерть.

Иисус же сказал: — Не хвались вперед о том, что сделаешь. Может быть, что еще нынче до петухов и не раз, а три раза отречешься от Меня.

— Ни за что, — сказал Петр. То же сказали и другие ученики.

И когда они пришли в сад Гефсиманский, Иисус сказал им: — Побудьте здесь немного, Я хочу помолиться. — С собой же Он по-

Иллюстрации из книги "История Библии". XVIII век.

звал только Петра и двух братьев. Заведеевых. Он сказал: — Тяжело Мне. Побудьте со Мною.

И Он отошел немного от них, лег на землю и стал молиться. Он сказал: — Отец Мой! Избавь Меня от того, что ожидает Меня. — А потом помолчал недолго и сказал: — Но все-таки не Моя воля пусть будет, а Твоя, и пусть будет не так, как Я хочу, а так, как Ты хочешь.

И потом встал и подошел к ученикам. А ученики заснули. Иисус разбудил их и сказал: — Крепитесь духом, только дух силен, плоть слаба.

И опять Иисус отошел от них и опять стал молиться и говорил: — Отец Мой! Да будет воля Твоя. Не Моя да будет воля, а Твоя.

И, сказав это, опять подошел к ученикам и видит, что они опять заснули. И Он в третий раз отошел от них и опять сказал: — Отец

Мой! Не Моя, а Твоя пусть будет воля.

Тогда вернулся к ученикам и сказал им: — Теперь пойдемте, Я отдаюсь в руки мирских людей.

47

И только что Он сказал это, показался Иуда Искариотский и с ним воины и служители первосвященников с оружием и светильниками. И Иуда тотчас же подошел к Иисусу и сказал: — Здравствуй, Учитель! — И поцеловал Его.

И Иисус сказал ему: — Друг, зачем ты пришел?

Тогда стража окружила Иисуса и хотела взять Его. Но Петр выхватил нож у архиерейского слуги и отсек ему правое ухо. И, увидев это, Иисус сказал Петру: — Вложи меч в ножны. Все взявшие меч от меча погибнут.

И после этого Иисус обратился к людям, которые пришли за Ним, и сказал: — Зачем вы как на разбойника пришли на Меня с оружием? Я ведь каждый день был среди вас в храме и учил вас, что же вы тогда не брали Меня?

Тогда начальник велел солдатам связать Иисуса. Солдаты связали Его и повели сперва к Каиафе. Это был тот самый Каиафа, который уговорил фарисеев погубить Иисуса тем, что сказал, что лучше погубить одного человека, чем гибнуть всему народу. И Иисуса привели на двор его дома.

Ученики же Иисуса все разбежались, только один из них, Петр, шел издали за Иисусом и смотрел, куда Его поведут.

Когда Иисуса ввели во двор первосвященника, Петр вошел туда же, чтобы видеть, чем все кончится. И одна женщина во дворе увидела Петра и спросила его: — Или ты тоже был с Иисусом Галилейским? — И Петр испугался и, чтобы его не обвинили вместе с Иисусом, сказал: — Не знаю, что ты говоришь.

Потом, когда Иисуса повели в дом, и Петр вошел с народом в сени. В сенях разложен был огонь, и женщина другая грелась у огня. Когда Петр подошел к огню, женщина поглядела на него и говорит: — Похоже, что этот человек был с Иисусом Назарянином. — Петр испугался еще больше и стал клясться, что никогда не был с Иисусом и не знает, что это за человек.

Немного погодя подошли к Петру люди и говорят: — Однако, по всему видно, что ты тоже из бунтовщиков. Поговору тебя можно узнать что ты из Галилеи. — Тогда Петр еще раз стал

клясться, что даже никогда не видал Иисуса. И только что он сказал это, запел петух. И вспомнил Петр слова Иисуса, что "ты еще до петухов нынче же, может быть, не раз, а три раза отречешься от меня". Вспомнил это Петр и пошел со двора и горько заплакал.

48

И сошлись тогда к первосвященнику старейшины и книжники. И когда все собрались, привели Иисуса, и первосвященник спросил Его, в чем Его учение и кто Его ученики?

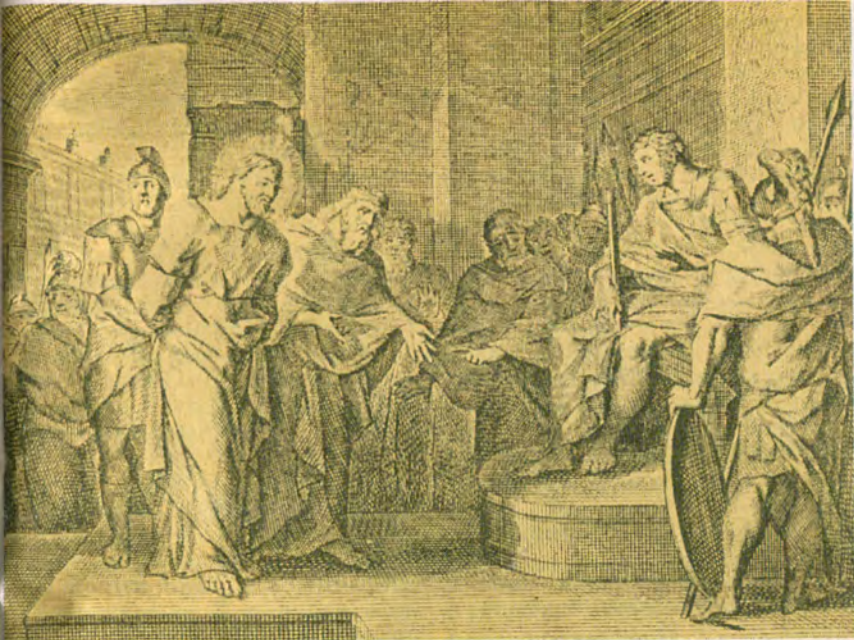
Иисус сказал: — Я всегда при всех все говорил и ни от кого ничего не скрывал. О чем же ты меня спрашиваешь? Спроси тех, кто слышал и понял Мое учение, они скажут тебе.

Когда Иисус сказал это, один из слуг ударил Иисуса по лицу и сказал: — С кем Ты говоришь? Разве так отвечают первосвященнику?

Иисус сказал: — Если Я дурно сказал, скажи, чем Я дурно сказал. А если Я дурного не сказал, так зачем же ты Меня бьешь?

Первосвященники и старейшины старались обвинить Иисуса, но не находили против Него таких улик, чтобы можно было присудить Его. Тогда они подыскали двух ложных свидетелей, и свидетели эти сказали про Иисуса, будто Он говорил, что может уничтожить храм и в три дня вновь построить его. Первосвященник спросил Иисуса: — Что Ты скажешь на это? — Но Иисус ничего не сказал. Тогда первосвященник сказал Ему: — Так скажи же, Ты ли Христос — сын Бога? — Иисус сказал: — Да, Я сын Бога.

Тогда первосвященник закри-

чал: — Ты хулишь Бога. Какие же нам еще улики? Вы все слышали, как Он богохульствует! — И первосвященник обратился к собранию и сказал: — Теперь вы сами слышали, что Он хулит Бога. К чему вы за это присуждаете Его?

И все сказали: — К смерти.

И тогда уже весь народ и стражи, все напустились на Иисуса и стали плевать Ему в лицо и бить по щекам. Они зажимали Ему глаза, били по лицу и спрашивали: — Ну-ка, Ты, сын Божий, угадай, кто ударил Тебя? — Иисус все молчал.

49

После этого Иисуса связанного повели к римскому правителю Понтию Пилату. Когда Его привели к Пилату, правитель вышел на

крыльцо и сказал тем, кто привел Его: — В чем вы обвиняете этого Человека? — Они сказали: — Он злодей, за то мы и привели Его к тебе.

Пилат говорит им: — А если Он злодей по-вашему, так сами и судите Его по вашему закону. — А они сказали: — Мы привели Его к тебе затем, чтобы ты казнил Его, а нам не позволено казнить смертью никого.

Тогда Пилат еще раз спросил их, в чем они обвиняют Его. Они сказали, что Он бунтует народ, запрещает платить подати кесарю и Сам Себя называет царем иудейским.

Пилат выслушал их и велел привести Иисуса к себе в правление.

Когда Иисус вошел к нему, Пи-

лат спросил Его: — Ты царь иудейский? — Иисус сказал ему: — От себя ты спрашиваешь это или повторяешь то, что другие сказали тебе?

Пилат сказал: — Я не иудей, а Твой привели Тебя ко мне за то, что Ты называешь Себя царем. — Иисус сказал: — Да, Я царь, но царство Мое не земное. Если бы Я был царем земным, то Мои подданные бились бы за Меня и не отдали бы Меня во власть иудеям. А вот ты видишь, что со мной сделали. Царство Мое не земное.

Тогда Пилат сказал: — Ты все-таки Себя считаешь царем? — Иисус сказал: — Я учу людей истине царства небесного. И кто живет истиной, тот царь.

Пилат сказал: — Истина? Что такое истина?

И Пилат повернулся задом к Иисусу и вышел опять к иудеям и сказал им: — По-моему, человек этот ничего дурного не сделал и не за что казнить Его.

Но первосвященники стояли на своем и говорили, что Он много зла делает и бунтует народ и взбунтовал всю Иудею.

Тогда Пилат при первосвященниках стал опять допрашивать Иисуса. Он сказал Иисусу: — Видишь ли Ты, как Тебя уличают, — что же Ты не оправдываешься? — Но Иисус молчал и не сказал больше ни одного слова, так что Пилат удивлялся на Него.

Тогда Пилат вспомнил, что Галилея во власти царя Ирода, и спросил: не из Галилеи ли Он? Ему сказали, что точно, из Галилеи. Тогда Пилат сказал: — Если Он из Галилеи, то Он под властью Ирода. И, чтобы отделаться от иудеев, Пилат послал Иисуса к Ироду.

И привели Иисуса к Ироду. А Ирод много слышал об Иисусе и теперь рад был увидеть Его. Ирод позвал Иисуса к себе и стал расспрашивать Его обо всем, что ему хотелось знать. Но Иисус ничего не отвечал ему. А первосвященники и книжники, так же как у Пилата, и перед Иродом всячески обвиняли Иисуса и говорили, что Он бунтовщик. Но Ирод счел Иисуса за пустого человека и, чтобы пошутиться над Ним, велел одеть Его в красное платье и в этом шутовском наряде послал Его назад к Пилату.

Когда во второй раз привели Иисуса к Пилату, Пилат позвал опять начальников иудейских и сказал им: — Приводили вы ко мне этого Человека за то, что Он бунтует народ, и я допрашивал его при вас и не вижу, чтобы Он был бунтовщик. Посылал я Его с вами к Ироду, и вот видите, и там ничего не нашлось в Нем вредного. И по-моему, не за что казнить Его смертью, а не лучше ли высечь Его и отпустить?

И когда услышали это, все закричали: — Нет, казни Его по-римски: на кресте распни Его!

Пилат выслушал их и сказал: — Хорошо, только ведь со старины заведено, чтобы для праздника Пасхи прощать одного злодея. Так вот есть приговоренный к смерти разбойник Варавва и теперь еще этот. Так одного из двух можно отпустить. Кого же отпустить, Иисуса или Варавву?

Пилату хотелось выручить Иисуса, но первосвященники настраивали народ так, что все закричали: — Варавву, Варавву! — Тогда Пилат спросил: — А с Иисусом что

же делать? — И они опять все закричали: — По-римски, на кресте, на крест Его!

Пилату все-таки не хотелось казнить Иисуса, и он опять стал уговаривать первосвященников, чтобы отпустили Иисуса. Он сказал: — За что вы так налагаете на Него? Он никакого зла не сделал и не за что казнить Его. Но первосвященники и слуги их опять закричали: — Казнить, казнить по-римски! Распять, распять Его!

Тогда Пилат сказал им: — Если так, то берите Его и сами распяните, а я не вижу в Нем вины.

И первосвященники сказали: — Мы требуем того, что следует по закону. По закону Его следует казнить за то, что Он называет Себя сыном Бога.

Тогда Пилат, услышав это слово, смутился, потому что не знал, что такое значит это слово "сын Бога".

И, вернувшись в правление, позвал опять Иисуса и спросил Его: — Кто Ты и откуда Ты? — Но Иисус не отвечал ему. Пилат сказал: — Что же Ты не отвечаешь мне? Разве Ты не видишь, что Ты в моей власти и что я могу распять или отпустить Тебя?

Тогда Иисус сказал ему: — Нет, ты не имеешь надо Мной никакой власти. Есть власть только свыше.

51

Пилату так хотелось отпустить Иисуса, что он опять стал говорить с народом и сказал: — Как же это вы хотите распять царя вашего?

Но иудеи сказали ему: — Если ты отпустишь Иисуса, то ты этим покажешь, что ты неверный слуга кесарю, потому что тот, кто делает себя царем, тот враг кесарю. У

нас есть один кесарь, а этого царя распни.

И когда Пилат услышал это слово, он понял, что ему уже нельзя не казнить Иисуса. Тогда Пилат вышел к иудеям, полил себе на руки воды перед ними и сказал: — Омываю себе руки от крови этого невинного Человека.

И народ закричал: — Пусть будет кровь Его на нас и на детях наших.

И тогда Пилат велел прежде высечь Иисуса. Когда Его высекли, солдаты, которые секли Его, надели Ему на голову венок и дали в руки палку, и на спину накиннули Ему красный плащ, и стали издеваться над Ним. Они кланялись Ему насмех в ноги и говорили: Радуйся, царь иудейский! — А то били Его по щекам и по голове и плевали Ему в лицо. И все кричали: — Распни Его! Наш царь, кесарь. Распни его!

И после этого Пилат приказал распять Иисуса. И с Иисуса сняли красную одежду, надели на Него Его платье и велели Ему нести крест на лобное место Голгофу, чтобы там распять Его. И Он нес крест Свой, и так пришел на Голгофу. И там распяли Его на кресте и еще двух человек вместе с Ним. Те два были по бокам, а Иисус посредине их. Иисус же говорил: — Отец! Прости им, они не знают, что делают.

52

И когда Иисус уже висел на кресте, народ обступил Его и ругался над Ним. К Нему подходили люди, кивали Ему головами и говорили: — Ну-ка, Ты храм Иерусалимский хотел разрушить и в три дня опять соорудить. Ну-ка, те-

перь Сам выручи Себя, сойди со креста!

И первосвященники и книжники стояли тут же и тоже смеялись над Ним и говорили: Других спасал, Себя не можешь спасти. Вот покажи, что Ты Христос, сойди с креста, и тогда мы поверим Тебе. Он говорил, что Он сын Божий, и говорил, что Бог не оставит его, что же теперь-то Бог оставил его?

И народ, и первосвященники, и солдаты ругались над Ним.

То же говорил и один из разбойников, распятых рядом с Ним: — Если Ты Христос, спаси Себя и нас. А другой разбойник услышал это и сказал: — Не боишься ты Бога, сам висишь на кресте за дурное дело, а ругаешься над невинным. Мы с тобою за дело казнены, а этот человек ничего дурного не сделал.

В девятом часу Иисус громко проговорил: — Ели, ели, лама сабахтани! Это значит: "Бог мой, Бог мой! На что Ты меня оставил?"

И когда услышали это в народе, то стали говорить и смеяться: — Илью пророка зовет! Посмотрим, как Илья придет.

Потом Иисус попросил: — Пить! — И один человек взял губку, обмочил ее в уксусе и на камышине подал Иисусу. Иисус пососал губку и сказал громким голосом: — Кончено! Отец, в руки Твои отдаю дух Мой! — И, склонив голову, испустил дух.

Текст публикуется по изданию: "Учение Христа, изложенное для детей". Составил Л. Н. Толстой. Издание третье. Москва, 1911. В публикацию не включены "Вопросы", завершавшие каждую главу.

Судя по нашей почте, с годами популярность группы "Ласковый май" не убывает. Наверное, ее поклонникам есть о чем рассказать друг другу. Вот еще адреса:

УССР, Запорожская обл., Михайловский р-н, райцентр Михайловка, ул. Мичурина, д. 156^а. Хабло Елена (16 лет).

141400, г. Химки Московской обл., Юбилейный просп., 4, кв. 97. Александрова Настя (14 лет).

453515, Башкирская ССР, г. Белорецк—15, пер. Школьный, 2, кв. 31. Асфандиярова Гульнара (14 лет).

630054, г. Новосибирск, 3-й переулок Крашенинникова, д. 8/1, кв. 3. Фан-клуб "Ласкового мая".

15-летняя Таня в будущем хочет стать адвокатом или журналистом, а пока играет в большой теннис. Из эстрадных певцов ей нравится А. Глызин. И еще она любит писать и получать длинные письма.

357528, г. Пятигорск, ул. Егоршина, 8, кв. 86. Головина Таня.

А у ее тезки из Якутии совсем другие проблемы. Ей хочется переписываться с парнем, у которого, как и у нее, неважные отношения с родителями.

678190, Якутская АССР, Мирнинский р-н, п. Айхал, ул. Лумумбы, 3—4. Таня Н.

"Погиб Виктор Цой. Я не могу представить, что его больше нет! Не верю! Я его видела. Живым, — пишет Оля из Симферополя. — Я знаю, что я не одна такая..." Действительно, Оля не одна такая. Вот адреса поклонниц Цоя:

333026, г. Симферополь, ул. Гагарина, 14^а, кв. 45. Турова Оля (14 лет).

446801, Куйбышевская обл., Кошкинский р-н, с/з "Дружба", Юдина Наташа.

162340, Вологодская обл., г. Великий Устюг, ул. Кузнецова, 11/75. Щербакова Алена.

У Оксаны много талантов — она рисует, хорошо катается на скейте, собирает марки по искусству, открытки, календарики и фотографии животных. И еще у нее есть кошка Пуся. Оксана хочет переписываться с девочкой ее возраста — 14 лет.

195269, г. Ленинград, ул. Ольги Форш, д. 7/1, кв. 32. Петруняк Оксана.

У 16-летней Оли, видимо, никогда не было настоящего друга, среди своих одноклассников она его не нашла. Что ж, и такой огромный город, как Москва, может быть пустыней для одинокого человека. Давайте поможем Оле, друзья!

117574, г. Москва, Вильнюсская ул., 7, корп. 7, кв. 73. Кирилкина Оля.

История России... Перелистывая сегодняшние газеты, ловишь себя на мысли: да ведь она совершается и сегодня, на наших глазах. И понятен большой интерес к прошлому, его "светлым" и "темным" страницам. Те, кто интересуется историей нашей страны, могут написать 16-летней девушке, будущему педагогу.

414022, г. Астрахань, ул. Звездная, 43, кв. 68. Перевалова Оля.

"Если ребята чувствуют себя одиночками, если им некуда обратиться, если есть проблемы, которыми они могут поделиться со мной, пусть напишут мне. Все получают ответ".

677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 1, кв. 88. Женя С. (для ясности: Женя — девочка.)

Андрей учится в 7-м классе, учится, правда, неважно — на "4" и "3", но не всем же быть отличниками. Зато он, как мы поняли из его письма, открытый парень, любит фантастику, посещает художественную школу. И еще подробность: волосы у него русые, глаза — черно-коричневые. И фамилия — знаменитая!

167026, г. Сыктывкар, ул. Мира, 56, кв. 105. Станиславский Андрей.

17-летний Егор интересуется восточными единоборствами и играет на гитаре.

630058, г. Новосибирск, ул. Русская, 25 — 160. Скворцов Егор.

Девятиклассник из города Гай увлекается мотоспортом, радиоэлектроникой, любит хорошую музыку — но только в свободное от дел время.

462630, г. Гай Оренбургской обл., пр. Победы, 18, кв. 4. Пилипенко Дмитрий.

И еще один адрес. Девочка из Болгарии ждет писем от русских мальчиков.

Болгария, 9684, с. Тюленово, Варненская область, ул. "7", дом 2. Петрова Пена.

И, как обычно, адреса тех ребят, кто написал о себе очень мало или ничего. Адреса-загадки.

142207, Московская обл., г. Серпухов, ул. Джона Рида, 8, кв. 43. Колыхалина Аня (хочет познакомиться с парнем).

684032, Камчатская обл., Елизовский р-н, п. Николаевка, ул. 40-летия Октября, 10—2. Бекетов Виталий (16 лет).

Пермская обл., г. Оса, ул. Горького, 73—16. Ожгибесовой Лене (15 лет, просит писать мальчиков от 14 лет).

Ждем ваших писем!

Фото Михаила СТЕПАНОВА

Вадим ЛУРЬЕ
Александр ФАЙН

И СТРЕМНО, И СЫРО...

"Скоро я, наверное, перестану понимать сына. Я говорю не о взаимопонимании, обычной родительской тоске, — о языке. "Застреманый", "рубон"... Он уже не только с приятелями так разговаривает, но и с нами, видно, привык. "Фазер" (это еще можно сообразить — отец), "отпад", "фонтан" — то ли одобрение, то ли осуждение. Спрашиваю: "А на уроках вы так же изъясняетесь?" А в ответ: "Дык". Откуда что берется у них?! Смотрю, и в молодежную прессу все это уже лезет. Надо же вести с этим какую-то борьбу. Русский язык гибнет! Так мы до мычания доживем".

Н. Дроздова
г. Горький

Многие подростки пересыпают речь жаргонными словами. Когда они редки — несложно догадаться об их смысле. Бывает, улыбнешься — хоть жаргон и далек от изысканной словесности, в выразительности ему не откажешь, и "елы-палы" — это вам не обычное просторечное "елки-палки"! Чувствуете? Но вот когда идет поток сленга...

"С прайсом глухо. Не на что и чаю попить. Аскарь идти стремно, кругом менты. Со впиской вообще полный облом. Весь пипл бесфлэтовый — придется до утра в парадниках тусоваться. Да того гляди свинтят да и обхайрают в ментовке...

Да что говорить... И стремно, и сыро, и некому руку подать..."

Непосвященный, не обученный на тусовках, не переведет этот безымянный мемуар без словаря. И, кстати, сейчас готовится к изданию словарь современного молодежного сленга. Его составители — Вадим Лурье, молодой филолог, и Александр Файн, директор Научно-экспериментального центра по исследованию проблем молодежи (Ленинград).

— Это еще зачем — словарь?

— может возникнуть законный вопрос у тех, кому режет ухо подростковая лексика. — Обучать приклатенному языку или, чего доброго, переводить на него Льва Толстого?

Авторов — к ответу.

Для чего? Чтобы понять, "откуда что у них берется" и как "вести с этим борьбу"?

Сленг, или жаргон, или арг, — эти слова почти синонимы — вариант разговорной речи, не совпадающий с нормами литературного языка. Им пользуются в какой-то социально или профессионально обособленной группе. Есть, скажем, сленг у медиков, у шоферов... Человек, далекий от этих профессий, не все тут поймет. И есть молодежный сленг.

В разные времена был свой школьный, студенческий жаргон.

И в разные времена с ним боролись.

"Воровской язык среди школьников, "Против уродования русского языка", "За культуру комсомольского языка" — наступала пресса в двадцатые годы, когда школьники щеголяли словами из воровской лексики. Подобная нетерпимость наблюдалась и в пятидесятые, шестидесятые, семидесятые годы. Это было естественным для тоталитарного государства, где любой шаг в сторону вызывал подозрительность.

Люди старшего поколения помнят, как боролись со стилягами — разрезали узкие брюки, укорачивали галстуки с пальмами, "спасали" молодежь от "тлетворного влияния" Запада. Позже стригли хиппи...

Авторы статей и книг о языке (вот лишь несколько названий:

"Слова, словеса и словечки", "С жаргоне и модных словечках", "Рубай, читатель") требовали или запрета сленга, или борьбы с вульгарным, нехорошим в нем призывали не пускать жаргон в художественную литературу.

Но всегда была и другая точка зрения — антиморализаторская: нет недостойных изучения фактов языка, ученый "ни одного факта не осудит, а лишь изучит". И, скажем, любовь школьников двадцатых годов к воровскому жаргону замечательный языковед Е.Д. Поливанов объяснял тем, что у них "существует хроническая потребность определять себя и собеседника... в виде хулиганов или в виде играющих "под хулиганов". А отсюда и вывод — не будь этой причины, не было бы и ужасающего жаргона. И если уничтожится причина, исчезнет и следствие".

С позиции нормы языка, культуры речи сленг не заслуживает поощрения. Но важно разобраться, что же в нем отражается.

Мы долго делали вид, что в нашем обществе нет ни различных неформальных молодежных объединений, ни причин для конфликта молодых со старшим поколением, ни наркомании, ни проституции, а сленг все это откровенно кричал.

Так что в его изучении заинтересованы и те, кто хочет понять процессы, происходящие в живом разговорном языке — лаборатории языка литературного, и те, кто стремится понять молодежь.

Сленг — это своеобразное творчество, игра, которая помогает обособиться от обыденности.

Замечательный литературовед философ М.М. Бахтин, обраща-

яся к карнавальным формам народной культуры Средневековья, писал, что здесь возникают "особый тип общения, невозможный в обычной жизни, и особые формы площадной речи и площадного жеста, откровенные и вольные, не признающие никаких дистанций между общающимися, свободные от обычных (внекарнавальных) норм этикета..."

Можем ли мы отнести черты народной культуры Средневековья к сегодняшнему дню? Безусловно, нет. Но некоторые из них живут и по сей день, преобразованные временем. Карнавал ушел с площадей, но его приметы угадываются в микрогруппах, где все равны, где возникает особый тип общения — в почете иронический тон, взаимное осмеяние друг друга, соответственно рождаются и новые формы разговорной речи. Имя зачастую заменяется прозвищем, бранное выражение может употребляться в ласковом смысле.

Это — сближающая людей игра, смена масок. Молодым свойственно желание встряхнуть устоявшийся мир, отрицание неизблемости жизни, ее одномерности. Это проявляется в их одежде, языке.

Сленг бурно развивается в неформальных объединениях молодежи, сами названия которых — уже сленг: хиппи, панки, металлисты... Такие группы исповедуют собственное мировоззрение, образ жизни.

Наиболее массовой и открытой группой является "система". В нее входят в основном хиппи, но могут примыкать небольшие группы металлистов, панков.

Основные идеи хиппи почерпнули из религий Востока и христианства. Их идеал — общество Равенства и Братства, они мечтают о том дне, когда Любовь будет основой людских отношений. Но далеко не все, кто возвращается в "систему", знают об этой философии, здесь не устраивают приемных экзаменов, тебя сочтут за своего, если будешь иметь определенные атрибуты. Такие, как, скажем, *хайр* (слово заимствовано из английского), то есть длинные волосы. "Системных" людей иногда так и называют — "*волосатые*" или "*хайрастые*". Как и все прочие атрибуты, *хайр* — это символ. В одном из самых известных манифестов хиппи — "Манифесте Сталкера" — говорится: "Недаром испокон веков бунтари, протестовавшие против чрезмерной рационализации общественной жизни, многие люди творчества — художники, музыканты, поэты — не слишком-то жаловали парикмахерские... Волосы, если истолковать их чисто материалистически, — это как бы антенны, позволяющие улавливать тончайшие колебания физических, а также, естественно, и биологических полей".

К обязательным атрибутам относятся *хайратник* — яркая повязка из лент или бисерная нить, удерживающая волосы, *фенечка* (*фенька*) — украшение: бусы, браслеты, которые носят и девушки, и парни. Делают их сами, все идет в ход — бисер, металл, пластмасса, косточки плодов. На груди обычно висит *ксивник*, кошелек, где хранится паспорт (*кси-ва*) или другое удостоверение личности. Так как "волосатые" вызывают пристальное внимание милиции, которая часто *винтит* их без разбора, паспорт лучше иметь при себе...

Многие атрибуты перекочевали в молодежную моду, потеряв значение символов (мы можем увидеть девушку с *ксивником* на шее, совсем не ведающую, для чего он предназначен), а многие системные слова — в общий молодежный сленг.

Естественность всех человеческих проявлений — один из главных девизов хиппизма. Но системные девизы имеют и оборотную сторону. Например, безделье расценивается как пассивный протест против общепринятых и навязываемых норм жизни. Быть необязательным, разорвать отношения с родителями, забросить учебу, работу — это считается вполне нормальным. Безделье можно назвать основной чертой образа жизни хиппи. Хотя трудно считать бездельниками поэтов, музыкантов, художников, которых до недавнего времени было немало среди "системных". Им трудно было адаптироваться к "нормальной" жизни: их творчество не влезало в рамки "нормального", и их считали неудачниками, а в "системе" совсем неважно, признан ли ты, какое имеешь положение и сколько зарабатываешь. Многие из них стали известны, получили официальное признание. Но прежние сотоварищи относятся к этому неоднозначно. Кто-то считает, что они продались за материальные блага, купились и это плохо повлияло на их творчество.

Кстати, ощущение своей исключительности и превосходства над другими людьми свойственно самым различным молодежным объединениям.

У "системы", правда, есть для этого некоторые осно-

вания. Подростка обычно готовят к будущему, а он хочет жить сегодня. Он уже личность, а его постоянно принуждают, поучают — и тут на помощь приходит "система". Человек избавляется от одиночества (здесь много таких, как он, уставших от нотаций и команд), получает эмоциональную поддержку, ответы на важные для него вопросы. Школой становится тусовка. Хипповый *прикид* (одежда), шокирующее с непривычки поведение, нестандартность — на фоне серой, обыденной жизни это притягивает. Тусовка демонстративна, она как бы говорит о себе: "Мы таковы... смотрите, существуют еще не подвластные обыденности люди — *перенайтаем* (переночуем) в параднячке... а там по *трассе* в Крым — мы поем: "Твоя свобода внутри тебя". Тусовка раскрепощает, учит общаться.

Здесь можно послушать *олдового* — человека, старшего по возрасту, который отличается глубоким пониманием философии хиппи. Он может беседовать о Христе, о Лао Цзы или Марксе...

Субкультура неформалов, кроме различных действий, одежды и особого языка, имеет и собственный фольклор — устные рассказы, предания, слухи, анекдоты, песни. Широко распространено и письменное творчество: ходят по рукам листки со стихами и рассказами, где не столько важно авторство, сколько эмоциональный отклик нескольких читателей. Это все необходимо как самовыражение, самоутверждение.

Распространению фольклора хиппи способствует сам образ жизни — и тусовка, и трасса — поездка автостопом по стране.

Тусовые рассказы, песни, анекдоты часто пронизаны самоиронией. В них — безобидный, неприхотливый хиппи, который перенесет все что угодно. Послушайте (может, правда, кто-то уже слышал):

"Наехал как-то раз на хиппи каток. Шла по той улице старушка, глядит — яркий коврик из лохмотьев на асфальте лежит. Старушка взяла его и перед дверью своей бросила. Три года об него грязные ноги вытирали, совсем он запачкался. Старушка взяла его да и постирала. Повесила на балконе сушиться. Тут хиппи простудился и умер".

Новый герой молодежного городского фольклора — хиппи-наркоман. Он незащищен перед "блюстителем порядка" и духовно независим. Трудно принять такой идеал, но понять — необходимо.

Немало сочинено и про милиционеров. Как и ко всем людям, хиппи относятся к ним по-доброму (одна из акций — раздача милиционерам цветов), но нередкие суровые (и противоправные) действия местных властей, направленные против хиппи и других неформалов, породили и определенный собирательный образ милиционера, не отличающегося добродетелью и умом.

Если тусовые рассказы как бы нарочито упрощены, то авторское творчество стремится к размышлению в более сложной форме. "Мы свободны. Мы свободны. Создавайте. Не будьте создаваемыми. Град наш надо создать внутри нас самих и быть в нем. Свободный человек создает свой новый мир внутри себя". Такова заповедь хиппи.

В списках распространяются манифесты, рассказы, но больше всего стихов. Имя автора не ставилось изначально или опускалось при переписывании. Переписчик мог заменить непонятно написанные слова, мог внести и более существенные коррективы. Через подобное творчество прошли многие признанные сегодня лидеры рок-культуры.

Стихи — один из важнейших элементов знаковой системы субкультуры, но знак не внешний, а знак души.

Мы в мире,

где каждый молчит о своем,

Почти машинально себя предаем

Арене застольного братства,

Не смея собою остаться.

Но тщетно весельем морочит толпа:

Свободу отдашь за крупицу тепла,

За горький глоток сострадания,

За черный сухарь понимания.

В последнее время поговаривают об угасании "системы", но до этого, нам кажется, далеко. Правда, открытых тусовок в традиционных местах сбора все меньше. "Системные" перекочевали на *флэт* — на квартиры, и их сборы носят узкий характер. Потому что белых ворон не любят и милиция вела себя с ними, мягко говоря, некорректно — могла безо всяких оснований задержать, забрать документы (в фильме "Асса" героя сажают только за то, что у него серьга в ухе, а в жизни можно было загреметь и без серьги). С другой стороны, применяют насилие так называемые социальные санитары типа люберов, считающие своим долгом и призванием выкорчевывать влияние Запада. "Системные" часто не готовы к обороне — они пытаются не отвечать на насилие насилием.

Сказанное выше может показаться непривычным. Привычной резкое осуждение, брань в адрес "волосатых". Разве не отличается их среда высоким криминальным фоном? Разве не на флэтах пьют и колются? Разве не хиппи провозглашают фри-лав — свободную любовь? Да, на системных флэтах случается немало страшного. Здесь и наркотики, и водка, но и философия, и таланты... Все вместе: "система" многолика. Здесь и противники наркотиков и алкоголя. "Манифест Сталкера", который мы уже цитировали, утверждает: "...наркотики губят людей как физически, так и духовно, связывают и порабощают, низводят до уровня животных... Мы считаем применение наркотиков неоправданным, категорически выступаем против их употребления". Но "системе", как мы уже говорили, сопутствует множество людей, не разделяющих ее воззрений и вообще не исповедующих никакой философии, они просто делают все, что душа пожелает. Отсюда идет и наркотизация.

Только не нужно забывать, вина во всех бедах на свете "волосатых", что наркомания поражает людей из самых разных слоев общества, она не признает границ и не является исключительно чертой "системы".

Редко кто остается в "системе" навсегда. Но уходя из нее, вносят в жизнь нечто новое — вольный дух, вольные мысли, а также слова, которые не вписываются в представление о протокольной беседе. Слова эти помогают увидеть, как порой смешно то, что принято называть культурным, нормальным. Мы так много гово-

рим о "системе" потому, что она из-за своей открытости, направленности на общение, творчество стала одним из главных источников современного молодежного сленга.

Сленг панков повторяет в основном сленг "системы", так как некоторые из них поначалу примыкали к ней. Но объединить панков с хиппи можно лишь по противостоянию "нормальному".

Это хорошо сказано в песне Гребенщикова:

*Панки любят грязь, а хиппи цветы,
Но тех и других берут менты,
Ты можешь жить груба,
ты можешь жить любя,
Но если ты не мент, возьмут и тебя.*

Панк отрицает любовь к ближнему и пессимистически смотрит на мир, отвечая ему агрессией, озлобленностью. Фольклор тут точен:

"В окопе панк, пацифист и хиппи. Офицер дает им гранату — надо бросить. Пацифист: "Нет, там же люди!" Хиппи: "Нет, там же люди!" Панк: "Давай, там же люди!"

И то, что привнесли в сленг панки, соответствует их отношению к жизни, их грубости. Панк не скажет "девушка", в его устах это — "жаба".

У сленга металлистов (движение поклонников металлического рока сегодня довольно многочисленно, и в основном это подростки) тоже есть своя специфика. *Колеса* — пластинки, *трактор* — широкая молния на куртке, *навороты* — прошипованные браслеты... Родившиеся в этой среде слова, понятия в основном связаны с одеждой — металлическим *прикидом*, который помогает

создать образ "настоящего мужчины", образ жесткий, бойцовский. Кожаная повязка, черная куртка, ремни в шипах или клепках. Часто металлисты носят значки с фотографиями любимых ансамблей. Но замечено: чем лучше человек разбирается в тонкостях музыки, тем меньше внимания уделяет он разным атрибутам...

Молодежь часто употребляет и митьковские словечки — *браток, сестренка, елы-палы, дык...* У двух последних слов огромное количество значений в зависимости от ситуации и интонации. Иногда они вставляются в речь просто для колорита. Митьки стремятся к простоте быта (простая пища, одежда — символическая тельняшка) и мировоззрения. Поэтизируя обыденность, они одновременно иронизируют над ней, над собой.

Своя особенность и у жаргона мажоров — многие их словечки тоже уже не нуждаются в переводе. Они в основном связаны с вещами, деньгами, куплей-продажей, перепродажей. Много переименованных иностранных, чаще всего английских слов.

Среди мажоров выделяются хайлафисты. Обычно это дети богатых родителей. Вещи они носят только импортные. Встречаются обычно у кого-то дома или в лучших кафе, ресторанах. Любят сплетни об известных работниках искусства — это как ритуал. Стремятся к общению с людьми, имеющими высокое положение в обществе или большие материальные возможности. К другим же относятся крайне высокомерно.

Группы собственно мажоров можно встретить в портовых и наиболее крупных городах, где мно-

го иностранных туристов. Их образец — деловая молодежь Запада (хотя представления о ней порядком искажены). У мажоров такие же высокие материальные потребности, как у хайлафистов. Но чтобы их удовлетворить, приходится рассчитывать только на себя: многие подростки здесь из неполных, малообеспеченных семей. А нужно одеться соответственно, приобрести импортную видео- и радиоаппаратуру. Это все необходимо для самоутверждения, чувства полноценности, уверенности в себе. Больше всего среди них ребят, отчисленных из СПТУ, но встречаются учащиеся техникумов, студенты первых курсов вузов.

Внутри общности выделяют разные группы. Есть, например, *псевдошники* — те, кто копирует модель поведения молодежи какой-либо страны. Можно быть *псевдоамериканцем*, *псевдоангличином*... Одежда соответственно должна происходить из выбранной страны. Есть *солидняк* — наиболее уважаемая подгруппа в иерархии мажоров. Это старшие подростки с большими материальными возможностями. Среди них много хайлафистов. *Солидняку* позволительны любые комбинации одежды независимо от стран-изготовителей. Но вещи должны быть самыми модными, а значит, и самыми дорогими. Добываются они чаще всего у иностранцев, поэтому в их языке часто услышишь *бритиш* (англичанин), *канадчик* (канадец), *турмалей*, *финник* (финн), *америкос* (американец), *морковки* (марки), *серты* (сертификаты), *сдать* (продать вещи).

Существуют еще и группы типа печально известных *люберов* — социальные санитары,

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Рубрику ведет
Нина ТИХОНОВА

Рок не бывает

развлекательным

Письма читателей утвердили нас во мнении организовать программу "Рок-ликбез". Во многих посланиях нас благодарят за публикации о роке и просят рассказать в этой серии о группах... "Мираж", "Звезды".

Признаться, даже для музыковедов градация жанров — штука сложная. Поэтому вряд ли кто возьмется на раз назвать признаки, по которым легко было бы отличить рок от поп-музыки, ежели слушатель не улавливает разницы в стилистике.

Мнение по этому вопросу Александра Градского, которое мы для начала предлагаем, не является научным определением, требующим заучивания наизусть. Оно субъективно и парадоксально. Впрочем, местами артист использует материалы зарубежных

музыковедов, специализирующихся в роке.

Рассуждения Градского — мнение артиста, посвятившего себя року, тем и интересно. Творческий путь Градского по-своему причудлив. Для кого-то взлет певца ассоциируется с экспрессивным фортиссимо — "Первый тайм мы уже отыграли!" — песни Пахмутовой "Как молоды мы были". Для других Градский остается одаренным парнем, который учился в музыкальной школе по классу скрипки, получил образование оперного вокалиста в Институте имени Гнесиных, а теперь "растрчивает" себя на эстраде. Третьи знают его как активного участника любительского рок-

движения 60-х годов, сотрудничавшего с бит-ансамблем польских студентов МГУ "Тараканы", затем — солиста "Славян" (исполнивших песни "Битлз"), "Скифов", "Лос Панчос" и наконец лидера "Скоморохов", которые одними из первых запели рок-композиции на русском языке.

Как бы там ни было, выделяет певца богатый, в три с половиной октавы диапазона, голос, который привлек внимание к року даже тех слушателей, кто не увлекается этим направлением. А рок-фанов Градский "заманил" в Большой театр, когда исполнил партию в "Золотом петушке" Римского-Корсакова.

Нынешнее поколение почитает в Градском ветерана отечественного рока, хотя зачастую недоумевает, какое отношение имеют к

рок-музыке бардовские баллады, с которыми певец преимущественно выступает в последние годы.

Итак, беседа с Градским началась, по обыкновению его взрывного характера, чуть что не со скандала:

— Смешно! Я — ветеран рока! А многим остальным тоже за тридцать. Значит, разница между ветераном и неветераном в пять-шесть лет. Просто я раньше других начал этим заниматься.

(Это к сведению тех, кто все время просит назвать возраст музыкантов. Действительно, большинству состоявшихся артистов и рок и поп-направлений в районе тридцати. И если нет каких-либо уникальных отклонений, по-моему, скучно то и дело повторять эти цифры).

— Когда я был мальчишкой, — продолжает Градский, — мне было удобнее на острые темы высказываться с помощью классики. Ведь что такое классическая поэзия? Это поэзия, которая высказалась практически по всем темам, причем очень здорово, так, как никакой Градский, наверное, не сочинит. Последнее время свое пишу.

Выступаю только с гитарой на сцене. У меня традиционный российский стиль сейчас. Работаю как бы в романсовом жанре. Такая работа вынужденная. Была бы аппаратура, собрал бы ансамбль. Но в технике мы неандерталыцы. А электронное оборудование, создающее звук в зале, — часть рок-музыки. Поэтому в музыкальном отношении советский рок почти не развивается.

— Неужели даже вам что-то мешает в работе? Я знаю, вы

собирались создать свой театр. Каким бы он был?

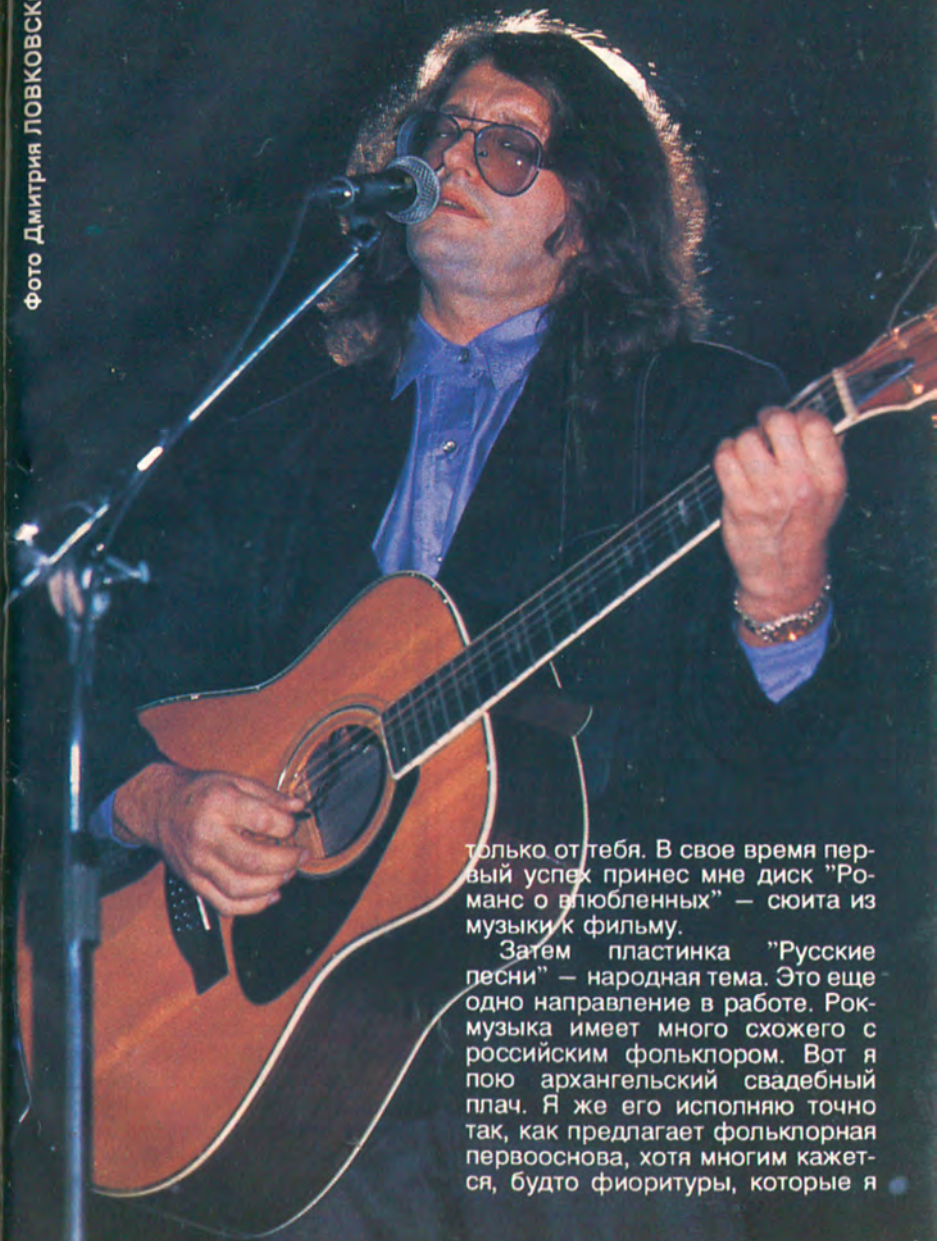
— Театр был бы обязательно гротесковым. Это то, что для меня рок. Чтобы возникало ощущение, как на аттракционе или в самолете: летишь, и вдруг — вверх, вниз — резкие перепады. Вот таким способом воздействовать.

Я уверен, что в состоянии руководить театром и делать это действительно хорошо. Но какие-то бумаги надо подписывать, какие-то нужны постановления каких-то коллегий, чтобы организовать творческую единицу...

— Как вы работаете над песней? Не мешает "излишнее" образование?

— Сочиняя, иду от слов к музыке. На первое место выдвигается идея, содержание, ради которого песня поется. Музыканты, изначально обученные, действительно зачастую попадают под давление своей образованности. Они знают, как было, знают, как надо, и нередко теряют свободу композиции. А вот Галичу, Окуджаве, Высоцкому только страстность поэтического порыва помогла сочинить несколько фантастических по красоте мелодий. Притом что эти люди — совершенно не музыканты. Но именно у них композиторам стоит поучиться не терять духовности за номинальной образованностью.

Главным своим делом считаю запись грампластинок. Здесь я — человек с ансамблем или даже с оркестром. Здесь можно добиться хорошего звучания, в крайнем случае переделывать по многу раз, чтобы вышло так, как задумал. В отличие от концертного выступления при записи окончательное качество звука зависит

только от тебя. В свое время первый успех принес мне диск "Романс о влюбленных" — сюита из музыки к фильму.

Затем пластинка "Русские песни" — народная тема. Это еще одно направление в работе. Рок-музыка имеет много схожего с российским фольклором. Вот я пою архангельский свадебный плач. Я же его исполняю точно так, как предлагает фольклорная первооснова, хотя многим кажется, будто фиоритуры, которые я

там выпеваю, взяты из рока. Это — настоящий фольклор. Мне не нравится, когда выносят на сцену специально упрощенные, подогнанные под эстрадные штампы поделки — теряется симфонизм, который непременно есть в народной песне. Но почему я называю свои композиции фольк-роком, а не чистым фольклором? Это уже дело авторской позиции. Вот "Камаринская" Глинки — это произведение Глинки? Да. Но это и — народная пляска. Я тоже беру народную тему, а потом разрабатываю ее за счет своего инструментария. Опять же это я пою, а не кто-то другой. Я вкладываю в исполнение что-то личное.

Следующая пластинка — "Сама жизнь" на стихи Поля Элюара. Потом опера "Стадион" — альбом. "Звезда полей" — поэзия Николая Рубцова. Двойной диск — сатирические стихи Саши Черного. "Утопия А. Г.". "Размышления шута" — сборник песен, которые я написал в 70-е годы, они порознь уже появлялись на гибких пластинках. Я постоянно искал возможности применения русского языка в разной стилистике рок-музыки: барокко-рок, хард-рок и т.д. А сейчас, мне кажется, выхожу на некоторую полистилику. Вслед за циклом стихов Маяковского, Пастернака, Набокова начал работать над "Мастером и Маргаритой".

— Вам не кажется, что широта творческих интересов увела вас от рока?

— Не знаю... Ведь что такое, в моем понимании, рок-музыка? Бетховен и Бах — тоже рок.

— Возможно, рок-музыкой вы называете все, что вам нравится?

— Нет, не все. К примеру, Глюк, Гайдн, Моцарт — величайшая музыка, но это — не рок. В произведениях этих композиторов душа радуется жизни, безмятежна по своей сути, это — другое. (Очень спорное мнение. — Н. Т.) Если сравнивать с нынешними неформальными объединениями, Моцарт для меня — хиппи. То есть человек, который старается не замечать мерзостей жизни и радуется тому, что солнце светит, играет волна в лунном блеске, об этом и поет. (Кстати, хиппи как раз и начинали рок-музыку. — Н. Т.) А я смотрю на волну и вижу не только красоту, но и человека, который тонет. Вот это — рок.

Рок — музыка стрессового состояния души.

— Значит, вы вовсе отказываете року в радостных эмоциях?

— Рок — объективная, диалектическая музыка. Поверхностно принятая обывателем положительная картина мира вынуждает иногда рок-музыкантов быть резко отрицательными, чтобы хоть каплей своей отрицательности создать общую картину, более менее объективную.

В наше время обострились некоторые черты музыки, существовавшие в искусстве всегда. Сегодняшний человек заключен в броню от информации. Слишком много информации. Люди и загордились броней, чтобы по возможности пропускать только ту информацию, которая им нужна. Раньше композиторы писали для человека, лишенного подобной брони. Музыка достаточно было звучать нежными красками. Классики очень берегли ритм-секцию. Ведь люди были открыты, и

слишком мощный ритм был просто не нужен. А сейчас, скажем, тромбоны в Пятой симфонии Шостаковича — это чистая рок-музыка. Потому что иначе уже невозможно воздействовать на публику в кульминации. Рок присутствует у старых мастеров только иногда, так как он весь построен на активной ритмической фактуре, жестких барабанах. Это народное: испанское — в шелканье кастаньет, российское — в перестуке деревянных ложек, негритянское — в тамтамах. Это танец, который организует человека в определенном ритме. Разбивая броню, рок вторгается в человека. А есть люди, которые вовсе не хотят, чтобы скорлупу, в которой они сидят, разламывали. Поэтому у рок-музыки появляются противники.

— Эти противники чаще всего сетуют, что молодежь не интересуется серьезной музыкой. А по данной версии выходит, будто классика и рок-музыка не так уж сильно отличаются друг от друга...

— Очень многие молодые любят симфоническую музыку и понимают ее. Дело в другом. Массового увлечения симфонической музыкой нет и никогда не было. Эта музыка рассчитана на элитарный вкус, это — сложная образность, которая никогда не была близка среднему человеку. А рок потому нужен, близок и среднему человеку, и развитому, что он — как коробка с тройным, с четверным дном. Развитый человек способен глубоко понять рок, а неразвитому достаточно легкодоступного, первого ассоциативного, эмоционального слоя.

А главное, что стоит понять, —

настоящий рок не бывает развлекательным. Под него можно весело танцевать, но в глубине — это жесточайшая и грустнейшая музыка, хотя идет в быстром, танцевальном ритме. И танец рождается "заводной", страстный. Не вложишь в песню слезы, истерику, страсть, останешься паяцем на веревочке, который дрыгается под ритмичную музыку. Рок-н-ролл — это боль, очень сильная, как и в блюзе.

— Какова с этой точки зрения ситуация в сегодняшней отечественной рок-культуре?

— Меня печалит, что нет сегодня солидарности среди музыкантов. Какой силой могли бы быть рок-музыканты, если бы в открытой, честной конкуренции противопоставили свое творчество серости в искусстве!

Я сам не очень люблю рок в том виде, как он сейчас существует. Потому что он во многом мне кажется бездуховным. Весь наш рок-н-ролл — это, скорее, диско. И только отдельные ансамбли являются духовно содержательными.

При этом у рока есть стремление быть разнообразным, есть стремление быть духовным, есть стремление стать реформатором существующих позиций. А остальные живут на своих жирных кусках уже давно. Они чувствуют в роке свежесть, подсознательную свежесть того, что они не делают, но могли бы делать, и поэтому рок не любят. А сами молчат, им не о чем говорить, все уже прошло, все надоело. Рок — это не только активная музыка, это — активная жизненная позиция.

Нина ТИХОНОВА

МОЗАИКА МОЗАИКА МОЗАИКА

у нас...

В одно из рок-шоу, организованное в Москве совместным советско-шведским предприятием "Хорос", была включена премьера нового фильма Центральной студии документальных фильмов — "Дети "Битлз". Зрители, до отказа заполнившие зал Дома культуры завода имени Владимира Ильича, увидели фильм-коллаж, в котором собраны отрывки из документальных и художественных лент, где запечатлен легендарный ансамбль. Как говорится, не прошло и двадцати лет, и мы увидели живьем "ливерпульскую четверку".

Делай свой выбор! И вот жители Севастопольского района столицы избрали руководителя "Ласкового мая" Андрея Разина своим представителем в районном Совете народных депутатов. За него и за предложенную им программу проголосовало более 70 процентов избирателей района. Вновь избранный депутат узнал о своем успехе в Череповце, где в это время "Ласковый май" находился на гастролях. Журнал "Мы" поздравляет Андрея Разина со вступлением на новое поприще!

Что же оказалось привлекательным в избирательной программе популярного музыканта? Один из главных тезисов, с которым он вступил в предвыборную борьбу, — необходимость помощи детям и подросткам. Именно ему, человеку, прошедшему непростой жизненный путь, мысль "Маленькому человеку — большую

Поклонники "Ласкового мая" пришли в неопишемое волнение, узнав, что один из музыкантов группы — Миша Сухомлинов — попал в автомобильную катастрофу. Но все обошлось сравнительно благополучно: Миша цел и почти здоров, отделался травмой правой руки. Свое шестнадцатилетие он встречал с забинтованной рукой. Но зато позднее в концертах Миша дебютировал уже как солист.

заботу!" оказалась наиболее близка. В интервью журналисту В. Вахрамову он сказал:

— Забота о детях и престарелых — непреходящая общечеловеческая ценность, завещанная Богом, освященная церковью. Но, как это часто случается, за глобальной программой мы часто не видим конкретного человека с его тревогами и заботами.

Мы хотим осуществить одну конкретную акцию — создать на базе школы № 541 молодежное творческое объединение. Студия "Ласковый май" выделит ставки для преподавателей, которые могли бы вести кружки, организовать досуг молодежи.

Кроме того, студия "Ласковый май" намерена организовать для столицы, где остро стоит вопрос со снабжением продовольствием, закупки сельхозпродукции из Ставропольского края.

...и у них

В 1978 году двое подростков — Джеймс Вэнс и Реймонд Белкнап — после употребления алкоголя и наркотиков пытались покончить с собой. Они поочередно выстрелили в себя из ружья. Белкнап погиб сразу, Вэнс выжил, но скончался от передозировки наркотиков в 1985 году. В предсмертной записке он написал, что к мысли о самоубийстве и его, и его друга толкнул диск группы "Джудас Прист" — "Запятнанный класс". После этого семьи погибших подростков подали иск в 6,2 миллиона долларов против группы и ее лидера Роба Халфорда. Спустя четыре года дело было закрыто: суд признал группу невиновной.

Басист и барабанщик группы "Рэд Хот Чили Пепперз" Майкл Бэлзари и Чэд Смит выплатят по тысяче долларов каждый одной из своих поклонниц (плюс по пять тысяч с носа в фонд общественной организации, борющейся против насилия над женщинами). Таким образом они поплатятся за то, что во время одного из концертов, который снимало телевидение, один из них перебросил двадцатилетнюю девушку через плечо, а другой пытался стянуть с лежащей купальник.

Костюм Майкла Джексона, в котором он исполнял песню "Бэд", был продан за тридцать тысяч долларов.

Участники металлической группы "Шпандау бэллей" Гари и Мартин Кэмп снимаются в новом фильме, где играют роли братьев-близнецов Рональда и Реджинальда Крей, самых безжалостных убийц, которых когда-либо знала Британия. "Я не могу видеть себя в этой роли параноика и шизофреника", — пожаловался Гари Кэмп.

Группа "Б-52", сохранившая такой же заряд энергии, какой был у нее в эпоху зарождения стиля "новая волна", отдала триста тысяч долларов, заработанных на концертах в штатах Джорджия и Калифорния, десяти организациям, борющимся с распространением СПИДа. Напомним, что в 1985 году брат певицы Синди Уилсон — гитарист и основатель "Б-52" Рики Уилсон — умер от этой болезни. Группа сделала также концертные записи и собирается выпустить на их основе новый альбом.

Популярный американский рок-исполнитель Джон Мелленкемп снимается в новом фильме "Сувениры". Он играет роль фолк-певца, неожиданно влюбляющегося в свою давнишнюю знакомую, которая к тому же замужем за его братом. "Сниматься в кино — это совсем не то, что записывать диски. Мне уже тридцать восемь лет, я целовался со многими женщинами за свою жизнь и никогда не думал, что целоваться перед камерой — это такое трудное занятие", — сказал Мелленкемп, подразумевая любовную сцену, в которой он обменивается поцелуем со своей женой (по фильму) — ее играет Маризел Хемингуэй.

Составили Василий ИВЛЕВ
и Николай СОЛДАТЕНКОВ
Январь 1991 г.

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Александр АДИН

В юношеские годы Мики Рурке ("9 1/2 недель", "Сердце Ангела") занимался боксом и в 1988 году предстал перед зрителями в качестве профессионального боксера в фильме "Свой парень". Он не похож на знаменитого Роки. Рурке сыграл свою роль намного лучше и интереснее Сильвестра Сталлоне, хотя фильм нельзя назвать коммерческим. Речь идет не о чемпионе, а об обычном спортсмене, талантливом, но упустившем в свое время шанс стать отличным боксером. Есть в ленте и детективная линия. Герой Рурке может встать и на путь грабителя, но он не принимает предложения своего нового приятеля.

Писатель и сценарист Стивен Кинг ("Мертвая зона", "Кошачий глаз", роман "Бегущий человек") и в самом деле может напугать зрителя. Во всяком случае "Кладбище домашних животных" невозможно смотреть без содроганий. Вроде бы и понимаешь, что все это чушь собачья, а все равно страшно. Все начинается с приезда молодого врача с семьей в другой город, где за домом, куда они поселились, много лет существует кладбище домашних

животных, а рядом с ним место, где индейцы хоронили своих соплеменников. Легенда гласила, что похороненные на этом месте живые существа оживают. Сначала главный герой оживил свою кошку, попавшую под машину, а затем таким же образом и трагически погибшего малолетнего сына. Тут-то и начались все неприятности.

"Террор в Беверли Хиллз" — откровенно слабая картина с братом Сильвестра Сталлоне ("Рембо — первая кровь") — Френком ("Пьянь") в главной роли. Как известно, старший Сталлоне признан в 1989 году самым непрофессиональным актером Голливуда среди звезд. Младший же может претендовать на это звание среди всех остальных. Бывший командос спецвойск получает приказ генерала выволить дочь президента США из рук палестинцев, пытающихся обменять заложницу на своих единомышленников, томящихся в заключении в Израиле.

Четверых больных психиатрической клиники врач решил взять в выходные на бейсбольный матч. Билли (Майкл Китон, "Батмен") врет безостановочно, Генри (Кристофер Ллойд, "Назад в будущее") помешан на порядке, Джек (Питер Бойл) уверен, что он Иисус Христос, и Алберт (Стивен Ферст), который не разговаривает, поет исключительно гимн США и мечтает попасть на скамейку запасных бейсбольной команды в качестве старшего тренера. По дороге "Псих-команда", попав в детективную историю, находит в себе силы спасти врача, и эта

ситуация частично выводит пациентов из болезненного состояния.

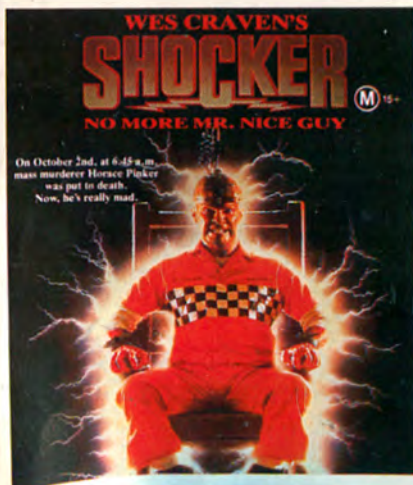
Фильм Рона Говарда ("Кокон", "Уиллоу") "Родители" об извечном конфликте родителей и детей. В картине заняты известные актеры — Стив Мартин ("Самолетом, поездом, машиной", "Отпетые мошенники"), Рик Моранис ("Дорогая, я уменьшил детей"), Мери Стинбёрджен ("В зимнюю стужу"), Дайана Уайст ("Ханна и ее сестры"), Том Халс ("Амадеус"). Все они — огромная семья с детьми и внуками. Отец переживает, что его сын плохо учится и не умеет играть в бейсбол, его сестра одна воспитывает двух подростков, на первый взгляд незнакомых, хотя в общем-то нормальных ребят, брат — аферист, игрок, который приводит в дом родителей сына-негритенка. Но все в конце концов встало на свои места — конец в фильме счастливый.

Арнольд Шварценеггер ("Близнецы", "Бегущий человек") вновь, как и в "Бегущем человеке", в фантастическом боевике "Возвращение памяти". Режиссер Пол Верховен ("Робот-полицейский") — мастер трюковых съемок, так что в зрелищном плане фильм потрясает. Некая компания под названием "Возвращение памяти" вживляет в мозг элемент, который делает все ваши воспоминания реальными. Герой Шварценеггера решил пойти на такую операцию, после чего выясняется, что ему она уже была некогда сделана. Тут и начинается боевик. Арнольд со своими мускулами способен победить всех, кто встанет на его пути.

Мультфильм режиссера Дональда Блута ("В доисторические времена") "Американская сказка" о семье мышей Мышковичей, которые решили эмигрировать из России в Америку, потому что там, как говорят очевидцы, нет кошек и очень много мышей. Они отправляются на пароходе в далекий путь и, попав в шторм, теряют младшего сына. Однако он остается в живых, добирается до берегов Америки и с невероятными приключениями находит своих родителей.

Уэс Крейвен — режиссер, который стал знаменитым после его очень страшного и любимого подростками фильма — "Кошмар на улице Вязов". Его последняя картина — "Электрошок" — тоже связана со снами и ужасами. Такое впечатление, что главный герой живет на той же улице Вязов. Множество специальных визуальных эффектов делают этот фильм небезынтересным.

Александр АДИН

- ***** — отличный фильм
- **** — хороший
- *** — неплохой
- ** — ничего особенного
- * — плохой

СВОЙ ПАРЕНЬ (HOMEBODY) ***
США 111 мин. Драма 1988

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ (PET SEMATARY) ****
США 98 мин. Ужас 1989

ТЕРРОР В БЕВЕРЛИ ХИЛЛЗ (TERROR IN BEVERLY HILLS) *
США 89 мин. Боевик 1988

ПСИХ-КОМАНДА (THE DREAM TEAM) ****
США 108 мин. Комедия 1989

РОДИТЕЛИ (PARENTHOOD) ***
США 118 мин. Комедия 1989

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ (TOTAL RECALL) ***
США 120 мин.
Фантастика/боевик 1990

АМЕРИКАНСКАЯ СКАЗКА (AN AMERICAN TAIL) ****
США 78 мин.
Мультфильм 1986

ЭЛЕКТРОШОК (SHOCKER) ***
США 105 мин. Ужас 1989

73
Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица,
И как это было давно.

Какие прекрасные лица,
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Георгий ИВАНОВ

Проклинаемая
и возвышаемая,
последняя
императорская
семья России
всегда
оставалась
загадкой.
Американский
историк
Роберт
К. Мэйсси
в книге
**НИКОЛАЙ
И АЛЕКСАНДРА**
воссоздает
картины
подлинной —
явной
и тайной —
жизни
этих людей,
чьи судьбы
принадлежат
истории.

**ПУБЛИКАЦИЯ
КНИГИ
НАЧИНАЕТСЯ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ
ЖУРНАЛА**

На страницах
"МЫ" —
уникальные
фотографии
из архива
царской семьи

Цена 1 руб. 20 коп.
Индекс 70554